

Элизабет Чедвик
Зимняя корона

Серия «Алиенора Аквитанская», книга 2
Серия «Женские тайны (Азбука-Аттикус)»

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=18327334

Элизабет Чедвик. Зимняя корона: Азбука, Азбука-Аттикус; Санкт-Петербург; 2016
ISBN 978-5-389-11323-7

Аннотация

Эта книга – история одной из самых знаменитых женщин Европы. Женщины, стоявшей у истоков могущественной династии Англии – Плантагенетов.

Алиенора Аквитанская. Королева Англии. Женщина, подарившая своему мужу Генриху II сыновей-наследников. Хорошая мать и мудрая правительница. Но годы идут. Сыновья взрослеют, а когда-то горячо любимый муж становится врагом.

«Зимняя корона» – вторая книга трилогии о королевской семье, где сплелись воедино любовь и ненависть, где в схватке за власть главное не меч, а обман...

Впервые на русском языке!

Содержание

Обращение к читателям	7
Глава 1	8
Глава 2	14
Глава 3	19
Глава 4	28
Глава 5	35
Глава 6	38
Глава 7	46
Глава 8	50
Глава 9	55
Глава 10	60
Глава 11	65
Глава 12	71
Глава 13	77
Глава 14	82
Конец ознакомительного фрагмента.	86

Элизабет Чедвик

Зимняя корона

Elizabeth Chadwick

THE WINTER CROWN

Copyright © 2014, 2015 by Elizabeth Chadwick

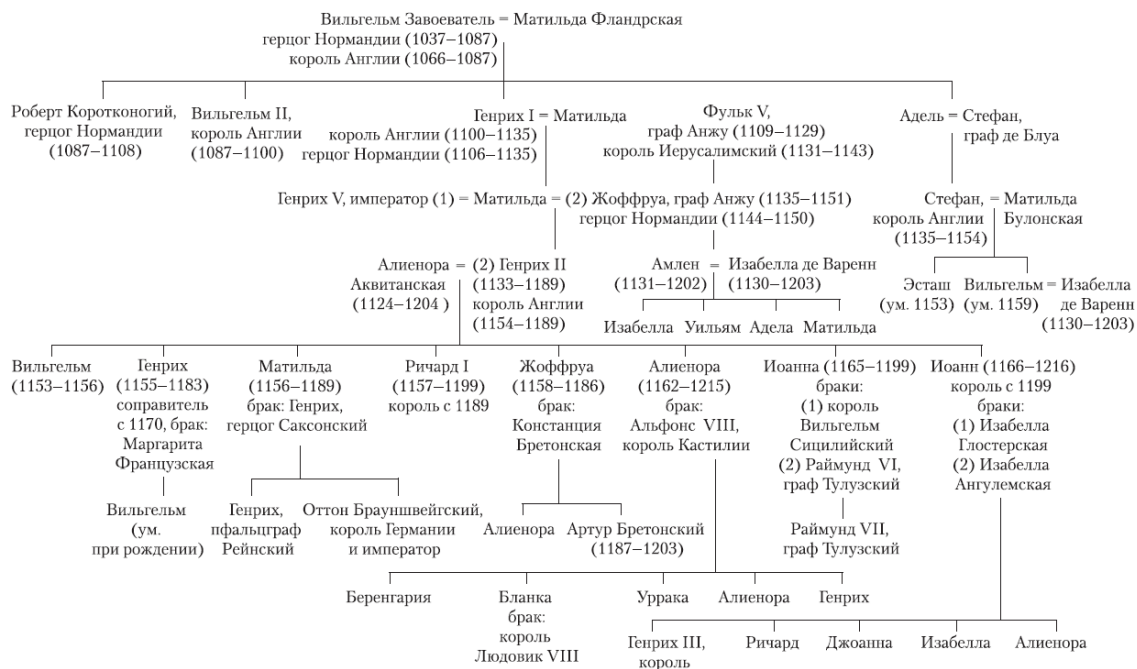
Карты выполнены Юлией Каташинской

© Е. Копосова, перевод, 2016

© Ю. Каташинская, карты, 2016

© Издание на русском языке. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2016
Издательство АЗБУКА®

* * *

Нормандские и анжуйские короли в Англии

Обращение к читателям

В романе я называю Элеонору Алиенорой в знак уважения, поскольку именно так она называла себя, этим именем подписывала свои указы и под этим именем упоминается в англо-нормандских текстах.

Глава 1

Вестминстерское аббатство, Лондон, декабрь 1154 года

В тот самый миг, когда архиепископ Кентерберийский Теобальд возложил тяжелую золотую корону на чело Алиеноры, ребенок в ее утробе резво дернул ножкой, и этот толчок отозвался во всем теле матери. Свет прозрачного зимнего дня вливался в окна аббатства, падал на усыпальницу Эдуарда Исповедника и озарял бледным сиянием помост, на котором восседала Алиенора рядом со своим мужем, новопровозглашенным королем Англии Генрихом II.

Генрих сжимал украшенную драгоценными камнями державу и коронационный меч крепко, как человек, получивший эти регалии по праву. Губы решительно сжаты, взгляд серых глаз словно устремлен к какой-то невидимой цели. Лучи света играли в его медно-рыжей бороде, и вся фигура источала нерастраченный пыл и неумную энергию, как и положено молодому человеку двадцати одного года от роду. Он уже носил титулы герцога Нормандии, графа Анжуйского, герцога-консорта Аквитании. В возрасте четырнадцати лет он предпринял свой первый военный поход – тогда враги поняли, что с ним нельзя не считаться.

Архиепископ отступил в сторону, и Алиеноре показалось, что все внимание собравшихся обрушилось на нее. Епископы, богатые феодалы, знатные бароны съехались в аббатство, чтобы присутствовать при знаменательном событии, принести клятву новому монарху и торжественно вступить в эпоху мира и благоденствия. Все надеялись, что молодой король исцелит раны, нанесенные гражданской войной, длившейся почти два десятилетия, а его супруга продолжит династию. Атмосфера была проникнута горячим воодушевлением. Каждый мечтал снискать расположение нового господина и получить преимущество перед другими. В ближайшие месяцы Алиеноре и Генриху предстояло тщательно выбрать из груды булыжников алмазы.

Алиенора короновалась уже второй раз. Больше пятнадцати лет она была королевой Франции, пока ее брак с Людовиком не расторгли на основании близкого родства супругов. Мнимое кровосмешение стало предлогом, а истинной причиной развода было то, что Алиенора родила Людовику только двух дочерей, но не могла произвести на свет сына – наследника престола. А ведь Генрих ей куда более близкий родственник, чем прежний муж, и этот факт вызывал у Алиеноры язвительную усмешку. Деньги, власть и человеческие страсти всегда берут верх над совестью и Божьими заповедями. Тем не менее за те два года, что она была замужем за Генрихом, у них родился здоровый сын, а к концу зимы супруги ожидали еще одного ребенка.

Генрих встал с резного трона, гости опустили на колени и склонили голову. Король протянул руку Алиеноре, присевшей в реверансе; ткань юбки струилась вокруг ее ног золотым водопадом. Она вложила ладонь в руку Генриха, он помог ей подняться, и супруги обменялись ликующими взглядами: свершилось.

В горностаевых мантиях, держась за руки, они прошествовали по центральному нефу собора, а за ними понесли усыпанный драгоценными камнями архиепископский крест. Дым ладана и облачка пара клубились в морозном воздухе и поднимались к небу. Алиенора шла величественной поступью, с высоко поднятой головой, выпрямив спину, чтобы легче было сохранять равновесие между массивной короной и тяжестью округлившегося живота. Складки платья шелестели и переливались, хор пел торжественный гимн, и голоса певчих взмывали, сливались с благовонными воскурениями и вместе с ними возносились к Богу. Дитя в ее чреве довольно ворочалось, энергично двигая ножками и ручками. Все предска-

зывало – это мальчик. Их полуторагодовалый первенец остался в Тауэре под присмотром няньки. Однажды, даст Бог, и он будет короноваться в этой церкви.

Снаружи к аббатству, несмотря на пронизывающий декабрьский холод, стеклись простолудины, чтобы увидеть праздничную процессию и поприветствовать новых короля и королеву. Стражники удерживали горожан на расстоянии, но толпа бурлила, тем более что придворные бросали собравшимся пригоршни серебряных монет и булочки. Алиенора видела, как люди борются за дары, слышала, как выкрикивают хвалу и благословение монархам, и хотя не понимала ни слова по-английски, настроение народа было ей понятно. Она заулыбалась:

– Нас принимают с распростертыми объятиями.

– И немудрено – после стольких-то лет войны, – ответил Генрих, тоже широко улыбаясь.

Но вот он перевел взгляд на Вестминстерский дворец, и в его глазах появилась озабоченность. Эта когда-то роскошная королевская резиденция в последние годы правления Стефана совершенно обветшала, и потребуется много времени и сил, чтобы вернуть ей былое величие. Пока Генрих вел государственные дела в Тауэре, а сам с семьей поселился на другом берегу реки, в поместье Бермондси.

– Но ты права, зерна упали на благодатную почву, пусть же наше начинание процветает. – Он положил руку на ее круглый живот, выступающий между краями мантии, показывая подданным, что скоро ожидается наследник. Продолжение королевского рода – главная обязанность королевы, и это особенно важно сейчас, в самом начале их царствования. Генрих почувствовал, как ребенок ответил на его прикосновение толчком, и довольно хмыкнул. – Это наш триумф. Теперь мы должны воспользоваться успехом и укрепить народное доверие. – Взяв из рук пажа монеты, он бросил их в толпу.

Стоявшая рядом молодая женщина с маленьким ребенком поймала одну из них и послала королю ослепительную улыбку.

* * *

Алиенора немного утомилась, но все же сияла от радостного волнения, когда уже в темноте баркас ударился о причал в устье Темзы около Тауэра. Матрос забросил канат на швартовочный столб и подтянул судно ближе к ступеням пристани. Подбежали слуги с факелами, чтобы проводить королевскую чету и свиту в крепость. На темной поверхности реки плясали отблески огня, студёный зимний воздух пропах соленой водой. Алиенора куталась в подбитую мехом накидку, но все равно от холода у нее стучали зубы. Опасаясь поскользнуться на обледеневшей дороге, она осторожно переставляла ноги в кожаных сапожках на тонкой подошве.

Оживленно беседуя с придворными, среди которых был Амлен, виконт де Турень, Генрих энергично шагал к замку, в ночной тишине его громкий голос разносился далеко по округе. В этот день король встал до рассвета, и Алиенора знала, что он не ляжет спать до глубокой ночи. Зимой свечи и лампадное масло были в их семейном бюджете основной статьёй расходов; никто не мог сравниться с Генрихом в выносливости и работоспособности.

Алиенора вошла в главную башню Тауэра и стала медленно подниматься к своим покоям. На полпути ей пришлось остановиться и, положив руки на живот, перевести дух. Зайдя в детскую, она заглянула за перегородку в альков – наследник нового трона спал безмятежным сном в своей кровати, заботливо укрытый теплыми шерстяными одеялами; в свете лампы мерцали его ярко-золотые волосы. Няня улыбнулась королеве и кивнула: все хорошо. Алиенора проследовала в супружескую спальню. Здесь они с Генрихом проводят ночь, а утром отправятся на другой берег реки в Бермондси.

Ставни были плотно закрыты, чтобы не пустить в комнату морозный воздух, в очаге разгорался огонь. Алиенора встала возле очага и с наслаждением ощутила, как благодатное тепло окутывает ее и холод, пронизавший ее до самых костей во время переправы по реке, покидает тело. Пляшущее пламя отражалось в ткани ее платья, рисовало на поверхности шелка причудливые картины, завораживало.

Старшая горничная Марчиза приблизилась, чтобы помочь госпоже раздеться, но Алиенора остановила ее.

– Подожди, – проговорила она, улыбаясь, – я хочу подольше насладиться этим днем. Другого такого в моей жизни не будет.

Единокровная сестра Генриха Эмма протянула Алиеноре кубок с вином; ее карие глаза сияли.

– Я никогда не забуду этот день.

До свадьбы Алиеноры и Генриха Эмма жила в монастыре Фонтевро в доме для мирских женщин. Она и ее брат Амлен были незаконными детьми отца Генриха, Жоффруа Анжуйского, и обоим нашлось место при дворе, когда Генрих стал королем.

– Мы все будем помнить его, – ответила Алиенора и поцеловала золовку. Она любила Эмму, дорожила ее кроткой дружбой и восхищалась ее мастерством в вышивании.

Вошел Генрих. Он все еще бурлил энергией, как котелок на огне. Коронационное облачение король сменил на будничную шерстяную котту и надел любимые разношенные башмаки.

– У тебя такой вид, будто ты готов поплевать на ладони и взяться за дело. – Послав мужу понимающий взгляд, Алиенора осторожно устроилась в кресле перед очагом и расправила юбку.

– Так и есть. – Генрих покрутил в руках шахматную фигуру слоновой кости из набора, расставленного на доске на низкой скамье у окна и ждавшего игроков. – К сожалению, все остальные в это время спят. Если не дать им отдохнуть, они становятся тупыми, как неточные ножи. – Он подвигал фигуры по доске, прикидывая вероятные ходы противника.

– Что ж, у тебя есть возможность тоже немного поспать.

– Что толку дрыхнуть? – Оставив шахматы, супруг сел на скамью лицом к Алиеноре, взял из ее рук кубок и сделал глоток вина. – На рассвете прибудет архиепископ Кентерберийский. Он предлагает одного человека на пост канцлера.

Алиенора вскинула брови: при дворе всюду шла торговля за благосклонность монарха и выгодные должности. До коронации она успела перекинуться несколькими словами с Теобальдом Кентерберийским, и он показался ей лукавой бестией. За кроткой улыбкой и близоруким взглядом скрывалась железная воля. Когда-то он открыто не подчинился Стефану и воспротивился тому, чтобы старший сын короля Эсташ был признан наследником престола, и некоторое время находился в опале. Отказ Церкви короновать сына узурпатора укрепил позиции Генриха, поэтому расположение молодого короля к Теобальду было вполне заслуженным. Кроме того, всем известно, что архиепископ Кентерберийский умел собирать вокруг себя людей чрезвычайно умных и незаурядных.

– Это некий Томас Бекет, его архидьякон и протеже, – сказал Генрих. – Он родился в Лондоне, но образование получил в Париже и жаждет применить свой талант на ниве государственных финансов.

– Сколько ему лет?

– Около тридцати пяти, то есть старческим слабоумием еще не страдает, как большинство этих церковников. Я коротко побеседовал с ним, но пока не понял, что он за птица.

– У Теобальда, должно быть, есть свои причины рекомендовать его. – Алиенора наклонилась взять кубок из рук Генриха.

– Вне всяких сомнений. Он хочет иметь своего человека при дворе, чтобы оказывать влияние на мои решения и продвигать интересы Церкви. И человек этот будет далеко не простак, это уж точно. – Король натянуто улыбнулся. – Но если я соглашусь на этого Томаса Бекета, ему придется поменять хозяина. Я не против, чтобы мне служили люди с амбициями, но не позволю, чтобы мной манипулировали.

Почувствовав раздражение в его голосе, Алиенора пристально взглянула на мужа.

Он вскочил со скамьи, беспокойный, словно пес в незнакомом месте.

– Преданность – большая редкость. Мать всегда говорила мне, что никому нельзя верить, и она права.

– Но ведь ей ты веришь?

Он взглянул на нее оценивающе:

– Я доверяю ей в том, что касается моей судьбы, и верю, что она действует в моих интересах, но ее суждениям доверяю не всегда.

Повисло неловкое молчание. Алиенора не стала спрашивать, доверяет ли муж ее суждениям, так как предчувствовала, что ответ ей не понравится.

Ребенок в ее чреве снова принялся толкаться, и Алиенора погладила живот.

– Тише, малыш, – прожурчала она и улыбнулась Генриху. – Он совсем как ты – почти не спит, постоянно двигается. Во время коронации мне казалось, что он скачет на лошади!

Генрих усмехнулся:

– Его определенно обрадовало, что он родится сыном короля.

Он присел рядом с женой, взял ее мягкую ладонь в свою мозолистую руку, и облачко отчуждения, которое ненадолго возникло между ними, мгновенно рассеялось. Чтобы загладить нечаянную размолвку, он уселся у ее ног, как верный паж, и, прихлебывая вино из ее кубка, стал интересоваться, что она думает о претендентах на другие придворные должности. В основном говорил он сам, а Алиенора только слушала. Всех этих англичан она едва знала, но ей было приятно, что муж советуется с ней, и несколько раз она даже рискнула высказать свое мнение. Супруги согласились друг с другом в том, что надо отговорить Найджела, епископа Или, королевского казначея, уходить в отставку. Только он, с его солидным опытом, может наладить систему сбора налогов, которая обеспечит регулярное пополнение государственной казны. Ричард де Люси, верховный судья, останется на своем посту, но разделит его с Робертом де Бомоном, графом Лестером.

– Не важно, что раньше они были на стороне Стефана, – проговорил Генрих. – Мне нужны их талант и верная служба. Хотя я и сказал, что никому не доверяю, но я хочу дать умнейшим людям королевства возможность доказать их преданность. И де Люси, и Бомон понимают, что это в их же собственных интересах.

Алиенора слегка взъерошила кончиками пальцев его волосы, любясь тем, как отблески пламени играют в огненно-рыжей шевелюре супруга. Она тоже должна благоволить этим государственным мужам. Генрих будет часто отлучаться из Англии, и тогда иметь с ними дело придется Алиеноре, так что разумнее сохранять с ними хорошие отношения, а не враждовать.

– А с сына Стефана я глаз не спущу, – продолжал Генрих. – Пусть он и отказался от притязаний на корону, но он может стать знаменем моих противников.

Алиенора перебрала в уме придворных, с которыми успела познакомиться. Младший сын короля Стефана Гильом Булонский был симпатичным, ничем не примечательным юношей, немного моложе Генриха. Он прихрамывал – последствия перелома ноги, – и из него вряд ли вышел бы лидер заговорщиков. Но Гильом вполне мог сделаться орудием в руках заинтересованных людей.

– Это весьма благоразумно, – согласилась Алиенора, подавляя зевоту: долгий день утомил ее; тепло очага дарило приятную истому, и вино кружило голову.

Генрих поднялся на ноги:

– Ну что ж, любовь моя, пора пожелать тебе спокойной ночи.

– А ты не хочешь прилечь хотя бы ненадолго? – с просительной ноткой в голосе проговорила она. Ей хотелось закончить этот знаменательный день в его объятиях.

– Позже. У меня еще есть кое-какие дела. – Он нежно поцеловал ее в губы и любовно коснулся живота. – Ты была сегодня просто безупречна. Никогда не видел такой прекрасной и величественной женщины.

Его слова согрели ей душу и умили досаду. Она смотрела, как он шагает к двери – так же бодро, как и утром. На пороге супруг обернулся, ласково улыбнулся жене и исчез, словно унесенный сквозняком.

Еще немного поглядев на закрытую дверь, Алиенора позвала придворных дам и начала готовиться ко сну, опечаленная тем, что придется лечь одной, но все же весьма довольная прожитым днем.

* * *

Паж, сопровождавший Генриха, тихонько постучал в дверь наемного дома на улице Истчип, что недалеко от Тауэра. Отодвинулся засов, служанка пустила внутрь юношу и его царственного господина, а затем закрыла дверь и поклонилась.

Генрих не удостоил ее вниманием и устремил взгляд на молодую женщину, присевшую в реверансе при появлении короля. Голова ее была опущена, он мог видеть только пышную копну каштановых волос, контрастирующих с белизной холщовой рубашки. Генрих подошел к девушке и поднял указательным пальцем ее подбородок, чтобы взглянуть в лицо.

– Мой господин, – произнесла она, и ее полные губы расплылись в улыбке, которая когда-то околдовала короля. – Генрих.

Он помог ей подняться, порывисто прижал к себе и страстно поцеловал. Та обвила руками его шею и тихо пискнула, как котенок. Чувствуя, как волнующе льнет она к нему всем телом, он зарылся лицом в ее густые волосы и с наслаждением вдохнул запах полевой травы.

– Ах, Элбурга, – у него перехватило дыхание, – ты свежа, как весенняя лужайка.

Она уткнулась носом в его шею:

– Я не надеялась увидеть вас сегодня. Думала, вы будете слишком заняты.

– Я действительно очень занят, но для тебя у меня нашлось время.

– Хотите перекусить? Есть хлеб и вино.

Он покачал головой и сжал ее грудь:

– Я съел сегодня целого медведя. Меня мучает другой голод, и я собираюсь утолить его прямо сейчас.

Элбурга издала кокетливый смешок и освободилась из его объятий. Взяв свечу, она повела Генриха по лестнице наверх, в спальню.

* * *

Свеча уже оплыла, когда Генрих дотянулся до платья и начал одеваться.

– Не уходите. – Элбурга пробежала кончиками пальцев по его голой спине.

Он с сожалением вздохнул:

– Дела ждут меня, милая. Через несколько часов придет архиепископ Кентерберийский, и негоже принимать его размякшим после постели любовницы, даже столь желанной. – Он прижал ее руку к своим губам. – Скоро я приду опять. Обещаю.

– Королева выглядела сегодня великолепно, – тихо проговорила Элбурга.

– Это правда, но с тобой ей не сравниться.

Элбурга села в кровати и принялась приглаживать волосы.

– Милая, ты совсем другое дело. – Он заправил кудрявый локон ей за ухо. – У меня есть обязанности... но есть и то, что доставляет удовольствие, – наши с тобой встречи.

К тому же Алиенора на сносях, и он не мог делить с ней ложе.

Из-за угла за портьерой послышался детский плач. Элбурга быстро накинула шемизу, скрылась за пологом и тут же вернулась с рыжеволосым младенцем на руках.

– Тише, мальчик, тише, успокойся, – мурлыкала она. – Смотри-ка, вот твой папа.

Ребенок уставился на Генриха и приготовился было хныкать, но отец соорудил ему рожицу. Ребенок тут же заулыбался и застенчиво уткнулся в мягкую мамину шею, но через мгновение опять посмотрел на родителя круглыми голубыми глазками. Генрих испытал большое облегчение. Нет ничего хуже бесконечного детского плача.

– Я буду заботиться о малыше, – пообещал он. – Мы воспитаем его, как подобает королевскому сыну, и дадим все, чтобы он смог занять достойное место в жизни.

– Вы ведь не заберете его у меня? Я не вынесу этого, – забеспокоилась Элбурга.

– Глупая девчонка! – Генрих склонился к ней, чтобы поцеловать. – Кто же отнимет младенца у матери. – Конечно, когда ребенок немного подрастет и станет достаточно умен, чтобы приступить к учебе, от материнской юбки его придется оторвать, но сейчас Элбурге об этом знать не обязательно. – Мне надо идти. – Он ласково потрепал ее по волосам, поцеловал сына и по пути к двери оставил на столике в гостиной кошелек с серебром в дополнение к той монетке, которую Элбурга поймала у аббатства минувшим утром.

В темном зимнем небе не виднелось и проблеска зари, и Генрих решил, что может подремать в кресле пару часов, а уж потом подготовиться к визиту архиепископа. Направляясь к Тауэру, он уже был поглощен мыслями о государственных делах, и воспоминания о часах с Элбургой отступили на задворки сознания.

Глава 2

Поместье Бермондси близ Лондона, декабрь 1154 года

Алиенора оценивающе смотрела на Томаса Бекета, которого Генрих только что назначил канцлером Англии. Высокий, сухощавый, с впалыми щеками, крупным носом и цепкими серыми глазами, он впивался взглядом в собеседника, но не упускал из виду и всего того, что происходит вокруг.

– Уважаемый Томас, вас можно поздравить? – обратилась к нему Алиенора.

Он поклонился и с почтением повел рукой:

– Я благодарен за то, что король оказал мне эту честь, г-госпожа. Рад служить в-вам обоим по мере моих сил.

Бекет говорил медленно, взвешивая каждое слово. Поначалу Алиенора решила, что это способ придать себе значительность, но теперь было понятно, что таким образом Томас справляется с заиканием. Без сомнения, он искусный дипломат. Архиепископ считает, что именно благодаря его стараниям Рим отказался признать Эсташа, сына короля Стефана, наследником английской короны.

– Что же, в таком случае нас ждут великие свершения.

– Только скажите, что надо делать, и я вас не разочарую.

Он сунул руки в отороченные мехом рукава, что были гораздо шире обычных – наверное, чтобы увеличить пространство, которое занимает сам Бекет. Алиенора заметила изысканную брошь, скалывающую воротник его накидки, и золотые перстни, которыми были унизаны ухоженные пальцы. У Бекета хороший вкус, впрочем, как у многих при дворе. Человек, занимающий высокое положение, обязан выглядеть соответственно сану. Только всемогущий король волен не обращать внимания на условности и поступать, как ему заблагорассудится. Однако стоит присмотреться повнимательнее к новому канцлеру: Бог знает, к чему может привести склонность к внешним эффектам.

– Уверена, мы найдем общий язык. Иметь советником того, кто знаком с придворной дипломатией, – большая удача.

Бекет поклонился:

– Да, г-госпожа. Но всегда есть чему еще поучиться, и я жажду приступить к своим обязанностям немедленно, – произнес он, и голос его при этом стал еще глубже и многозначительнее.

И правда, заметила про себя Алиенора, прямо копытом бьет, рвется выказать усердие, а на самом деле невтерпеж применить новые полномочия.

Сияя взором, полный кипучего воодушевления, стремительно вошел Генрих.

– Готов ехать на охоту, лорд канцлер? – Он приветливо похлопал Бекета по плечу. – Конюхи подобрали для тебя резвого коня, и можешь взять одного из моих ястребов, пока не обзаведешься своими.

– Сир, я к вашим услугам. – Бекет поклонился.

– Тогда вперед, время не ждет!

Генрих лихо увлек канцлера за собой, как ребенок нового товарища по играм. Остальные придворные сделали по последнему глотку вина и, дожевывая на ходу хлеб, ринулись за ними, желая произвести впечатление на молодого короля. Алиенора с завистью смотрела им вслед: жаль, что женщинам не дана такая свобода. Время родов приближалось, и ей приходилось ограничиваться рутинными занятиями внутри замка. Тем временем мужчины будут говорить о нынешней политике Англии, увлеченно спорить о рыцарских турнирах. Они станут заключать союзы, похваляться друг перед другом, щеголять титулами, и их бьющая через

край энергия найдет выход в активных действиях. Генрих ближе познакомится с Бекетом и другими государственными мужами, а они, в свою очередь, лучше узнают нового монарха, по крайней мере настолько, насколько он позволит.

А Алиеноре, пока мужчины на охоте, остается только развлекать их жен, дочерей и воспитанниц и затевать собственную игру. Женские интриги подчас приносят лучшие плоды, чем мужские громы и молнии, это более утонченный способ достичь желаемого, нежели соревнования в фанфаронстве или бешеные скачки.

Алиенора сразу прониклась симпатией к Изабелле, графине де Варенн, жене сына Стефана – Гильома Булонского. Это была привлекательная молодая женщина с блестящими темными волосами, заплетенными в две толстые косы, уложенные под вуалью. Взгляд ее карих с золотыми крапинками глаз выдавал веселый нрав и проницательность. Изабелла развлекала маленького сына Алиеноры: рассказывала ему незамысловатую историю о кролике, с помощью пальцев изображала животных и временами щекотала мальчика. Малыш Вилл восторженно визжал и смеялся.

– Еще! – подпрыгивая, требовал он. – Расскажи еще!

Изабелла погрустнела. Уже шесть лет она замужем, а детей все нет. Алиенора подумала, что с политической точки зрения так даже лучше. Гильом Булонский официально отказался от притязаний на корону, но семена смуты могли прорасти в новом поколении, и Генрих предусмотрительно не упускал молодого человека из виду.

Наблюдая, с каким увлечением Изабелла играет с ее сыном, Алиенора решила взять молодую женщину к себе придворной дамой и свести с ней дружбу. Она наверняка может порассказать много интересного об английских баронах, особенно тех, что поддерживали Стефана. Поэтому чем больше она приблизит графиню, тем лучше.

– Ты прекрасно ладишь с детьми, дорогая, – сердечно произнесла Алиенора.

– Это несложно, госпожа. – Изабелла засмеялась. – Все дети любят эту игру. – Она обняла одной рукой Вилла и сделала из платка кролика. – И мужчины тоже, – с озорством добавила графиня де Варенн.

Алиенора усмехнулась, соглашаясь с ней, и подумала, что Изабелла будет превосходной компаньонкой.

* * *

– Королева взяла меня к себе придворной дамой, – сообщила Изабелла мужу тем же вечером, когда они собирались ложиться спать в съемном доме около Тауэра.

Ей очень понравилось, как она провела день. Много лет у нее не было возможности общаться при дворе с дамами одного с ней положения, но теперь наступил мир, все изменилось, и она даже приободрилась. У новой королевы славный сынишка, а вскоре ожидается еще один ребенок. Сначала Изабелла почувствовала приступ привычной печали, но понемногу игра с мальчуганом отвлекла ее от тоскливых мыслей о том, что сама она матерью пока так и не стала.

Ее муж полусидел в кровати, подложив под спину подушки, а Изабелла натирала ему больную правую ногу согревающей мазью. Гильом сломал голень в прошлом году во время несчастного случая, о котором отказывался говорить. Обстоятельства этого происшествия были весьма туманными. Изабелле так и не удалось вызвать мужа на откровенность. Она подозревала, что это было предупреждение – не рассчитывай на отцовскую корону – или неудачная попытка убийства. Гильом никогда и не стремился завладеть тронном и охотно отступился от своих прав. После этого неприятного эпизода опасность, казалось, миновала, но Изабелла знала, что за ним внимательно наблюдают.

– Неудивительно, – ответил Гильом, – король хочет, чтобы я остался при дворе, и само собой разумеется, что ты поступишь в услужение к королеве. – Его губы искривила усмешка. – С одной стороны, мы получаем расположение царствующих особ, но с другой – оказываемся под завуалированным домашним арестом. Генрих ни за что не выпустит нас из виду.

– Но ведь это ненадолго? – спросила Изабелла; ей очень нужно было верить в то, что все в мире правильно и справедливо.

– Надеюсь. – Он надул щеки. – Никогда не встречал столь неугомонного человека. Сегодня на охоте Генрих носился за зверьем как оглашенный, пока его конь не стал спотыкаться. Дай ему волю, он бы рыскал по лесу до ночи, наплевав на всех нас. Только его единокровный брат Амлен и новый канцлер могли угнаться за ним, и то благодаря одной лишь силе духа и выносливым лошадям. Не сомневаюсь, что с утра пораньше опять куда-нибудь умчится. – Гильом переменял положение тела, поморщился. – На следующей неделе он собирается в Оксфорд, а потом в Нортгемптон.

Изабелла настороженно взглянула на мужа:

– Едет только свита или весь двор?

– Король со свитой. Скажи спасибо, что королева остается здесь.

– Я буду скучать. – Изабелла усердно втирала мазь.

– Не волнуйся, я ненадолго.

Она продолжала свою работу, хотя мазь уже вся впиталась. В том месте, где был перелом, на ноге осталось утолщение, словно нарост на ветке дерева.

– Изабелла. – Он произнес ее имя так нежно и грустно, что ей захотелось плакать. – Расплети косы. Так красиво, когда ты распускаешь волосы.

Изабелла неохотно дотронулась до своих роскошных кос. Ее пальцы, жирные от мази, скользнули по тяжелым податливым прядям. Она очень любила супруга, но не как женщина мужчину, а как заботливая старшая сестра малолетнего сводного брата, и моменты близости были неловкими. Они поженились по приказу его отца-короля, когда ей было шестнадцать, а ему всего одиннадцать, и, хотя он давно вступил в пору физической зрелости, их интимная жизнь так и не сладилась. Они восходили на ложе, потому что их долг – обеспечить земли Булони и Варенны наследниками, но Изабелла до сих пор так и не зачала. Дай срок, и это произойдет, убеждала она себя, но каждый раз, когда приходили регулы, ее сомнения росли, а вместе с ними и чувство вины.

Гильом запустил руки в ее волосы и притянул ее к себе, но их объятия не привели ни к чему, кроме поглаживаний и робких поцелуев, которые не распалились, а, напротив, угасали, вскоре он и вовсе уснул. Изабелла лежала рядом с ним и не могла отодвинуться – его рука так и осталась в ее волосах, к которым он приник щекой, как дитя к любимой игрушке. Она слушала его тихое, ровное дыхание, и сердце ее разрывалось от тоски.

* * *

В конце февраля поздний снег за ночь покрыл землю пушистым белым одеялом. В Бермондси в родильной комнате поддерживали огонь в очаге, потому что на этой стадии родов нижняя часть тела Алиеноры была обнажена, но плечи все же укутали меховой накидкой.

– Подумать только, – сказала Эмма, протягивая королеве кубок вина с медом, – ребенок родится на горностаевой мантии в прямом и переносном смысле!

Был перерыв между схватками, и Алиенора слабо улыбнулась. Ее старший сын родился у герцога и герцогини, а это дитя будет отпрыском короля и королевы Англии.

– Да, и отец на этот раз придет посмотреть на него.

Генрих недавно вернулся после своей молниеносной поездки по Англии. Из-за глубокого снега охоту пришлось отменить, и он был обречен безвылазно сидеть в комнате с Беке-том и де Люси и заниматься государственными делами.

Алиенора с наслаждением отхлебнула медовый напиток.

– Когда родился Вилл, Генрих был в походе и увидел сына уже восьмимесячным.

Подошли следующие схватки, сильнее, чем предыдущие. Алиенора застонала и отдала кубок Эмме.

Повитуха осмотрела роженицу.

– Теперь уже скоро, госпожа, – подбодрила она венценосную даму.

Лицо Алиеноры исказилось от боли.

– Недостаточно скоро! – выдохнула королева. – С какой стороны ни посмотри, муж-чины везде в выигрыше.

Был уже почти полдень, когда детский крик заполнил комнату и Алиенора, часто дыша, в изнеможении откинулась на подушки.

– Госпожа, у вас здоровый, крепкий мальчик!

Сияя улыбкой, повитуха подняла младенца над окровавленными бедрами матери и положила его, мокренького и скользкого, ей на живот.

Алиенора, преодолевая утомление, торжествуя засмеялась. Она выполнила свой долг – обеспечила корону двумя наследниками.

Повитуха перерезала пуповину и убедилась, что послед вышел, а ее помощница иску-пала ребенка в медном тазу около огня. Потом мальчика вытерли, завернули в теплые пеленки и меховую накидку и снова дали матери. Алиенора качала сына на руках, гладила сморщенное личико, перебирала и целовала его пальчики. Из окна струился бледный свет, в воздухе кружились крупные белые хлопья, постукивал сухими ветками ветер. Этот миг она запомнит навсегда: отдых после мучительных усилий, огонь очага, теплая овчина; обсту-пившее мать и сына умиротворение, тихое, почти священное.

* * *

Королева очнулась от дремоты. Колокола лондонских соборов и ближайшей церкви Спасителя возвещали радостную новость о рождении принца. Угасший день за окном уже переходил в сумерки, снегопад прекратился. Возле кровати стоял Генрих и с блаженной улыбкой на раскрасневшемся от мороза лице смотрел на ребенка в люльке.

Алиенора быстро приподнялась и села в постели, опираясь на подушки. Почему ее не разбудили до прихода Генриха, чтобы одеть и причесать перед встречей с мужем?

Генрих повернулся на ее движение, и она заметила слезы в его глазах.

– Он прекрасен, – произнес король, и у него перехватило горло.

Алиенора редко видела супруга в таком уязвимом состоянии – беззащитное выражение лица, нетвердый голос. От нахлынувшей нежности у нее защемило сердце, как будто мате-ринский инстинкт распространился и на мужа. Он взял спеленутого младенца из люльки и сел на край постели.

– Ты дала мне все, о чем можно только мечтать, – любовно обратился он к жене. – Ты выполнила все условия брачного союза. Мне нелегко кому-то довериться, но тебе я доверяю безраздельно. Ты драгоценный подарок судьбы.

Его слова звучали так искренне, что глаза Алиеноры тоже наполнились слезами. Она знала, как трудно ему снять оборону и открыто признаться в своих чувствах. Рождение малыша и в самом деле сильно тронуло его. Однако Алиенора учитывала прошлый горький опыт и особенно не обольщалась. С Генрихом всегда так: сегодня он откровенен с ней, а

уже завтра все может измениться. Она ответила ему лишь сдержанным взглядом. А колокола звонили и звонили.

Наконец он встал и неохотно отдал сына в руки одной из нянек:

— Я договорюсь о крестинах. Наречем его Генрихом, как мы и хотели. Лондонский епископ проведет обряд завтра утром. Отдыхай, дорогая. Тебе надо окрепнуть и набраться сил для следующего ребенка.

Генрих поцеловал жену и, как всегда стремительно, удалился. Алиенора улыбалась, хотя на самом деле испытывала раздражение. Минуту назад он был полностью удовлетворен жизнью и все было лучше некуда, но теперь уже ожидает следующего отпрыска. Совсем не это хочет услышать ослабевшая, измученная жена всего через час после родов. Она должна окрепнуть, только чтобы произвести на свет еще одного младенца! Каково! А ведь в начале их брака Алиенора предупреждала, что не согласна быть лишь женой и матерью. Нет, она не позволит, чтобы с ней обращались как с племенной кобылой.

Глава 3

Винчестер, сентябрь 1155 года

– Архиепископ настаивает на том, чтобы я отправил войска в Ирландию. – Недовольный Генрих беспокойно мерил шагами комнату. – Старый лис хочет подмять под себя Ирландскую церковь. Предложил даже посадить там на трон моего брата. Он думает использовать нас с Жоффруа в своих играх. Как бы не так!

Алиенора сидела у окна, качая на коленях семимесячного Генриха, а его старший брат скакал вокруг стола на деревянной лошадке и весело тряс красными кожаными поводьями.

– А что говорит Жоффруа?

Генрих заложил руки за пояс:

– Он не против того, чтобы стать королем, но не в такой глухомани, как Ирландия. Да и я не хочу отдавать в его руки морские границы.

– Ты прав, что настаиваешь на своем.

Алиенора недолюбливала обоих братьев Генриха. Жоффруа – второй сын в анжуйской семье, завистливый, со вздорным характером; ему всегда досаждало то, что старший брат так высоко взлетел. Когда он был поблизости, Алиенора опасалась и за себя, и за своих сыновей, поэтому всеми возможными способами избегала его. К младшему брату Генриха Вильгельму она тоже питала неприязнь, хотя и не такую сильную. Он не столь прямолинейно отстаивал свои привилегии, но пытался запугивать всех вокруг, чтобы придать себе вес при дворе. Единственным достойным человеком среди братьев Генриха оказался Амлен. Как незаконнорожденному отпрыску герцога Анжуйского, ему приходилось завоевывать расположение венценосного брата преданной службой.

– Я не позволю, чтобы Церковь диктовала мне, что делать! – распалялся Генрих. – Пусть Теобальд сколько хочет обращается в Рим, напоминает, какую важную роль сыграл как посредник в переговорах со Стефаном. Пусть намекает, что я многим ему обязан. Мне это безразлично. Я займусь Ирландией, когда сам посчитаю нужным.

– Ты сказал ему об этом?

– Не в такой форме. – Генрих лукаво взглянул на жену. – Я сказал, что раз вопрос касается моего брата, то дело семейное и я должен посоветоваться с матерью. Я уверен, она ни за что не одобрит эту авантюру и согласится со мной, что это только лишняя трата денег и времени, к тому же опасная. Теобальд, конечно, не отступится, но я собираюсь пережить это.

– Умно, – согласилась Алиенора.

Мать Генриха Матильда исполняла функции наместника короля в Нормандии и из аббатства Бек контролировала все, что происходит во владениях английской короны. Она хорошо знала архиепископа, но всегда защищала интересы сына, и при ее посредничестве конфликт разрешится определенно в пользу Генриха.

– Я тоже так думаю, – усмехнувшись, сказал тот.

– Смотри, папа, как быстро скачет мой конь! – весело закричал Вилл, который только начал связно говорить.

Выражение лица Генриха смягчилось.

– Прекрасно! Мужчине нужен быстрый конь, чтобы всегда быть впереди и обгонять противников. – Король взял сына на руки и обнял, прижав свою ярко-рыжую голову к его огненно-рыжей.

– А что сказал твой канцлер? Он ведь ставленник Теобальда, – поинтересовалась Алиенора. – Бекет тоже пытался убедить тебя завоевать Ирландию?

– Томас делает то, что я ему приказываю. – Генрих сверкнул серыми глазами. – Сейчас его главная задача – пополнить государственную казну, и он с этим замечательно справляется. Должно быть, торгашеское происхождение дает себя знать. – Он поставил сына на пол. – Пока мать улаживает разногласия с Теобальдом, они оба будут заняты, и я смогу спокойно, без советчиков заняться другими делами.

Алиенора отдала ребенка няне.

– Ты хотел сказать – мы сможем заняться другими делами. Эти дела такие же мои, как и твои.

Генрих мрачно взглянул на нее:

– Само собой разумеется.

– И все-таки мне приходится напоминать об этом.

– Когда я отплыву в Нормандию и Анжу, ты останешься здесь моим регентом. Ты заменишь меня, а я тебя. Мы всегда будем править вместе, успокойся. – Теперь Генрих, кажется, был разгневан.

Алиенора не собиралась успокаиваться. Она не верила словам мужа. Если он и привлекал ее к делам, то лишь тогда, когда ему это было выгодно.

– Но Аквитания – прежде всего мое герцогство, – твердо произнесла она. – И в данном случае я решаю, прибегнуть ли к твоей помощи, а не наоборот.

Генрих нетерпеливо вздохнул:

– Не цепляйся к словам. Тебе нужен мой меч, чтобы держать баронов в узде. А я потом и кровью обеспечиваю безопасность Аквитании. Однажды наш сын унаследует твое герцогство, и мы обязаны создать для этого все условия. Не понимаю, почему ты бесишься.

– Потому что для меня это важно. Ты должен считаться со мной.

Он яростно зарычал, привлек ее к себе и исступленно поцеловал. Она схватила его за руки, их объятия словно превратились в поле битвы. В крови забурился гнев; сдерживаемое желание искало выхода.

– Разве ж я не считаюсь?

– Говорю тебе, мои права дороже, чем твоя жизнь. – Она стояла так близко к нему, что ее слова перемешались с воздухом, который он вдохнул.

Он засмеялся:

– Так же, как мои дороже твоей, любовь моя. И поскольку мы друг друга стоим, думаю, можно объявить перемирие...

Он снова поцеловал ее, увлек на кровать и задернул занавес балдахина, отгораживаясь от мира. Когда они торопливо снимали друг с друга одежду, задыхаясь от вожделения, у нее мелькнула мысль, что перемирие объявляют противникам, а не союзникам.

* * *

Алиенора стояла рядом с Генрихом в большом зале Вестминстерского дворца и с удовольствием разглядывала обновленный интерьер. Уже ничто не напоминало о прежнем холоде, сырости и заброшенности, и воздух наполнял запах дерева и свежей штукатурки. Мастера еще трудились над отделкой, наводили лоск – последние штрихи, последние прикосновения кисти, – но основные работы по перестройке были уже закончены. Под фризом с изображением красных и зеленых листьев аканта развешивали драпировку, недавно привезенную из Кентербери, и зал на глазах становился еще более пышным и красочным. Английские вышивальщицы – лучшие в христианском мире.

– Все будет готово через три дня к заседанию совета, сир, – заверил короля Томас Бекет и почтительно повел рукой в отороченном мехом рукаве. – Мебель привезут сегодня, а текстиль завтра.

Ему было поручено проследить за тем, чтобы ремонт дворца закончили к заседанию Большого совета, которое состоится в Рождество, перед тем как Генрих отправится в Нормандию.

Король с одобрением кивнул:

– Превосходно. Год назад это была необитаемая коробка с дырявой крышей и стекающей по стенам водой. Теперь здание отвечает своему назначению.

Бекет склонил голову и послал благодарный взгляд Алиеноре:

– Я неотступно следовал советам королевы и сделал все, что от меня зависит, сир.

– Рад видеть, что мой канцлер и моя жена нашли общий язык, – довольно произнес Генрих. – Лучшего результата я и ожидать не мог.

Бекет снова поклонился, Алиенора ответила тем же. Она все еще не доверяла Бекету – оставалось в нем что-то загадочное. Он неизменно любезен с ней, никогда не допускает фамильярности. Они свободно разговаривали на многие темы – Бекет был образован, наблюдателен и отличался острым умом – и хорошо понимали друг друга. Но в их общении все же чувствовалась прохладца. При этом Алиенора никогда не могла сказать точно, о чем он думает. Тем не менее создавалось впечатление, что он во всем стремится угодить ей и Генриху, особенно если дело касалось пополнения казны, и это говорило в его пользу.

Алиеноре очень нравилось работать с Бекетом, давать советы, делать эскизы и выбирать из них лучшие. Но в то время как для нее участие в обновлении дворца было обыденным развлечением, он вел себя как голодающий, который случайно попал на пир и не может наесться; бывало даже, ей приходилось гасить его горячее воодушевление. Изящные расшитые занавеси, изготовленные в кентерберийских мастерских, появились в зале по ее желанию, но высокий стол розового мрамора на изогнутых в виде арки опорах добавил в интерьер Бекет. А еще оформленные в том же стиле скамьи и изысканно украшенный фонтан. Ей пока не довелось побывать в доме канцлера, но говорили, что он не уступает по богатству обстановки дворцу византийского императора. Забавно, что венценосный Генрих прекрасно спит и на пуховой перине, и на соломенном тюфяке, в то время как его канцлер имеет вкусы и привычки сибарита или человека, который жаждет забыть свое низкое происхождение и потому окружает себя чрезмерной роскошью.

Из большого зала Бекет повел их по выложенной камнем дорожке. Холодный ветер волновал реку, белогривый прилив атаковал берег. Алиенора плотнее укуталась в накидку, оберегая уже обозначившийся живот, где рос зачатый в сентябре ребенок. Они подошли к зданию меньшего размера, которое прежде было совсем заброшено, а теперь гордо красовалось, словно выставляя напоказ беленые стены и крытую дубовой дранкой кровлю, и радовало глаз.

Войдя внутрь, королевская чета будто попала в теплые объятия, и Алиенора с наслаждением приблизилась к огню, жарко горевшему в очаге в середине зала. Стены и потолок здесь тоже сияли свежей штукатуркой. На полу, покрытом камышовой рогожей, была разложена душистая солома. С потолка свисали керамические лампы на медных цепях, и помещение наполняли ароматы заморских благовоний. На огромном сундуке под окном стояла изысканной работы шкатулка из слоновой кости с затейливыми замками. Генрих бросился к изящной вещице.

– Я знаю этот ларец! – закричал он. – Моя мать привезла его с собой, когда приехала сражаться за корону. Она хранила в нем свои кольца. Это память о детстве.

Он оживился еще больше, когда открыл крышку и увидел множество маленьких комочков непрозрачной смолы серого и желтого цвета, напоминающих речную гальку.

– Ладан! – Алиенора заглянула мужу через плечо и улыбнулась.

– Епископ Винчестерский бросил это здесь, когда спасался бегством, – объяснил Бекет. – Жаль, что там нет драгоценностей, но крупички ладана ценятся на вес золота.

– Удивительно, что там не тридцать сребреников, – пробормотал Генрих.

Он положил три крупницы ладана на небольшую сковородку у очага и подержал ее над огнем, пока ароматный дым не стал подниматься от кусочков смолы.

Архиепископ Винчестерский Генрих, брат короля Стефана, не желая расставаться с замками, которые настроил за время анархии, раздавал взятки и изворачивался как мог, чтобы только не потерять нажитого, а когда понял, что не избежит расплаты, что бы ни делал, то спешно и негласно отправил все накопленные богатства во Францию, в аббатство Ключи. А следом, во время отлива одной темной ноябрьской ночью, улизнул и сам.

Генрих поводил рукой, разгоняя струйки дыма. Закрыв глаза, Алиенора вдохнула запах королевской власти и Божьей благодати. Воспоминания теснились вокруг нее, многие из них яркие, восхитительные, даже если и не всегда счастливые.

Когда она открыла глаза, в зале уже появился единокровный брат Генриха Амлен. Его скорбное лицо и скованность внушали тревогу.

– Это об Элбурге... Произошло несчастье, – сообщил он Генриху.

Генрих резко поднялся и спешно отвел брата в сторону. Амлен склонился к уху короля и стал что-то быстро нашептывать. Король застыл как вкопанный. Незнакомое имя ни о чем не говорило Алиеноре, она даже не знала, мужчина это или женщина, но ее мужу оно определенно говорило о многом. Не сказав ни слова ни жене, ни канцлеру, король стремительно вышел из зала, увлекая за собой Амлена.

Алиенора с удивлением и тревогой смотрела им вслед. Она привыкла к непостоянству мужа, но здесь было что-то другое.

– Элбург... или Элбурга – кто это? – Королева обернулась к своим придворным дамам, но те лишь покачали головой. Тогда Алиенора обратилась к Бекету, который подошел к очагу, чтобы забрать шкатулку с комочками ладана. – Милорд канцлер?

Бекет прочистил горло:

– Лично я не знаком с этим человеком, госпожа.

– Но вы знаете, кто это?

– Думаю, лучше будет, если король расскажет вам об этом, когда вернется, госпожа.

Алиенора вскипела. Почва уходила у нее из-под ног.

– Можете думать, что вам угодно, милорд канцлер, но если вам что-то известно, то скажите мне.

Бекет потупил взгляд и запер шкатулку.

– Полагаю, король знает эту даму много лет, – проговорил он. – Больше я ничего не могу сказать.

Так, значит, это женщина и к тому же давняя знакомая. В интимных делах Генрих был столь же неумным, как и во всем остальном, и королева мирилась с тем, что он удовлетворял вожделение на стороне, когда она носила ребенка или они находились в разлуке. Случалось, муж не приходил ночью в ее комнату. Алиенора знала, что чаще всего в таких случаях его держали государственные заботы, но наивной она не была. Понятно, что его взгляд может упасть на любую придворную потаскуху, а такому могущественному господину ни одна не откажет. Но женщина, которую он знал много лет, – больше, чем мимолетное увлечение, а его реакция на сообщение Амлена выдавала серьезную озабоченность.

Придворные избегали ее взгляда. Она выпрямилась и приняла величавый вид.

– Благодарю вас, милорд канцлер, – произнесла Алиенора с королевским достоинством. – Мой супруг удалился по неотложным делам, но вы можете показать мне, что еще здесь есть интересного.

Бекет поклонился – он быстро сообразил, как следует себя вести.

– Госпожа, полагаю, вам понравится, как перестроили малый зал. – И он широким жестом пригласил ее пройти дальше.

Алиенора последовала за ним. Канцлер показывал ей обновленный дворец, водил руками и объяснял, что как устроено. Она отвечала так, словно ей и правда было до всего этого дело. Когда же прогулка по залам закончилась, то Алиенора не могла вспомнить ни слова из того, что рассказывал канцлер.

* * *

Генрих печально смотрел на тело любовницы, укрытое простыней до самого подбородка. Если бы не восковая бледность ее лица, в котором не осталось ни кровинки, могло показаться, что женщина просто спит. Роскошные волосы буйно разметались по подушке, словно в них сохранилась вся жизненная сила, покинувшая их обладательницу.

– Груженная бочками подвода перевернулась и задавила ее, – объяснил Амлен. – Когда ее вытащили, она была уже мертва. Мне очень жаль. – Амлен чувствовал себя крайне неловко: эти слова совершенно неуместны сейчас, но надо как-то заполнить гнетущую тишину.

Генрих вдохнул запах волос Элбурги, нежно пропустил между пальцами мягкий локон, потом склонился над ней и поцеловал ледяное чело.

– Мне было четырнадцать, когда мы встретились. – У него перехватило горло, и пришлось откашляться, чтобы вернулась способность говорить. – Она была совсем девочка, сладкая, как яблочный цвет, только что приехала из деревни. Другой такой у меня не будет.

– Соболезную тебе, – снова пробормотал Амлен. – Я знаю, что она значила для тебя. – В порыве сочувствия он стиснул плечо брата, и какое-то время они стояли молча. Потом Амлен спросил: – А что будет с малышом?

Генрих судорожно вздохнул:

– Заберу его в Вестминстер. Будет воспитываться вместе с другими моими детьми. Я в любом случае собирался это сделать. – Скрепя сердце он покинул покалеченное тело Элбурги, предоставив его заботам женщин, которые должны были подготовить покойницу к отпеванию.

В нижней комнате его маленький сын сидел на коленях у няни и вертел в руках лоскут от одеяла. Голубые глаза смотрели удивленно и настороженно.

– А мама еще спит? – спросил он.

Генрих порывисто взял его из рук няни.

– Мама больше не может заботиться о тебе. Ты будешь жить со мной, – ответил он. – У тебя есть братики, с которыми ты будешь играть, и много слуг станут присматривать за тобой. Хочешь покататься на настоящем коне?

Мальчик прикусил нижнюю губу, но с готовностью кивнул. Генрих недобро покосился на Амлена. К его скорби добавилось раздражение.

Брат понял, что невольно навлек на себя королевское недовольство. Когда чувства овладевали Генрихом, он становился слабым и легко отдавался на волю обстоятельств, но терпеть не мог, если другие замечали его уязвимость.

– Я не помню своей матери, она умерла при родах, подарив мне жизнь. Но отец заботился обо мне, признал меня своим сыном. Хотя я и не имею прав наследования, но всегда любил и уважал его, ты же знаешь.

Генрих едва заметно кивнул.

– Знаю, – сказал он и печально посмотрел на сидящего у него на руках сынишку. – Это дитя – все, что осталось у меня от его матери. – И внезапно ринулся к выходу из дома.

На улице шел снег, и Генрих спрятал ребенка под своей теплой меховой мантией. Амлен поспешил за королем, прикрыл дверь и приказал страже разогнать собравшуюся толпу зевак.

* * *

Когда опустились сумерки, Алиенора отложила рукоделие, чтобы дать глазам отдохнуть. Тусклый зимний свет не благоприятствовал вышиванию, но повторяющиеся движения иглы, создающие рисунок, всегда помогали ей думать.

– Госпожа, могу я что-нибудь сделать для вас? – заботливо поинтересовалась Изабелла де Варенн, которая провела с королевой весь день.

Маленький Вилл прикорнул рядом, зарывшись в складки ее плаща. Он как заводной неутомонно носился по комнате с игрушечным мечом в руках, и когда наконец присел отдохнуть, прижавшись к Изабелле, усталость сморила ребенка. Его младший братик крепко спал в своей люльке под присмотром няни.

– Нет. Разве только скажи слуге, чтобы поставил на стол хлеб и сыр и накрыл их полотенцем. Король вернется голодным. И позови Мэдока. Если нельзя шить, тогда будем слушать музыку.

– Госпожа. – Грациозным, неторопливым движением Изабелла отложила вышивание. Глядя на нее, Алиенора немного смягчилась и испытала прилив благодарности.

– Спасибо, – произнесла она, слегка коснувшись рукава Изабеллы.

– За что, госпожа?

– За то, что поддерживаешь меня без лишних слов.

Изабелла зарумянилась:

– Я заметила, что вы опечалены, но не хотите делиться вашими заботами. Да я бы и не нашла правильных слов в утешение. Я не столь мудра.

– Наоборот, эти слова говорят о твоей мудрости. Будь ты болтлива, я бы отослала тебя прочь.

– Жизнь при прежнем дворе научила меня быть осмотрительной, – ответила Изабелла с легкой усмешкой. – Иногда молчание поистине золото. – Она принялась осторожно будить Вилла. – Просыпайтесь, мой принц. Хотите хлеба с медом?

Вилл потер глаза и захныкал, но Изабелла продолжала уговаривать его, и вот он перестал капризничать и позволил взять себя за руку, а в другой все еще сжимал игрушечный меч.

Внезапная суматоха у входа в покои и дуновение холодного воздуха возвестили о прибытии Генриха. В душе Алиеноры мешались облегчение и ожесточение, когда она взглянула на его ярко-рыжую шевелюру и на что-то завернутое в его короткую зеленую мантию.

– Папа! – воскликнул Вилл и, оставив Изабеллу, бросился к отцу, размахивая мечом.

Но ему пришлось притормозить. В недоумении, даже встревоженно, он воззрился на другого маленького мальчика, стоявшего рядом с отцом. Этот другой был старше и выше Вилла, но их несомненное сходство сразу бросалось в глаза.

– Это Джеффри, – сообщил Генрих Виллу и присел рядом с новичком, обнимая его рукой. – Он станет жить с нами, и вам будет весело вместе играть.

Алиеноре стало дурно при виде того, как Генрих прижимает к себе этого кукушонка, в то время как ее сын замер в стороне.

Дети опасливо изучали друг друга, и тут между ними оказалась Изабелла.

– Сир, я как раз предлагала милорду Вильгельму поесть хлеба с медом. Может быть, Джеффри тоже хочет угоститься? – Она улыбнулась и как ни в чем не бывало протянула руку мальчику.

Генрих с благодарностью взглянул на нее:

– Это очень мило с твоей стороны, леди Варенн, благодарю тебя.

Изабелла присела в реверансе и увела детей из комнаты, держа обоих за руки.

Генрих постоял, глядя им вслед, затем подошел к очагу согреться.

Алиенора мучительно ожидала, когда же удалятся придворные и челядь, все, кто видел, как король входил с ребенком. При посторонних она не могла выразить всю свою боль и обиду. Генрих плотно сжал губы. Он энергично тер ладони, но, хотя костяшки пальцев были красны от мороза, быстрыми движениями он старался скрыть напряжение, а вовсе не согреть руки.

Слуга поставил на стол около очага глазурованный кувшин и деревянные блюда с хлебом и сыром. Генрих жестом приказал ему удалиться и отпустил всех, кто находился поблизости и мог слышать их разговор, а потом указал Алиеноре на стул, предлагая сесть рядом.

Алиенора взяла кубок вина, который он наполнил для нее, отхлебнула и чуть не выплюнула жидкость назад, потому что вино было кислым, а ее и без того тошнило.

– Почему ты не говорил мне, что у тебя есть сын?

Генрих пожал плечами:

– До сегодняшнего дня это тебя не касалось, но теперь я обязан взять его ко двору. – Он прополоскал рот и проглотил вино.

Алиенора изо всех сил старалась сохранять самообладание.

– Ты говоришь, что меня это не касается, но ради уверенности в будущем нашего рода я должна знать такие вещи. – Она чувствовала себя львицей, защищающей своего детеныша. – И сколько времени ты держал его от меня в секрете?

– В мае ему исполнится три, – сказал Генрих.

– А где его мать?

– Умерла, – ответил он бесцветным голосом. – Я только что отдал распоряжения о похоронах.

Алиенора отвела взгляд в сторону. Нет, ему не удастся растрогать ее и заставить почувствовать себя мелочной и подлой.

– Я знаю, что ты на каждом шагу ищешь возможность удовлетворить свою похоть, – проговорила она. – Понимаю, ты не склонен к воздержанию, когда уезжаешь из дому или когда я ношу ребенка. Я не дура и догадываюсь, что ты не пропускаешь ни одной юбки, но ты все равно оскорбил меня, когда у меня под носом завел любовницу и бастарда и не сказал мне об этом.

– Это совсем другая часть моей жизни. – Глаза его налились гневом. – Я не держал эту женщину при дворе. Здесь нет ничего оскорбительного и никакой опасности ни для тебя, ни для наших сыновей. В замке моего деда росло двадцать побочных детей от самых разных матерей, и его жены приняли их всех. – Он указал в сторону коридора, где находился его сводный брат. – Мой отец воспитал Амлена вместе с законными детьми, и так же я поступлю с Джеффри. Я признаю его своим сыном; обеспечить его благополучие – моя обязанность, а твоя, госпожа супруга, – радушно принять его в семью.

Алиенора тряхнула головой:

– Я бы сделала это и без твоего приказанья, потому что дитя невиновно в грехах родителей. Но я не допущу, чтобы меня держали в неведении, так и знай.

Генрих раздраженно дернул плечами:

– Я не видел необходимости посвящать тебя в эту тайну.

Алиеноре захотелось выплеснуть вино ему в лицо. Неужели он и правда считает это дело пустяком?

– Он ведь славный паренек, разве нет? – попытался смягчить ее Генрих.

– Неплохой, – сухо ответила она и поднялась из-за стола. – Прости, я неважно себя чувствую, пойду прилягу.

Генрих внимательно посмотрел на нее:

– Надеюсь, ты не дуешься на меня?

– Нет, сир, нет. Но я должна все тщательно обдумать... И тебе следует сделать то же самое.

Не дожидаясь, когда король уйдет, Алиенора покинула зал со всей его новой красивой мебелью и украшениями и прошла в свою комнату, расположенную по соседству. Там она отпустила дам, села на кровать, задернув занавес балдахина, и осталась наедине со своими мыслями. Мысли же были такими тягостными, что она дала волю слезам и, не сдерживая ярости, принялась колотить кулаками по покрывалу. Это хуже, чем предательство. Когда она вынашивала и рожала Вилла, веря, что это первый сын Генриха, у него уже был отпрыск мужского пола от этой женщины, и теперь радужные воспоминания о рождении их первого мальчика навсегда потускнели. Она не могла винить того, чужого ребенка, но не могла и избавиться от чудовищной ревности. Ей предстоит видеть его ежедневно в детской, узнавать в его облике черты Генриха и угадывать черты той неизвестной женщины. Он старше, крупнее и сильнее законных сыновей, а потому будет во всем соперничать с ними.

Наконец она взяла себя в руки, вытерла слезы. Сделанного не воротишь, но вот о будущем стоит подумать.

* * *

Когда пришел Генрих, Алиенора невозмутимо сидела в кровати, одетая в свежую белую сорочку; золотые волосы красиво рассыпались по плечам. Положив восковую табличку на колени, она задумчиво постукивала кончиком стилоса по губам.

– Кому пишешь? – осведомился Генрих, настороженно глядя на жену.

– Твоей матери, – ответила Алиенора. – Чтобы она знала, что у нее есть еще один внук, если, конечно, ее уже не уведомили.

Генрих потряс головой:

– Она не знает. Ее это тоже не касалось. – Бесцельно меря комнату шагами, он то и дело брал в руки резную шкатулку, рассматривал узор, ставил шкатулку на место, потом брал снова. Наконец, потирая шею, обернулся к жене. – Я полагал, что ты не хочешь знать об этом, иначе почему ты не спрашивала?

С усталой обреченностью она отметила про себя, что он пытается переложить свою вину на нее.

– Хорошо, вот я спрашиваю: есть ли у тебя еще кто-то, о ком мне следует знать?

– Может, и есть, но пока никто из матерей не заявился ко мне с таким сообщением. Вот увидишь, присутствие этого ребенка при дворе будет бесполезно, к тому же он станет хорошим другом нашим мальчикам.

Сердце Алиеноры сжалось.

– Меня не интересуют женщины, которых ты имел, не желаю даже об этом думать. Но если от твоих походов рождаются дети – это совсем другое дело, потому что они ослабляют наши родственные связи. Я должна знать об их существовании.

Генрих пожал плечами:

– Ну, если ты так хочешь...

По тому, как оживился его взгляд, она поняла, что он подсчитывает, как много он может оставить при себе и как мало сказать ей.

– Да, хочу. И уже предупреждала: я тебе не племенная кобыла.

– И ты беспрестанно это повторяешь, тогда как я и без того это помню. Но я не намерен держаться за женскую юбку. Две недели я пробуду в Нормандии, и ты будешь одна править Англией – разве это называется «племенная кобыла»? – Он снова стал беспокойно расхаживать по комнате, громко стуча каблуками, а потом с тяжелым вздохом плюхнулся на кровать. – Покончим с этим. Мне нужна твоя поддержка, у нас полно забот по управлению

нашими землями. По сравнению с ними тот факт, что у меня есть сын от другой женщины, рожденный раньше наших детей, – сущий пустяк.

Алиенора чопорно сжала губы. Ее все еще обуревали обида и возмущение, но она не могла не признать, что в его словах есть резон. Он никогда не изменится: всегда будут другие женщины, но государственные дела важнее, чем склоки по поводу любовниц. Муж злоупотребил ее доверием, вот отчего было больно.

– Хорошо, – быстро проговорила Алиенора, – забудем об этом.

Генрих дотянулся до нее и поцеловал. Она вяло ответила и отстранилась.

– Как ты намереваешься поступить с мальчиком? – (Он непонимающе посмотрел на нее.) – Ты сказал, он будет воспитываться при дворе. Но какую роль ты отведешь ему в дальнейшем?

Генрих развел руками:

– Решим в свое время. Посмотрим, к чему он будет больше расположен: к перу или к мечу.

Алиенора промолчала. Будь ее воля, она бы выбрала для него судьбу священника. В таком случае он служил бы интересам королевской семьи, не представляя угрозы для законных наследников.

Генрих принялся раздеваться.

– И не нужно писать моей матери. Я сам скажу ей обо всем, когда буду в Нормандии.

Алиенора отложила восковую дощечку и подвинулась, чтобы он мог лечь. Обычно накануне Большого совета он бодрствовал допоздна, обсуждая насущные вопросы с Беке-том, Робертом Лестером и Ричардом де Люси, а потом отправлялся на поиски любовных приключений, и ей об этом было хорошо известно. Но сегодня он остался с женой ради того, чтобы примириться и навести мосты. Конечно, мосты были повреждены, но все же, ступая аккуратно, по ним можно перейти реку житейских неурядиц.

Глава 4

Виндзорский замок, май 1156 года

Читая письмо от Генриха, Алиенора вдруг почувствовала тянущую боль в животе. По ее подсчетам, донашивать ребенка предстояло еще несколько недель, но организм уже готовился разрешиться от бремени. С наступлением весны она переехала из Вестминстера и обосновалась в Виндзорской цитадели в ожидании родов. Тихий, спокойный городок находился всего в двадцати пяти милях от Лондона и не слишком далеко от южного побережья, так что гонцы добирались от портов до замка довольно быстро.

Приятный ветерок шелестел в свежей зеленой листве яблонь, тенистый сад был испещрен пятнами мягкого солнечного света. Вилл и его единокровный брат носились среди фруктовых деревьев, лихо скакали на деревянных лошадках, размахивали игрушечными мечами и вопили что есть мочи.

– Все хорошо, госпожа? – Изабелла осторожно прикоснулась к рукаву королевы.

– Просто тянет живот. Еще рано звать повитух, хотя я была бы рада разродиться. – Она подняла к небу печальный взгляд. – Мужа не будет рядом, когда придет срок рожать. Если только обстоятельства изменятся, но на это мало надежды. – Она взглянула на письмо. Английские войска осаждали Мирабо и к началу лета вернуться не рассчитывали. – Я так и знала, что брат Генриха поднимет мятеж, едва пересечет пролив. Он выжидал время и притворялся верным слугой короля, только пока был в Англии.

Алиенора никогда не благоволила Жоффруа, второму сыну Матильды. Всего через несколько дней после того, как был расторгнут ее брак с Людовиком Французским, Жоффруа пытался похитить ее, и, конечно, такое не забывается. Помимо этого, он неотесанный мужлан, далеко не дурак, но лишенный блеска ума и обаяния, – на его тусклом фоне Генрих просто сиял. Жоффруа настаивал на том, что отец завещал ему Анжу, и однажды уже с успехом подстрекал баронов на восстание против власти Генриха в этом графстве. Это была вторая попытка, и теперь король намеревался пресечь его посягательства раз и навсегда.

Алиенора опустила письмо на колени:

– Я отправлюсь к Генриху, как только окрепну после родов. В Англии мир, а моя све- кровь еще не видела внуков.

Она бросила взгляд на Джеффри. За последние несколько месяцев Алиенора свыклась с его присутствием при дворе и совладала со своими чувствами. Для себя она уже решила, что он будет священником, но сейчас это только маленький мальчик. Она даже не пыталась разузнать что-либо о его матери и выяснить, что та значила для Генриха. Так было проще.

– Я должна посетить и свое герцогство. – Она улыбнулась Изабелле. – Ты ведь не была в Аквитании?

– Нет, госпожа, – ответила Изабелла, – но мне бы хотелось побывать там.

Алиенора окинула взглядом сад:

– Сегодня погода напоминает мне о родных местах, но солнце там светит ярче. Здесь у фруктов терпкий вкус, а у вина – кислый, это от недостатка солнца. В Аквитании и фрукты, и вино сладкие как мед. А может быть, я просто давно там не была. – Она повела рукой. – Пришло время навестить подданных и показать им моего наследника.

Она бросила любящий взгляд на Вилла. Тот с покрасневшимся от долгого бега лицом плюхнулся под дерево в теничке, и сердце матери затопил океан любви.

* * *

Тем вечером Вилл, вопреки обыкновению, выглядел вялым. За ужином его уже клонило ко сну, и он не столько ел, сколько баловался с крошками хлеба, смоченными в молоке. Джеффри жадно проглотил свою порцию, потребовал добавки и, насытившись, что есть духу помчался играть с другими детьми, обитающими в замке.

Алиенора усадила Вилла рядом с собой и велела арфистке сыграть какую-нибудь спокойную мелодию, а Изабелла принялась рассказывать принцу басню Эзопа про ворону и лисицу. Мальчик слушал, прижавшись к матери и посасывая большой палец, а она гладила сына по голове.

Когда история закончилась, Алиенора поманила рукой Павию, няню Вилла.

– Давай-ка, малыш, в постель, – нежно потормошила его мать.

Вымыв руки и лицо и прочитав молитву, Вилл забрался в кроватку. Рядом стояла колыбель его младшего брата. Алиенора проверила, хорошо ли укрыт спящий младенец, и поцеловала детей на ночь. Ночная рубашка Вилла, которую мать сшила ему вчера, белела в полумраке комнаты, как цветок аквилегии в сумерках. Алиенора снова погладила ярко-рыжую голову сына.

– Спокойной ночи. Да благословит тебя Бог! – прошептала она.

– Мама. – Вилл зевнул, повернулся на бок и мгновенно уснул.

Алиенора и Изабелла сели за шахматную доску. Арфистка продолжала наигрывать негромкую мелодию, осторожно перебирая струны, – казалось, дождик тихо стучит в окошко. Няня Джеффри привела мальчика с улицы и уложила в постель, несмотря на его упрямые заверения, что спать нисколько не хочется.

Алиенора сделала ход белым рыцарем и подавила зевоту.

– Мне тоже стоит пойти спать, – сказала она. – Последнее время я быстро устаю.

– Но при этом не теряете остроты ума, – ответила Изабелла, с прищуром глядя на доску. – Понятия не имею, как выберусь из ловушки, которую вы мне приготовили.

Лицо Алиеноры озарилось улыбкой.

– Я тренирую ум, чтобы на равных спорить с Генрихом. Он склонен идти напролом, а мне нравится доказывать ему, что он не прав, и сдерживать его пыл.

Женщины еще посидели за шахматами, попивая вино и слушая музыку. Свечи меж тем медленно догорали. Алиенора поморщилась – болела поясница. Под спину ей были подложены подушки, но это не помогало.

– Хотите, я разотру вам сп... – Вопрос Изабеллы прервал пронзительный крик Вилла из детской:

– Мама! Мама!

Алиенора и Изабелла разом вскочили на ноги и ринулись в детскую. Над Виллом уже склонялась няня.

– Боюсь, у него жар, госпожа.

Алиенора приложила руку ко лбу сына. Он и перед сном был горячий, но тогда можно было подумать, что ребенок перегрелся на солнце. Сейчас же он просто пылал, а полуприкрытые глаза горели нездоровым огнем, и мальчик отворачивался от света ночника.

– Голова болит, – жалобно простонал Вилл и уставился куда-то за ее плечо, как будто видел там что-то внушающее ужас.

– Ш-ш-ш, ш-ш-ш, все хорошо, мама с тобой, – успокаивала его Алиенора ровным голосом, хотя и сама была до смерти напугана. – Позовите Марчизу, – приказала она няне и вынула Вилла из кровати.

Он обвил ее руками. Алиенора почувствовала, как сын дрожит, и дрожь передалась и ее телу. Потом на ее платье пролилось что-то горячее – ребенок описался, и мальчик зашелся плачем еще громче и пронзительней. Разбуженный шумом, завыл малыш Генрих, и Изабелла поспешила к нему, чтобы успокоить.

Выполнив поручение, вернулась Павия.

– Госпожа, позвольте, я оботру и переодену принца. Я принесла чистое белье. – В руках она держала стопку простыней и полотенец.

Алиенора передала сына няне. На ее платье расплывалось темное пятно, моча Вилла просочилась через шерстяную ткань и нижнюю рубашку. Алиенора ощутила холодную липкую влагу на коже ниже сердца и над выступающим животом, и ее пронзило дурное предчувствие.

Павия сняла с ребенка рубашку и вдруг в испуге отшатнулась, прикрывая рукой рот, чтобы сдержать крик.

Алиенора с тревогой перевела взгляд на сына, и сердце ее упало: тело и руки Вилла сплошь покрывала мелкая темно-красная сыпь.

– Нет! – Она затрясла головой. – Нет!

Между полотнищами занавеса показалась голова Марчизы.

– Госпожа? – Потом она увидела Вилла, и вопросительно-озабоченное выражение ее лица сменилось ужасом. – Я привела лекаря, – проронила она и исчезла.

Алиенора взяла сына из рук Павии и перенесла в соседнюю комнату, чтобы его можно было осмотреть при более ярком освещении. Сыпь не походила на пустулы смертоносных оспы или кори, но и утешить лекарь ничем не мог. Зловещие крапины распространялись по нежному телу ребенка молниеносно.

Вернулась Марчиза, с ней пришел магистр Радульф. Его спешно вытащили из постели: одежда в беспорядке, из-под съехавшей набок шапочки выглядывают всклокоченные волосы. На плече лекаря – сумка с целебными снадобьями. Алиенора упрекнула его за промедление и залилась слезами облегчения – присутствие именитого врачевателя дарило надежду.

– Сделай же что-нибудь! – причитала она. – Ради Бога, помоги ему!

Тот взял Вилла на руки и потребовал принести побольше свечей. Вилл истошно кричал и отворачивался от света. Увидев сыпь, магистр Радульф плотно сжал губы.

Алиенора молитвенно сцепила руки:

– Ты ведь сможешь что-нибудь сделать?

Магистр бесстрастно взглянул на нее.

– Что смогу, сделаю, – проговорил он. – Но все в Божьей власти. Не стану врать: положение очень опасное. Нам остается только молиться и полагаться на милосердие Господне.

* * *

Всю ночь Алиенора просидела у постели Вилла и в бессильном отчаянии наблюдала, как состояние его ухудшается, несмотря на все старания магистра Радульфа. Лекарь давал больному микстуру, чтобы облегчить боль, однако детский организм не принимал ее и извергал из желудка. Врач отворял кровь, желая остудить жар, – все напрасно. Поначалу ребенок все еще пронзительно скулил, словно кто-то водил смычком по струне, которая вот-вот порвется. Но к утру мальчик умолк, впал в забытие и обмяк на руках у матери, как тряпичная кукла. Крапины сыпи слились в крупные лилово-синие пятна, и кожа стала напоминать лоскутное одеяло.

Алиенора уже без всякой надежды молила Бога сжалиться над ее чадом. Молитвы оставались без ответа. Вилл угасал с каждым вздохом. За что Господь наказывает ее и Генриха и отбирает у них сына?

Все как один обитатели замка, от самого знатного рыцаря до последнего холопа, преклонили колени в молитве. Сынишка постельничего широко растворил ставни, и в комнату ворвался свежий воздух солнечного майского утра, напоенный запахом набирающей силу жизни.

Капеллан королевы, отец Пьер, совершил обряд соборования над безжизненным, едва дышащим тельцем в руках Алиеноры. Она прижимала сына к себе и ощущала, как лихорадочно опускается и поднимается его грудь. Прошли сутки с той минуты, когда он в последний раз резво вскочил с кровати и схватил игрушечный меч с горячей готовностью впитывать жизнь каждой частичкой своего существа.

Услышав всхлипывания, Алиенора обернулась к придворным дамам.

– Возьмите себя в руки! – зашипела она. – Я не хочу, чтобы он слышал ваши рыдания!

Эмма отделилась от группы женщин и, задышав от слез и прижимая руку ко рту, выскочила из комнаты. Алиенора ласково убрала волосы со лба Вилла.

– Вот так, мой храбрый мальчик, – произнесла она, – мама с тобой. Не бойся, малыш, все хорошо, все хорошо.

Грудь ребенка резко поднялась, опустилась, снова поднялась, затем содрогнулась и замерла. Алиенора неотрывно смотрела на сына, ожидая следующего вдоха, но мгновение тянулось бесконечно. Глаза Вилла были почти закрыты, лишь воспаленные белки тускло поблескивали из-под опущенных век. Жуткие лихорадочные пятна не тронули его лица, безупречно чистого, но тело выглядело так, словно его растерзало какое-то чудовище.

– Госпожа, – капеллан осторожно коснулся плеча Матильды, – Отец наш небесный забрал его в райские кущи. Милосердный Господь позаботится о нем.

Алиенора оцепенела. Откуда-то из глубины души поднималась нестерпимая боль, способная разорвать ее на части, но рука, занесшая нож для смертельного удара, медлила.

– Почему он не остался на земле со своей матерью? Почему именно он?

Сквозь бесчувствие прорвалась злоба.

Почему Бог не выбрал другого ребенка, рожденного от прелюбодеяния? Это была кощунственная, греховная, недозванная мысль, но Алиенора не могла противиться ей.

– Мы не вправе задавать такие вопросы, – мягко произнес капеллан. – Никто не знает замыслов Всевышнего.

Алиенора сжала губы, чтобы они не исторгли богохульства. Душа ее сына только направлялась в лучший мир, и она не осмеливалась осложнить его путь святотатством. Она все еще держала тело ребенка на руках, крепко прижимая его к себе. И хотя уже осознала, что все кончено, но упрямо продолжала надеяться, что дитя сделает еще один вздох.

Это всецело ее вина, повторяла про себя Алиенора. Именно она недостаточно заботилась о нем и не защитила от напасти. По ее вине оборвалась такая короткая яркая жизнь. Но что можно было сделать? Что скажет Генрих? Он оставил детей на ее попечение, она взяла на себя ответственность за них, но задача оказалась не по плечу. Алиенора издала тяжелый стон и сложила бы пополам, если бы изрядных размеров живот, где зрела новая жизнь, не препятствовал этому. Дитя, которое еще лишь готовилось появиться на свет, ворочалось в ее чреве, меж тем как она не могла отвести глаз от того, кто только что этот мир покинул.

– Госпожа. – Она почувствовала, как капеллан мягко, но настойчиво положил ей руки на плечи. – Пойдемте. Я пошлю за женщинами, которые обмоют тело и приготовят к погребению.

– Нет! – Алиенора оттолкнула священника. – Это мой долг и мое право. Никто не сделает это лучше меня. Я справлюсь.

Следующие несколько часов показались Алиеноре вечностью, и в то же время день пролетел как одно мгновение. Столько всего нужно было сделать. Распорядиться о приготовлениях к церковному обряду и похоронам. Продиктовать письма и разослать их всем, кто должен узнать о трагедии. Уладить практические вопросы, которые подтверждают жестокий факт смерти Вилла. Самым сложным было написать Генриху. Горе слишком свежо, чтобы она могла подбирать правильные слова, и потому письмо вышло в тоне послания королевы королю, а не одного безутешного родителя другому.

Обмывая безжизненное, испещренное сыпью тело сына розовой водой, Алиенора вспомнила, как все ликовали в день его рождения августовским утром в Пуатье. Сколько радости, сколько надежд, сколько ожиданий! Как она баюкала его на руках, а потом вынесла показать Генриху, вернувшемуся с поля боя. Златовласый мальчик, баловник и непоседа, прыгал у нее на коленях, крепко обнимал за шею. И вдруг пришла беда и обратила все в прах и тлен. Алиенора готовила сына к обряду и тихо шептала ему: бояться нечего, мама здесь, все будет хорошо, хотя и знала, что ничего уже не будет.

Изабелла и Эмма забрали маленького Генриха и Джеффри и поселились с ними в дальних покоях, чтобы болезнь, сгубившая Вилла, не передалась другим детям. Отец Пьер и советники Алиеноры пытались уговорить королеву оставить все приготовления специально нанятым женщинам, но она упорно отказывалась и гневалась, если доброхоты настаивали. Она велела курить фимиам и не закрывать ставни в комнате, где лежит тело, чтобы с улицы проникал весенний воздух. Это последнее, что она запомнит о сыне, и пусть это будет свет и свежесть, а не удушливая темнота ночи, когда молниеносная лихорадка в считанные минуты у нее на глазах унесла его жизнь. Час от часу Алиенора становилась все более хладнокровной и деловой, но напоминала плотно накрытый тяжелой железной крышкой котел, в котором на медленном огне бурлили боль, вина и страх. Она не решалась даже слегка сдвинуть крышку, потому что знала: если глубоко спрятанные страдания вырвутся наружу, ей тоже не жить.

К вечеру тело Вилла было зашито в саван из тончайшего полотна в два слоя, а поверх обернуто отрезом красного шелка так, что открытым осталось лишь лицо. Покойника уложили в наскоро сколоченный маленький гроб, усыпали розовыми лепестками, рядом положили любимый игрушечный меч, с которым всего только день назад живой и здоровый сорванец бегал по саду и бился с воображаемыми врагами, в то время как смерть уже притаилась в тени деревьев.

Гроб выставили в Виндзорской церкви, вокруг него зажгли свечи и лампы, дабы после захода солнца они создавали мерцающий свет. Алиенора настаивала на том, чтобы коленопреклоненное бдение продолжалось всю ночь. Изабелла и Эмма во всем поддерживали ее. Никто из придворных не пытался отговаривать, ибо все любили королеву и восхищались ее силой воли.

На рассвете под звуки заукойной мессы гроб с телом вынесли из церкви и поместили в повозку, украшенную королевскими щитами и богатой драпировкой, и маленький принц отправился в последний путь, к месту погребения в семнадцати милях от Виндзора, в Редингском аббатстве, рядом со своим прадедом – легендарным королем Генрихом I.

Отец Пьер убеждал Алиенору не ехать с кортежем: она и так уже измучилась за этот тягостный день, и ради блага не рожденного еще ребенка ей лучше бы подождать в Виндзоре и предоставить другим все хлопоты по захоронению. Но королева была непреклонна.

– Я буду с ним, пока его не похоронят, – твердо заявила она. – Я его мать, и заботиться о нем все еще моя обязанность, даже если он уже не дышит. Вы не остановите меня, и не пытайтесь.

Она не могла ехать верхом из-за беременности и отправилась в паланкине. Дорога от Виндзора до Рединга была чистой и гладкой, и кортеж в пути не задерживался. Плотно задернув занавески паланкина, Алиенора пыталась отдохнуть и набраться сил для предстоящего

похоронного обряда. Чрево ее опять стало сокращаться и расслабляться через равные промежутки времени, но пока без боли. Путешествие на последней стадии беременности, конечно, рискованное предприятие, но не могла же она отпустить своего мальчика к месту вечного покоя одного. Если бы только Генрих был здесь. Но он далеко, а значит она сама отвечает за все. Этим ярким солнечным утром королева думала только о том, что должна пройти этот путь до самого горького конца.

* * *

Когда на следующий день они возвращались в Виндзор, погода испортилась: тучи заволокли небо от края до края, хлынул проливной дождь. Двигались медленно – колеса вязли в густой грязи. За занавесками паланкина Алиенора перебирала четки и видела мысленным взором свечи, расставленные вокруг усыпальницы короля Генриха I, темную яму, в которую опустили тело ее сына. Ему не исполнилось и трех лет, а жизнь уже оборвалась. Монотонное пение монахов, скрежет лопаты по камню, плач придворных дам. Алиенора не плакала. Все ее чувства были погребены под плитой скорбной отрешенности.

Накануне, в ясный и солнечный день, люди выстраивались вдоль дороги. С любопытством, но уважительно они глазели на похоронный поезд, ожидали милостыни. Когда же кортеж отправился в обратный путь, лишь несколько отчаянных храбрецов не побоялись выйти на обочину. Закутанные в плащи, с накинутыми на голову капюшонами, они стояли, протянув к проезжающим руки. Алиенора не раздвигала занавесок, но слышала их мольбы о подаении. Дождь барабанил по крыше паланкина, и несколько холодных капель упали ей на колени, словно вместо слез, которым она не могла дать волю.

Когда они прибыли в Виндзор, нерегулярные сокращения матки перешли уже в схватки – начинались роды. Марчиза только взглянула на Алиенору, выходящую из паланкина, и немедленно послала за повитухами.

* * *

Резкая боль пронзила все тело Алиеноры, и она стиснула кулаки в уверенности, что вот-вот родит. Повитуха протерла ее лоб холодной водой с травами.

– Госпожа, все идет как надо, – подбодрила она роженицу. – Скоро вы возьмете на руки новое дитя, и оно заглушит вашу боль и восполнит потерю.

Печать, которая сдерживала чувства Алиеноры, ослабла и треснула, и фонтан ярости брызнул наружу.

– Да как ты смеешь даже заикаться об этом? – гневно воскликнула она. – Ни один ребенок никогда не заменит мне сына! Он был всем для меня!

Женщина виновато потупилась и присела в реверансе:

– Госпожа, я только хотела утешить вас. Простите меня.

Алиенора не смогла ответить, потому что нахлынул очередной приступ боли и от выворачивающего нутро спазма хлынули слезы. Младенец выскользнул из утробы, весь мокрый и окровавленный, и, когда он сделал первый вздох и закричал, Алиенора затряслась в рыданиях и завывала от горя. Ей не нужен этот ребенок, ей нужен Вилл.

– Это девочка, миледи. У вас дочь, – кротко произнесла повитуха, приподнимая повыше пронзительно кричащее дитя, еще связанное с телом матери пуповиной. – Прекрасная девочка.

Алиенора заголосила еще пуще. Повитуха не на шутку забеспокоилась. Она перерезала пуповину и быстро передала ребенка помощнице.

– Чрево королевы сместилось; она в смертельной опасности, – объяснила женщина. – Надо немедленно исправить это, иначе нет никакой надежды.

Повитуха быстро перебрала свои снадобья, выбрала орлиное перо и провела им над пламенем свечи, пока оно не начало дымиться. Тогда она споро повернулась к роженице и движениями ладони стала подгонять едкий дым к ее ноздрям.

От резкого зловонного запаха Алиенора задохнулась и судорожно дернулась. Ужасные спазмы перешли в приступ кашля, доходящего до рвотных позывов, но через некоторое время она уже смогла дышать и лежала, ловя ртом воздух, как истерзанный стихией человек, выброшенный на берег после кораблекрушения. По ее щекам тихо струились слезы. Изабелла де Варенн склонилась над ней, обняла крепко и сочувственно и принялась укачивать ее, как ребенка.

Алиенору охватил новый приступ боли, и послед выскользнул в заранее подставленный повитухой таз. Способность чувствовать вернулась к Алиеноре, но она была совершенно измучена и опустошена горем. Казалось, что кровоточащая после родов плоть оплакивает потерянного сына кровавыми слезами.

Ей поднесли ребенка, помытого и завернутого в чистые пеленки. Дочка. В каком-то смысле это даже хорошо, по крайней мере, никто не будет относиться к ней как к созданию, заменившему Вилла. Кожа младенца еще не приобрела нормального цвета, но девочка уже была красива, с сердцевидным личиком и нежным пушком мягких темных волос, которые напомнили Алиеноре о ее сестре Петронилле, слабой здоровьем и потому живущей под опекой монахинь в аббатстве Сент в Пуату.

– Как вы назовете ее? – поинтересовалась Эмма.

– Матильда, по имени ее бабушки-императрицы, – отозвалась Алиенора надтреснутым голосом. – Так хотел король, если родится девочка.

А если мальчик, сказал ей Генрих, назови его, как тебе захочется. Но теперь это уже не важно. Гонец принесет ему известие о рождении дочери сразу после письма о смерти сына. Скорбь захлестнула Алиенору. В честь появления на свет девочки не будут весело звонить колокола, ибо они извещают о кончине наследника. И это всецело ее, Алиеноры, вина.

Глава 5

Шинон, июнь 1156 года

Генрих, находившийся в крепости Шинон, что на Луаре, пребывал в приподнятом настроении. Он наконец усмирил своего брата Жоффруа и завладел замками Мирабо, Шинон и Лудон, поднявшими против него мятеж. Шинон сдался этим утром, на рассвете. Жоффруа сложил оружие и принял неизбежное пусть и не с большой охотой, но, по крайней мере, с суровой покорностью. Он уже второй раз бунтовал против Генриха. Шинон, Мирабо и Лудон оставались вечным яблоком раздора между братьями, и разногласия между ними вряд ли улягутся. Жоффруа напирал на то, что отец отписал эти замки именно ему. Но поскольку его стараниями они каждый раз становились очагом мятежа, не могло быть и речи о том, чтобы младший брат получил эти земли в полноправное владение.

– Сир, позвольте мне высказать некоторые соображения.

Генрих развернулся от бойницы и увидел своего канцлера. В этой кампании Томас показал себя как человек совершенно незаменимый: он проворно справлялся с ежедневными задачами и содержал государственные финансы в порядке. И товарищем он был веселым и нескучным, к тому же всегда знал, где найти выгоду.

– Сделай одолжение.

– Думается, ваш б-брат в обозримом будущем не откажется от своих притязаний. Как только вы отвернетесь, он примется за старое.

– А я не собираюсь отворачиваться, – отрезал Генрих. – Однако продолжай.

– Возможно, имей он свой удел, например какую-то часть земли в другой провинции, это было бы и вам полезно.

Генрих потербил бороду:

– Ты имеешь в виду...

– Бретань, сир. Там недавно бунтовали против герцога, и после некоторых увещеваний бретонцев можно убедить призвать на трон вашего б-брата. Он будет занят удержанием подданных в узде, и в то же время таким образом Бретань перейдет в сферу вашего влияния. Получив долгожданный титул и повысив свой статус, Жоффруа утихомирится.

Глаза Генриха заблестели.

– А это мысль! Отправить его на периферию, но не в Ирландию.

Бекет с изяществом повел рукой; при этом гранаты и жемчужины на обшлагах его рукава замерцали.

– Это надо хорошенько обдумать, но идея недурна. – Генрих одобрительно похлопал канцлера по плечу. – Томас, ты молодец.

– Я просто честно выполняю свои обязанности, сир.

– О нет, ты не просто выполняешь обязанности, это доставляет тебе удовольствие, – уточнил Генрих с понимающей улыбкой.

В дверях показался только что прибывший гонец. В недавно захваченном Шиноне посланцы так и сновали туда-сюда, доставляя и увозя письма, но король узнал одного из герольдов Алиеноры. Его первой мыслью было – жена сообщает о рождении ребенка, – и он жестом приказал человеку подойти. Но когда, следуя за дворецким, гонец приблизился, Генрих понял: что-то стряслось. Лицо вестника было скорбно-серьезным, и награды за радостную новость он явно не ожидал.

– Сир! – Посыльный упал на колено, извлек из наплечной сумки единственный тонкий свиток, скрепленный печатью Алиеноры, склонил голову и уткнулся взглядом в пол.

Генрих взял письмо и сломал печать. Он уже не хотел читать послание, но долг велел ему сделать это, и немедленно, ибо от него могли потребоваться действия.

Алиенора писала ему официальным тоном, не как супруга, а как королева, и известие было столь ошеломляющим и страшным, что Генрих долго не мог взять в толк, о чем речь, словно ему предлагали проглотить камень. Казалось, он перестал дышать. Король поднял голову от послания и стал блуждать взглядом по комнате: по каменным стенам, занавесям, по усыпанному драгоценностями рукаву бекетовского одеяния, сверкающим граням хрусталя. Все эти предметы были реальными. Он видел их, мог протянуть руку и коснуться; но в письме говорилось о чем-то столь ужасном, что невозможно даже вообразить. От одного только предположения, будто такое могло случиться, Генрих утратил способность говорить.

Бекет оцепенело уставился на короля:

– Сир?

Генрих передал ему письмо. Он бы не смог прочесть его еще раз – жестокие слова уже пульсировали в мозгу нестерпимой болью. Он бросился вон из зала и почти бегом ринулся в свою комнату, выгнал оттуда слуг, захлопнул дверь и запер ее на засов. Развернувшись, он прислонился к двери с закрытыми глазами и отдался горю. Этого не может быть. Умирают чужие дети, но не его. Его дети здоровы, и Бог бережет их. Сын унаследует от него английский трон. Внутренним взором Генрих видел, как Вилл без усталости, будто заведенный, носится повсюду, размахивая маленьким мечом и весело покрикивая. Чувствовал влажный детский поцелуй на своей щеке и нежную ручку, доверчиво лежащую в его руке, когда они идут через холодный Вестминстерский двор в свете свечей, зажженных по случаю Рождества.

Генрих уронил голову на руку, и из глаз его потекли скупые слезы. В детстве он и сам много раз болел, иногда очень серьезно, но он выжил. Почему же Вилл умер? Почему его организм не справился с болезнью? Вытирая лицо рукавом, Генрих проклинал все на свете и снова плакал, а в душе его кипела бессильная ярость.

Наверняка мальчика можно было спасти, если бы его лучше оберегали. Как же Алиенора допустила это? Почему не позаботилась о том, чтобы он находился в помещении с чистым воздухом? А теперь в легких его сына вообще не было воздуха, один только прах. От мысли, что Вилл, этот жизнелюбивый малыш, находится в царстве разложения и тлена, сознание Генриха помутилось. Он оставил сына на попечение Алиеноры, она должна была защищать его и не справилась со своими обязанностями. Наверняка, по обыкновению, была очень занята тем, что совала нос в политику и прочие мужские дела. Неужели она не пришла на помощь сыну? Думать об этом было невыносимо, и он гнал от себя темные подозрения, чтобы они не разорвали его на части. Генрих вытер кулаками глаза и проглотил слезы. Увы, даже вся земная скорбь не вернет его сына к жизни. Вилл ушел в лучший мир. Его отцу остается лишь молиться о том, чтобы сын скорее попал в рай, но сейчас переступить порог церкви Генрих был не в силах.

В дверь постучали.

– Генрих,пусти меня.

Король высморкался и отодвинул засов. На пороге стоял Амлен с искаженным от горя лицом. Не сразу он произнес:

– Я узнал о трагической вести из Англии. Бекет сказал мне. Пришел спросить, могу ли я что-то сделать? Чем тебе помочь?

– Никто не даст мне того, что нужно, – хрипло отозвался Генрих, но шагнул в сторону, пуская брата в комнату. – Его не воротишь. – Он закрыл дверь и, судорожно дыша, снова прислонился к ней.

– Сообщить об этом двору?

– Нет. Я в состоянии говорить от своего имени. – Генрих попытался взять себя в руки. – При дворе пусть все идет обычным порядком. Отслужим мессу, помолимся за душу моего сына, а потом вернемся к делам живых. Я не намерен устраивать представление из своего горя и другим не позволю устраивать его для меня. Это понятно?

Амлен нахмурился:

– Не вполне, но раз ты так хочешь, так тому и быть. Мне очень жаль. Он был славный мальчуган.

– Да, – сухо проговорил Генрих. – А теперь я должен нарожать новых сыновей, чтобы обеспечить будущее династии.

Он выбрал такой способ справиться с несчастьем: отбросить эмоции, заняться практическими делами, пока не покроешься твердым панцирем, который уже ничто не сможет пробить.

– Ты напишешь Алиеноре? Она, наверное, безутешна.

Генрих плотнее сжал губы, но потом ответил:

– Мы скоро увидимся. Не хочу доверять чувства писарю и изливать печаль на пергамент.

Глава 6

Бек-Эллуэн, Руан, лето 1156 года

Мать Генриха, императрица Матильда, баюкала на руках свою запеленутую тезку. От легкой улыбки морщины вокруг ее рта обозначились отчетливее. Она уже поприветствовала своего четырнадцатимесячного внука, но пришлось быстро передать его няне, чтобы поменять мокрые пеленки.

– У меня никогда не было дочерей, – сказала Матильда Алиеноре. – Может, и к лучшему, потому что, как бы мы ни старались, миром правят мужчины и им не приходится преодолевать те трудности, с которыми сталкиваемся мы, женщины.

– Да, – согласилась Алиенора, – так устроена жизнь.

Два дня назад она прошла обряд воцерковления после родов. Минуло почти семь недель с тех пор, как не стало Вилла. Неизбывное горе не ослабевало, но она научилась жить с ним миг за мигом, час за часом, день за днем. Каждая секунда отдаляла ее от роковой минуты, но и от того времени, когда сын был жив, и она цеплялась за образ, оставшийся в памяти, и рисовала его в воображении снова и снова каждый день, зная, что он постепенно будет таять, пока не станет только тенью в ее душе.

Императрица встретила невестку нежными объятиями и прослезилась, а ведь эта женщина никогда в жизни не плакала. Алиенора опасалась, что мать Генриха будет винить ее в кончине Вилла, но Матильда отнеслась к ней с большим сочувствием и проявила озабоченность ее здоровьем.

– Ты выглядишь усталой, – сказала она. – Не стоило путешествовать так скоро после родов и столь тяжелой утраты.

Алиенора потрясла головой:

– В Англии я бы только мучилась от невозможности что-либо изменить. – Она покусала губу. – Мне надо поговорить с Генрихом, а он должен познакомиться со своей дочерью.

Алиенора до ужаса страшилась встречи с мужем. Не только потому, что предстояло говорить о смерти сына. Неизвестно, как отнесется Генрих к рождению малютки, ведь это девочка, а не мальчик, который хотя бы отчасти заменил бы утраченного ребенка. Не исключено, что теперь, после обряда воцерковления, ей удастся быстро забеременеть, а если она снова родит сына, может быть, Генрих простит ее. Вот только сама себя она вряд ли когда-нибудь простит.

– Побудь здесь хотя бы до конца недели. – Императрица свободной рукой похлопала Алиенору по колену.

– Как скажете, госпожа.

– Вот и хорошо. – Она покачала ребенка на руках. – Ты правильно сделала, что похоронила Вилла в Редингском аббатстве, рядом с моим отцом. Он был великим королем. И его внук тоже стал бы великим, если бы остался жив.

– Я сделала все, что могла. – Горькие слезы обожгли глаза Алиеноры. – Но этого оказалось недостаточно.

Императрица взглянула на нее пронзительно, но не злобно:

– То же самое я говорила себе, покидая Англию. Я положила девять лет, чтобы завоевать трон, принадлежавший мне по праву. Бывали времена, когда я думала, что погибну или буду окончательно разбита. Каким бы сильным ни было твое горе, ты должна снести удар судьбы и продолжать жить. Это твоя обязанность.

– Да, матушка, я знаю. – Алиенора попыталась сдержать досаду.

Матильда желала ей добра, и совет ее был дельный, но все же она не могла представить, что чувствует мать, потерявшая ребенка. Пожилая матрона снисходительно наставляла молодую, учила уму-разуму, совсем упуская из виду, что молодая-то прошла сквозь огонь, воду и медные трубы.

– Я напишу Генриху и попрошу его быть с тобой помягче.

– Благодарю вас, матушка, но ваше... заступничество мне вовсе не требуется. – Алиенора чуть было не сказала «вмешательство», но вовремя спохватилась. – Я могу постоять за себя.

Императрица поджала губы, как будто хотела что-то возразить, но передумала и тоже сменила тон.

– Я знаю, дорогая, – вымолвила она. – Только тщательно продумай все, что скажешь. Мой сын похож на своего деда. Он ожидает, что все будут беспрекословно исполнять его волю. Но он много унаследовал и от отца, а потому никогда не считается с нуждами других людей. Не позволяй ему ущемлять твои интересы, тем более что ты еще не вполне оправились от потрясений.

Алиенора склонила голову:

– Спасибо за вашу заботу обо мне, матушка. – Она догадывалась, что, несмотря на ее просьбу, Матильда, скорее всего, напишет Генриху. – Хочу спросить вашего совета по другому поводу.

Свекровь резко выпрямила спину.

– В самом деле? – Ее глаза заблестели любопытством.

– Насчет незаконного сына Генриха. – Алиенора указала на мальчика, сидящего со своей няней в глубине комнаты.

Ей нелегко было видеть его. Джеффри, поразительно похожий на Вилла, был постоянным живым напоминанием о тяжелой утрате.

Императрица кивнула:

– До меня доходили слухи, что у моего сына есть ребенок от уличной девки. Я не придавала им значения. Кто знает, от кого понесла шлюха? Но теперь ясно вижу, что проросло именно наше семя.

Алиенора скривилась:

– Я почти ничего не знаю о его матери, да и не желаю знать. Но мне говорили, что она англичанка и любовницей Генриха стала еще до нашей свадьбы.

– Значит, грехи юности. – Императрица снисходительно отмахнулась. – Так о чем ты хотела меня спросить?

Алиенора покрутила на пальце великолепный перстень с жемчугом, подарок свекрови.

– Генрих взял на себя заботу о бастарде. Я не стану притеснять невинного ребенка, каково бы ни было его происхождение. Но не могу позволить ему навредить моим собственным детям.

Императрица отдала девочку кормилице.

– Отец Генриха прижил Эмму и Амлена от любовницы. Она умерла при родах, и Жоффруа вырастил детей при дворе. Их присутствие никогда особенно меня не беспокоило. Я воевала за корону, не было времени волноваться о подобных пустяках. Кроме того, мои единокровные братья, рожденные бастардами, были мне незаменимой опорой в борьбе. Не будь их, Генрих никогда бы не взошел на трон. Я с самого начала рассчитывала, что Амлен будет расти вместе с Генрихом, чтобы поддерживать его, и он действительно стал надежным его помощником, чего не скажешь о родных братьях Жоффруа и Гильоме. Положение Амлена при дворе зависит от Генриха. Не бойся, что этот ребенок посягнет на права твоих сыновей. Воспитавай его правильно, и он будет преданным их союзником.

– Вот и Генрих говорит то же самое, – ответила Алиенора, не удержавшись от кислой улыбки. – Но Вилла больше нет, а маленький Генрих еще совсем младенец. – Она сжала пальцы в кулак. – Я хочу, чтобы мои дети занимали первое место в сердце их отца. – Произнося эти слова, она почувствовала себя несчастной, ибо изменить что-нибудь было не в ее власти.

– Так чего же ты ждешь от меня?

Алиенора подалась вперед:

– Хочу просить вас взять его на воспитание. Конечно, решать Генриху, но ведь Джеффри ваш внук. – (В таком случае мальчишка не мозолил бы глаза, вечно напоминая о понесенной утрате, и оставался в лоне семьи.) – Как вы на это посмотрите?

Императрица немного помолчала, размышляя, и медленно кивнула:

– Хорошо, я подумаю.

По тому, как живо заблестели глаза пожилой дамы, Алиенора поняла, что Матильду обрадовало предложение.

Императрица повернулась в кресле и жестом приказала подвести Джеффри.

По подсказке няни мальчик почтительно опустил на колено, потом встал, широко расставив ноги, совсем как Генрих, и смело взглянул в лицо бабушки ясными голубыми глазами – настороженно, но без страха.

– Можешь прочитать «Отче наш»? – спросила императрица.

Джеффри кивнул и бегло прочитал молитву по-латыни, запнувшись лишь раз.

– Молодец, – похвалила она и велела малышу идти, только сначала заставила встать на колено и потрепала по голове, благословляя, а когда он поднялся, угостила медовым кексом.

– Способный ребенок, – сказала Матильда, когда тот отошел. – Если его отец не станет возражать, я возьму Джеффри к себе.

– Благодарю вас, матушка. – Алиенора с заметным облегчением вздохнула.

Императрица холодно улыбнулась:

– Рада помочь тебе. У тебя на плечах тяжелая ноша, и она не полегчает со временем. Не хочу растравлять тебе сердце, но всегда лучше смотреть правде в лицо.

Алиенора выдавила улыбку. По крайней мере, свекровь откровенна с ней. Лицемерие ей несвойственно. Теперь, когда Алиенора сбыва с глаз долой бастарда, она могла сосредоточиться на том, как наладить отношения с Генрихом.

* * *

В двух милях от Сомюра Алиенора встретила конную процессию. В чистом голубом небе сияло солнце, первый летний зной обрушился на анжуйские земли, как удар молота на наковальню. Остановив лошадь, Алиенора ждала, когда приближающиеся всадники отъедут в сторону и из уважения к ее сану уступят ей в дорогу. Другая группа тоже встала на дороге, отказываясь пропускать чужаков. От копыт лошадей и мулов поднимались столбы пыли.

Молодой вельможа на мускулистом сером иноходце выехал вперед и недружелюбно воззрился на свиту Алиеноры. Но потом его лицо осветилось узнаванием, и, нетерпеливо передернув плечами, он приказал своим людям посторониться.

– Приветствую вас, сестра, – отрывисто произнес он.

Алиенора с недоверием смотрела на деверя. Это из-за козней Жоффруа Генрих до сих пор торчал в Анжу, а иначе он бы уже давно вернулся в Англию и находился с семьей, когда их сын заболел. Однако раз Жоффруа на свободе и куда-то направляется, значит они с Генрихом пришли к соглашению.

– Здравствуйте, братец. – Она старалась быть любезной. – Благодарю вас, что уступаете дорогу.

– Что еще мне остается, как не воздать почести жене моего брата? – Жоффруа весь дышал презрением.

Алиенора изогнула бровь:

– Полагаю, вы с моим мужем уладили разногласия?

Жоффруа занялся пылинками на своем сюрко.

– Лучше сказать, что сейчас у нас общие интересы. Бретонцы призвали меня быть их властителем. Я направляюсь в Нант, чтобы с благословения Генриха занять герцогский престол. Мог ли я мечтать о таком повороте событий? – Его голос выдавал скорее подозрения, чем благодарность.

– Прекрасная новость, – совершенно искренне ответила Алиенора. Она даже улыбнулась.

Наконец-то Жоффруа займется делом, и ему некогда будет сеять смуту в Анжу, а еще это значило, что Алиеноре придется встречаться с деверем только по особым случаям.

– Поживем – увидим, но пока я доволен. – Жоффруа подобрал вожжи, удерживая на месте своего норовистого коня. – Сожалею о кончине моего племянника. – Замечание прозвучало небрежно и неискренне.

– Благодарю, – с каменным выражением лица ответила Алиенора. – Желаю вам безопасного путешествия, милорд. – И мысленно добавила: чтобы глаза мои больше тебя не видели.

– А я желаю вам большого счастья с моим братом. – Жоффруа неприятно усмехнулся. – Вы могли бы стать моей женой, если бы не выбрали другой путь.

– В самом деле, – ровным голосом произнесла она. – Я благодарю Бога за то, что Он указал мне верную дорогу.

Жоффруа шутливо отсалютовал ей:

– Вы уверены, что именно Бог вразумил вас? Говорят, анжуйцы произошли от дьявола. – Он тронул лошадь и присоединился к своим людям, ожидающим на обочине, а Алиенора продолжила путь в Сомюр.

* * *

Жаркое солнце прогревало стены замка, но Алиенору знобило, как в лихорадке. Она ходила взад-вперед по комнате, в которую ее проводил сенешаль монарха. Самого Генриха не было – он уехал на охоту, хотя хорошо знал о приезде жены. Алиенора слишком тревожилась о предстоящей встрече, чтобы злиться, так что небольшая отсрочка показалась ей даже к лучшему.

Она сменила пыльное дорожное платье на нарядное блио из желтого шелка, расшитое жемчужинами. Шнуровку затянули как можно сильнее, чтобы четче обозначилась вновь постройневшая талия. Волосы убрали под усыпанную драгоценными камнями сетку, на запястья и шею капнули благовонного масла с изысканным запахом, но никакие драгоценности и ароматы в мире не могли сделать встречу супругов приятной.

Изабелла, неотлучно находившаяся рядом с королевой, обернулась от окна, из которого был виден внутренний двор.

– Госпожа, король вернулся. – Она тоже трепетала от волнения, потому что ее муж был среди сопровождавших Генриха придворных.

Алиенора подошла к окну и выглянула на улицу – во дворе теснились в сутолоке взмыленные кони, высунувшие языки собаки и довольные мужчины. Томас Бекет и Генрих над чем-то смеялись, по-товарищески пожимая друг другу руки через спины лошадей. Генрих был разгорячен не меньше, чем его конь.

Изабелла отыскиала глазами в толчее своего мужа и тревожно вздохнула.

– Он похудел, – промолвила она, – и хромает сильнее, чем обычно.

Алиенора коснулась ее руки:

– Ты мне не понадобишься, когда я буду говорить с королем. Можешь идти, я тебя отпускаю.

Изабелла порозовела, присела в реверансе и чуть не бегом поспешила во двор. Алиенора обернулась к остальным придворным дамам.

– Займитесь своими делами! – приказала она. – Я позову вас, если будет нужно.

Дамы удалились, и Алиенора снова подошла к окну. Генриха во дворе уже не оказалось. Ловчие собирали разбредшихся по закоулкам замка собак и загоняли их на псарню. Алиенора подумала, не пойти ли ей самой поискать Генриха, но рассудила, что он сейчас окружен веселой толпой охотников, а выставлять свою слабость на всеобщее обозрение не годится.

Когда король в свежей котте, пахнущей травами из платяного сундука, наконец вошел в комнату своим обычным бодрым шагом, солнце уже ушло далеко на запад, и его лучи ярко освещали одну стену замка, а на другую упала пепельно-серая тень. Только что вымытые волосы Генриха, потемневшие от влаги, были зачесаны назад.

Направляясь к жене, на середине комнаты он немного помедлил, но потом рванулся к ней, раскрыв объятия. Она хотела было присесть в реверансе, но супруг обхватил ее за талию и крепко прижал к себе.

– Я соскучился, – прошептал он и страстно поцеловал ее. – Выглядишь очень аппетитно!

Алиенора задыхнулась от такого напористого приветствия. Он говорил искренним, игривым тоном, словно все еще балагурил со своими приятелями-охотниками, словно ничего не произошло и все было в порядке. Муж широко улыбался. Алиенора ожидала чего угодно, но не этого и совершенно опешила.

– Генрих...

– А где же моя дочь? – Он не позволил ей ничего сказать, серые его глаза сверкали, нижняя челюсть была напряжена. – Дай мне взглянуть на нее и на сына.

В полной растерянности Алиенора подошла к двери и крикнула нянькам, чтобы принесли детей поздороваться с отцом.

Генрих внимательно оглядел завернутую в пеленки круглолицую девочку, которую няня держала на руках.

– Надо подумать о хорошей партии для тебя, – сказал он, потрепав дочь по подбородку. – Старшая дочь короля Англии, неплохо звучит, а? – Генрих делано улыбнулся Алиеноре. – Не сомневаюсь, что она вырастет красавицей. – Он присел на корточки, чтобы поздороваться со своим шестнадцатимесечным тезкой, одетым в длинную холщовую рубашонку. Волосики маленького Генриха были русыми, а не ярко-рыжими, а глаза серо-голубые.

– Уже ходит, – с гордой ухмылкой заметил Генрих. – Что за славный мужичок!

Он схватил сына на руки и принялся подбрасывать его в воздух, пока тот не завизжал. Передав малыша Генриха няне, обратился к третьему ребенку, стоявшему на пороге и наполовину освещенному пробивавшимися из окна косыми лучами; его медные волосы блестели в солнечном свете. Генрих взглянул на него и чуть не отшатнулся, удивленный.

– Я сдержала данное тебе слово, – произнесла Алиенора. – И привезла его с собой. Твоя мать выразила желание взять его на воспитание.

– Знаю, она написала мне об этом.

То есть Матильда все-таки послала сыну письмо. Интересно, о чем еще она сообщила?

Генрих дал знак няне Джеффри подвести мальчика.

– Думаю, это хорошая идея, но не слишком. – Он взъерошил кудри Джеффри. – Ты здорово вырос. Совсем мужчина!

Джеффри выпятил грудь, что заставило Генриха довольно усмехнуться.

– Пока ты здесь, мы можем вместе повеселиться. Хочешь, научу тебя ездить верхом? У тебя есть свой пони?

– Нет... сир.

– А тебе бы хотелось иметь его?

Ком подкатил к горлу Алиеноры. Такой диалог должен был состояться у Генриха с Виллом, а не с этим кукушонком.

Джеффри просиял:

– Да, сир!

– Что ж, хорошо, подыщем тебе коника, и я научу тебя кататься на нем, а когда ты еще немного подрастешь, возьму тебя на охоту, согласен?

– Да, сир! – с восторгом выпалил Джеффри.

Генрих улыбнулся и жестом отпустил няnek и их подопечных. Взгляд его задержался на Джеффри, прежде чем он повернулся к Алиеноре, хлопая ладонями и потирая их одна о другую.

– Давай-ка закатим пир в честь твоего приезда, а завтра устроим соколиную охоту вдоль реки. У нас здесь дает представления неплохая труппа лицедеев из Керси, тебе понравится, а Томас покажет тебе прекрасные ткани.

Алиенора в немом изумлении слушала его. Он занимал мозг всякими незначительными вещами, чтобы серьезные мысли не имели ни одного шанса прорваться в сознание и натолкнуть его на горькие думы, которых он старался бежать.

Прежде чем она обрела способность говорить, супруг был уже у двери, громко звал Бекета, приказывал собрать музыкантов и придворных.

– Пойдем, – сказал он, обернувшись и глядя как будто сквозь нее. – Выпьем за встречу. К тому же я не единственный, кого тебе следует поприветствовать!

* * *

Пиршество стало тяжелым испытанием для Алиеноры. Она смешалась с толпой придворных, улыбалась и говорила, выслушивала учтивые соболезнования, которые ей шептали тайком от Генриха, и замечала косые взгляды, направленные в ее сторону. Томас Бекет был прямодушен и заботлив, ему не терпелось похвастаться великолепной шелковой парчой, купленной по выгодной цене у венецианского купца. Когда Алиенора из вежливости рассматривала ткани, он не преминул сообщить ей, что идея отослать Жоффруа герцогом в Нант принадлежала именно ему.

– Ловко придумано, – отвечала Алиенора; она не скупилась на похвалу там, где это нужно.

– Бретань все-таки не то же, что Ирландия, – согласился он. – Теперь надо найти такое же удачное место для младшего брата короля.

Алиенора удивилась: не слишком ли широкие полномочия Генрих возложил на Бекета? Конечно, если у тебя есть собака, зачем лаять самому, но, с другой стороны, нельзя же допускать, чтобы животное главенствовало над хозяином.

Алиенора взглянула на юношу, упомянутого Бекетом. Вильгельм стоял в группе молодых рыцарей, притворяясь, что заинтересован разговором, но находил время, чтобы обвести не знающим праздности взглядом зал, все приметить, все оценить. Алиенора не особенно любила рыжего младшего брата Генриха, но он представлял меньшую опасность, чем Жоффруа; к тому же ему только двадцать лет, и пока неизвестно, что из него выйдет. Он заметил, что королева рассматривает его, и почтительно снял берет. Алиенора ответила легким наклоном головы, и Вильгельм отвел взгляд.

К Алиеноре подошел Амлен, расцеловал ее в обе щеки, взял ее руки в свои и, не смущаясь, взглянул ей в лицо.

– Примите мои соболезнования в связи со смертью Вилла, – проговорил он. – Не могу представить, каково это – пережить смерть сына, тем более что мальчик был так дорог вам и Генриху.

У Алиеноры перехватило дыхание, и слезы подступили к горлу из-за того, что брат Генриха упомянул Вилла, а сам Генрих нет.

– Да, вы не можете представить, но благодарю вас за участие, – ответила она. Глубоко вздохнув, Алиенора взяла себя в руки. – Что вы скажете о Генрихе? Он ни разу даже не произнес имени Вилла.

Амлен бросил взгляд через зал. Генрих беседовал с гофмейстером Алиеноры Вареном Фицгерольдом.

– Он не говорит об этом с нами, – сказал Амлен, покачивая головой. – И мы не навязываемся с утешениями, потому что Генрих или приходит в бешенство, или, как вы видели сегодня, полностью уходит в другие заботы. Он силится не думать об этом, потому что иначе потеряет присутствие духа.

– И он винит во всем, что произошло, меня. Я это знаю.

Амлен растерянно посмотрел на Алиенору:

– Никто не скажет точно, что думает и чувствует мой брат; даже самые близкие к нему люди не могут проникнуть в его мысли. – Он коснулся руки королевы. – Что я знаю наверняка, так это то, что он рад видеть вас и детей. Будем надеяться, это благотворно на него повлияет.

– Вы очень добры, – произнесла Алиенора с усталой улыбкой.

– Я просто говорю как есть. Он скучал по вас; в вашем присутствии брат быстрее зализывает раны, которые зализывал в одиночестве.

В этом Алиенора не была уверена. Помолчав, она сказала:

– Я привезла ему сына, рожденного от любовницы. Амлен, мне нужен мудрый совет.

Амлен насторожился:

– Я вырос в семье отца, а Эмму отправили в Фонтевро. Императрице не было до нас обоих дела, но она всегда была справедлива к нам, может быть, даже больше, чем к нашему отцу. И я уважаю ее за это.

– А как вы себя чувствовали среди других детей?

Он пожал плечами:

– Я презирал Генриха за то, что все привилегии доставались ему, хотя старший сын я, а когда у отца появились другие законные отпрыски, совсем ожесточился. Мне, как побочному сыну, предназначено было всегда оставаться на вторых ролях. Каждую ночь я лежал в постели и злился на судьбу, но, повзрослев, увидел преимущества своего положения. Что ж, мне никогда не стать ни королем, ни графом. Полно, да надо ли мне это в самом деле? Я играю видную роль при дворе, служу на благо семьи и получаю солидное вознаграждение. Я довольно важная фигура в раскинутой Генрихом паутине, но мне не нужно ни плести нити политики, ни беспокоиться о том, чтобы мухи попали в сеть.

Алиенора улыбнулась этому сравнению и поцеловала Амлена в щеку.

– Вы дали мне пищу для размышления, – сказала она. – Спасибо.

И все же Джеффри следует готовить к церковному поприщу.

* * *

Генрих закинул ноги на кровать и разматывал обмотки. Супруги наконец уединились. Алиенора опасалась, что муж, чтобы не оставаться с нею с глазу на глаз, устроится на ночь у какой-нибудь девицы, но он охотно явился в спальню.

Сняв кольца и сложив их в эмалевую шкатулку, она произнесла:

– У тебя ни минуты свободной, ты так и не сказал мне, как сам поживаешь.

Он сосредоточенно продолжал раздеваться.

– О чем ты? У меня все хорошо, разве не видно? Не стоит беспокоиться.

– Нет, Генрих, я беспокоюсь. Ты отказываешься говорить о Вилле, как будто его на свете не было, и чем больше ты молчишь о нем, тем глубже рана. Но она никогда не заживет, сколько повязок ни накладывай. – Она вплотную приблизилась к нему, заставляя его поднять глаза.

Генрих со вздохом бросил одежду на пол.

– Без толку говорить об этом. Его не вернешь, – грубо отрезал он и притянул ее к себе. – Лучше позаботиться о будущем. И о новой жизни, которую мы породим.

– Генрих...

– Ни слова больше. – Муж приложил указательный палец к ее губам. – Я сказал, довольно об этом! – Он припал к ее губам, заставляя замолчать.

Потом он увлек ее на кровать и любил ее долго и неторопливо. Алиенора стонала и вскрикивала под ним, по мере того как первые проблески ощущений превращались в острое, почти мучительное наслаждение. Вонзив ногти в его плечи, она раскрылась ему навстречу. Генрих прижал Алиенору к постели и вонзался в нее толчками, пока не исторг семя. Алиенору радовала его неистовость и жаркое биение внутри ее тела, потому что она жаждала снова зачать сына, а чтобы это произошло, мужское семя должно победить женское.

Генрих еще дважды за ночь приступал к ней и потом, окончательно опустошенный, заснул, свернувшись рядом с ней и обнимая ее. Последнее, что он пробормотал, прежде чем его сморила усталость, было:

– Я не шучу. Больше ни слова. Мы никогда не станем говорить об этом.

Алиенора лежала, поджав ноги, на своей половине кровати и чувствовала себя глубоко несчастной. Генрих думает, что, обходя смерть сына молчанием, он расчищает дорогу взаимности между ними, на самом же деле лишь присыпает камни землей. Если он не позволит ей упоминать об этом, то как ей справиться с грузом боли и угрызений совести и как он сам справится со своим? Они просто будут брести по этой каменистой дороге, сгибаясь под тяжестью своей ноши, пока та наконец не свалит их.

Глава 7

Бордо, Рождество 1156 года

Утром с неба посыпалась редкая мелкая крупа и словно бы измельченным сахаром покрыла коньки крыш и верхушки башен. Темные следы испещрили внутренний двор замка Омбриер – недолговечные отпечатки чьих-то ног, ходивших туда и обратно между хозяйственными строениями.

– Когда я была маленькой, нас всегда привозили сюда на лето, – сказала Алиенора Изабелле. Они прогуливались под руку в сгущавшихся сумерках, закутанные в теплые, подбитые мехом плащи. – Мы играли в саду, а иногда учились в тени вон тех деревьев.

– А меня учили в нашем замке Акр в Норфолке, – в тон ей ответила Изабелла. – Я и представить тогда не могла, что уготовила мне судьба.

– Да и я тоже, – печально проговорила Алиенора. – Если бы знала, как все обернется, то еще в юном возрасте бежала бы без оглядки. Возможно, потому Бог и оставляет нас в неведении. – Она с любовью взглянула на Изабеллу. Будь молодой муж графини более честолубивым и реши он постоять за трон, Алиенора и Изабелла стали бы соперницами в борьбе за корону. Вместо этого они сделались подругами: сшитыми из разной ткани, но схожего покроя. – Но ты, наверное, слышала аквитанские легенды.

Изабелла улыбнулась:

– О да, мы часто слышали истории и песни трубадуров о красавцах-рыцарях, которые соблазняли женщин и увозили их от мужей. Сказания передавались из уст в уста. Няня все время предостерегала нас не внимать льстивым речам молодых мужчин, а мы втайне желали стать дамами их сердца. Как же мы были наивны!

– Наивной я никогда не была, – невесело усмехнулась Алиенора, – хотя и простодушно полагала, что смогу жить так, как пожелаю. Но это заблуждение растаяло, когда я узнала, что должна выйти замуж за Людовика Французского. Мне было тринадцать лет, мой отец только что умер, и оказалось, что он уже выбрал для меня мужа, не сказав мне ни слова.

– Когда умер мой отец, мне было шестнадцать, – вступила Изабелла. – Я единственный ребенок, и король Стефан устроил мой брак с его сыном. В день нашего венчания Гильому было всего одиннадцать. – Она вглядывалась в даль. – Одновременно со мной моя мать тоже вышла замуж, за Патрика Солсбери, и так мы невольно оказались во враждующих лагерях и ничего не могли с этим поделать.

– Должно быть, тебе пришлось нелегко.

– Нелегко, – ответила Изабелла, – но мы нашли выход из положения. Женщины весьма изворотливы.

Из сумеречной синевы снова посыпались маленькие белые хлопья. Изабелла сказала:

– Вижу, вы с королем наслаждаетесь обществом друг друга. Я очень рада.

– Сейчас – да, но кто знает, как долго это продлится, – с нервной улыбкой ответила Алиенора и не стала развивать тему.

Она была очень дружна с Изабеллой, но не намеревалась обсуждать с ней свои непростые отношения с мужем. Дела и впрямь шли на лад. Супруги провели вместе лето и осень, разъезжая по своим землям. Неловкость той первой ночи в Сомюре была преодолена, зарубцевалась, как глубокая рана, но в душе остался заметный шрам, от которого не избавиться. Они с Генрихом начали совместную жизнь с чистого листа, как будто у них не было общего прошлого и Вилла никогда не существовало на свете.

Маленькой Матильде исполнилось уже шесть месяцев. Две недели назад у Алиеноры снова были регулы, а это значило, что семя опять не укоренилось в ее чреве, и она места себе не находила. Неужели Господь окончательно отвернулся от них?

Снег повалил сильнее, и женщины поспешили вернуться во дворец. Придворные собрались у очага, жарили каштаны и лакомились ароматными закусками, которые повара приготовили, пока позволял дневной свет, – пряной выпечкой, фруктами в сиропе и прочими сладостями. Музыканты исполняли песни на бордоском наречии окситанского языка, дамы и кавалеры затеяли игры, танцевали, вели приятные беседы и обменивались любезностями, забыв на время о делах.

Искусно исполняя свою роль королевы и герцогини, Алиенора занимала присутствующих, излучая очарование. Она разговаривала, смеялась и флиртowała с придворными и постоянно ощущала на себе хищный взгляд Генриха. Лицо его выражало одновременно настороженность и вожделение – так лев выслеживает добычу, которую нелегко загнать.

Потом они танцевали вместе – герцог и герцогиня. И если касались друг друга, чувственное притяжение было таким же сильным, как в первую брачную ночь. Зрачки его глаз расширились и потемнели, а когда супруги соединяли руки и поворачивались в танце, глаза Генриха горели страстным огнем. Потом они меняли партнеров и разлучались на несколько тактов, но затем вновь соединялись, и в эти мгновения обоих пронизывала молния желания. Алиенора часто дышала. Рука Генриха обхватывала изгиб ее бедра, и его пальцы стремились к потаенной ложбинке. Она дарила ему томные взгляды и облизывала губы. По крайней мере, в танце они были идеальной парой.

* * *

В январе дни стояли ясные. Морозным утром Алиенора прибыла в аббатство Нотр-Дам-де-Сент, чтобы навестить свою тетку Агнессу, настоятельницу монастыря, и сестру Петрониллу, недужную душой и телом. Сестра жила здесь под опекой монахинь больше шести лет.

Листья каштанов покрылись инеем и напоминали кружево, и аббатство сверкало в ярком свете зимнего солнца, словно посыпанное хрустальной крошкой. У въездной башни, выдыхая в морозный воздух облачка пара, Алиенора спешила. Несмотря на теплые рукавицы, пальцы ее онемели. Конюх принял поводья, монахиня повела Алиенору к настоятельнице, а свиту королевы проводили в гостевой дом.

Тетушка оторвалась от чтения молитвенника и поспешила нежно обнять племянницу.

– Я так рада видеть тебя, дорогая! – Лицо ее озарилось улыбкой. – Сколько же мы не виделись?

– Три года, – слабо улыбаясь, ответила Алиенора. – За это время многое произошло и многое изменилось.

– Воистину. – В пронизательных черных глазах тетушки читалось сочувствие. – Пройди, усаживайся у огня, грейся, а потом расскажешь мне обо всем.

Она указала на скамью с подушками около очага. Там, уютно устроившись в тепле у огня, вылизывался симпатичный рыжий кот, который напомнил Алиеноре Генриха. Она удивленно взглянула на тетушку. Настоятельница смущенно развела руками:

– Тиб исправно несет службу, отлавливая мышей. Может, это и грешно – держать кота в святом месте, но все же он божья тварь, и мне нравится, что ему здесь хорошо.

– Уверена, Бог любит вашу доброту.

Алиенора села рядом с котом у очага, так же как и он, наслаждаясь теплом ярко пылающего огня в этот промозглый день. Молодая послушница принесла горячего вина, сдобренного имбирем и гвоздикой. Настоятельница отказалась от вина и взяла себе кубок с

водой, меж тем как Алиенора принялась рассказывать тетушке, что случилось со времени их последней встречи, вплетая все нити событий в большое полотно. Легче от этого не стало, но, последовательно и вслух изложив все злоключения, Алиенора словно со стороны взглянула на свой горестный опыт.

Тетушка озабоченно посмотрела на нее:

– А что дальше? Ты останешься в Пуату?

Алиенора потрясла головой:

– Нужно уладить дела в Нормандии и возвращаться в Англию: в отсутствие Генриха страной управляю я.

– Жаль, что ты не можешь остаться подольше.

– Мне и самой жаль, – печально отозвалась Алиенора.

Кот медленно, с удовольствием потянулся и зевнул, обнажив острые белые зубы, а затем важно проследовал к двери и требовательно замяукал. Тетушка поднялась, открыла дверь, и холодный сквозняк пронесся по комнате. Животное удалилось, держа рыжий хвост трубой. Алиенора тоже встала, поеживаясь от холода.

– Хочу повидаться с сестрой.

– Я бы пригласила ее сюда, – объяснила Агнесса, – но она слаба, и мы поместили ее в лазарет. Там тепло и хороший уход. Пойдем, я провожу тебя.

* * *

Монастырский лазарет представлял собой благоустроенное помещение с дюжиной кроватей; четыре из них были заняты престарелыми монахинями, за которыми ухаживали сама сестра-лекарка и ее помощница. Огонь в очаге ярко сиял, поленья не чадили, рядом было достаточно места для приготовления сытной еды. Над огнем кипел котел, от него поднимался пар и разносился приятный аромат мясной похлебки.

У очага скрючилась тщедушная старуха с изможденным лицом и ввалившимися глазами. Она куталась в отороченную беличьим мехом накидку и заходилась утробным, влажным кашлем, прикрывая костлявой рукой рот. Алиенора в немом изумлении уставилась на нее:

– Петра, Бог ты мой! – Она подскочила к сестре и бессильно наблюдала за ней, когда очередной приступ кашля вырвался из груди Петрониллы.

Наконец больная сплюнула кровавую мокроту в тряпку и хрипло задышала. Алиенора обняла ее за плечи и поцеловала в лоб:

– Что с тобой случилось!

– Алиенора, – просипела Петронилла. – А я ждала тебя. Последнее время я часто о тебе думаю. – Она снова закашлялась, но не очень сильно, и протянула дрожащую руку к кружке, стоявшей на краю скамьи. – Это пустырник. – Она пригубила зелье. – Мне сказали, он поставит меня на ноги, но я-то знаю, что все впустую. Они думают, я ничего не понимаю, но я сумасшедшая, а не дура.

Алиенора взглянула на тетушку:

– И давно она в таком состоянии?

Агнесса покачала головой:

– Кашель не проходит уже больше месяца, что бы мы ни делали. Ее держат в тепле и всячески заботятся о ней. Все ее подбадривают и молятся за нее. Может быть, весной она пойдет на поправку.

Все это лишь избитые фразы. Было очевидно, что сестра неизлечимо больна и лишь чудом сможет дотянуть до весны. В свои тридцать два года она выглядела дряхлой старухой. В голове Алиеноры промелькнули воспоминания: Петронилла в детстве, юная Петронилла,

с блестящими каштановыми волосами и сверкающими глазами, танцует на балу... Она всегда была не от мира сего, но конец ее дней просто душераздирающий. Столь щедрые обещания никогда себя не оправдывают – так роза начинает расцветать, но вдруг увядает.

Петронилла наклонила голову, как будто прислушивалась.

– Папа вернулся из Компостелы? – спросила она. – Он ведь уже давно уехал.

Алиенора вновь взглянула на Агнессу.

– Нет, дорогая. Еще нет. – И никогда не вернется, потому что он умер в Компостеле двадцать лет назад и похоронен в усыпальнице Святого Иакова.

– Она живет в своем мире, – пояснила тетюшка. – И только прошлым. Никогда не упоминает ни о своем замужестве, ни о детях.

– Может, это и к лучшему, – скупно заметила Алиенора.

Брак Петрониллы, кратковременный, страстный и бурный, настоящее бедствие, принес одни разочарования и закончился плачевно для обоих супругов и их отпрысков. Теперь бывший муж уже мертв, а дети находились на попечении чужих людей во Франции. Слава Богу, что ее больной мозг вычеркнул эти годы из памяти!

– Папа едет ко мне, – проговорила Петронилла. – Скоро я его увижу. – Она схватила сестру за руку. – Давай поднимемся на крепостную стену и посмотрим, как он подъезжает.

– Нет, останься здесь, у огня. – Алиенору душили слезы. – Успеется. Он не обрадуется, если мы замерзнем. Давай-ка выпей отвар. – Она села рядом с сестрой, крепко прижала ее к себе и накинула себе и сестре на плечи свой плащ.

Пламя прихватило сучок на полене, и в воздух поднялся фейерверк красных искр.

– Помнишь, как в Пуатье мы наблюдали за светлячками в саду? – прошептала Петронилла. – И загадывали желание, как только загорался огонек.

– Конечно. Это же была наша любимая забава.

Сколько надежд, сколько грез и упований. Глаза Алиеноры наполнились слезами, и пляшущие языки пламени слились в одно золотое пятно.

– И все они рассеялись как дым, – грустно произнесла Петронилла. – Все до одного.

Глава 8

Руан, Нормандия, февраль 1157 года

Алиенора вернулась в свою комнату из уборной. Ее тошнило третий раз за утро. Желудок крутило так, словно она была в море, а не пережидала на берегу, когда закончится шторм и можно будет сесть на корабль.

Генрих изучал ее плотоядным взглядом:

– Ты нездорова или есть другая причина?

Алиенора, чтобы победить тошноту, прополоскала рот имбирным отваром, приготовленным Марчизой.

– Надеюсь, я снова беременна. – Она с трепетом, надеждой и страхом произнесла слова, не решаясь даже улыбнуться, ибо дело серьезное и нельзя, чтобы Господь заподозрил ее в легкомысленности.

– Прекрасная новость! – Генрих привлек ее к себе. – Тебе следует побольше отдыхать и беречь себя, – заботливо произнес он, кончиком пальца поглаживая ее лоб. – Предоставь все хлопоты придворным. – Он бросил взгляд на ее дам, которые укладывали вещи в дорожные сундуки для поездки в Англию.

– Об этом не беспокойся. – Алиенора подавила раздражение.

Будь его воля, он бы запер супругу в четырех стенах и ее единственными занятиями станут вышивание, забота о детях и время от времени написание ничего не значащих писем Отцам Церкви, просто чтобы поддерживать дипломатические отношения.

Малыш Генрих вперевалячку приковывал к отцу и обхватил его ноги. Генрих взял сына на руки, по пути перекувырнув в воздухе, что вызвало восторженный визг.

– Какой же ты молодец, смелый маленький рыцарь! – похвалил отец. – Будь умницей. Я поеду в Нормандию встречаться с дядей французским королем, а ты останешься с мамой.

Он бросил на Алиенору такой жесткий взгляд, что от чувства вины и беспокойства у нее сжалось сердце, ибо это означало, что муж не простил ей смерть Вилла. Они договорились никогда не упоминать об этом, но к чему слова, если взгляды так красноречивы?

– Папа! – Внебрачный сын Генриха Джеффри вприпрыжку примчался в комнату, держа в одной руке игрушечный меч, а в другой маленький щит, где на красном фоне были изображены два золотых льва.

Генрих весело засмеялся и взъерошил рыжие волосы сына. Алиенора изо всех сил старалась сохранять невозмутимый вид. Каждый раз, когда ее взгляд падал на этого ребенка, ей виделся Вилл, и она знала, что муж чувствует то же самое. Присутствие Джеффри мучило ее, растравляя незаживающую рану, но Генриху приносило радость и утешение, как будто мальчик и правда был воскресшим Виллом. И наверняка особую близость к побочному сыну он испытывал в память о его покойной матери, но об этом Алиенора думать совсем не хотела.

– А вот и еще один храбрый маленький рыцарь, готовый с мечом в руках защищать семью! – провозгласил Генрих. – Приветствую вас, сэр Джеффри Королевский Сын, победитель драконов!

Алиенора стиснула зубы. Будь в ее силах, не видать мальчишке мирской карьеры, не быть рыцарем и бароном, потому что эта дорога ведет к власти, а кто знает, как далеко заведет его честолюбие. Решено было оставить его в Нормандии у императрицы, но это означало, что он все же сохранит доступ к отцу. Это всего на несколько недель, говорила себе Алиенора, и ничего не попишешь, но ее тем не менее одолевали дурные предчувствия.

* * *

Алиенора положила руку на живот – ребенок внутри шевелился и пинался. Ей казалось, что ее предыдущие дети были беспокойными, но этот превзошел их всех. Он – а Алиенора для себя уже твердо решила, что это мальчик, – начал рано ворочаться и никогда не уставал. Мать радовалась, что малыш еще в утробе развел такую бурную деятельность, и не просила его уговориться. Ей нужен был сильный наследник, которому можно передать правление Аквитанией, и она непрестанно молилась святой Радегунде и святому Марциалу, чтобы будущий сын оправдал ее надежды.

Несмотря на беременность и предостережение Генриха, весь этот апрельский день Алиенора трудилась не покладая рук. Она вручила охранные грамоты и разрешения покинуть страну нескольким купцам и двум священникам-деканам, скрепив документы своей печатью; велела шерифу прекратить вырубку деревьев в лесах, принадлежащих Редингскому аббатству, и дала распоряжение гофмейстеру заказать побольше лампадного масла для ее комнаты. Работа рутинная, зато за ужином предстояла беседа с двумя посланниками из Наварры, и Алиенора с нетерпением ждала вечера.

– Думаю, я назову ребенка Ричардом, если родится мальчик, в чем я нисколько не сомневаюсь, – сказала она Изабелле, когда придворные дамы одевали ее к вечернему приему.

Изабелла вопросительно взглянула на госпожу:

– Почему Ричард?

Дамы надевали ей через голову узорчатое красно-золотое платье из парчи.

– Это имя означает «сильный правитель», – объяснила королева, – и когда он вырастет, то станет держать в узде моих баронов. – Она погладила выпуклый живот. – Таким именем еще не нарекали наших с Генрихом предков, если только очень давно. Этот малыш будет сам ковать себе славу.

– Не захочет ли король назвать его в честь своего отца Жоффруа или деда – Фулька Иерусалимского?

– На этот раз решать не Генриху, – отрывисто произнесла Алиенора. – Я сама выберу имя, потому что это дитя – мой наследник.

– А если все же родится девочка? – с робкой улыбкой поинтересовалась Изабелла.

– Тогда она будет Алиенорой и все равно станет моей наследницей. – Алиенора гордо вскинула подбородок, и глаза ее засияли решимостью. – Но я точно знаю: это мальчик.

* * *

Генрих прибыл в Лондон неделей позже, примчался, загнав лошадь, прямо с пристани в Саутгемптоне.

– Выглядишь прекрасно, – сказал он, здороваясь с Алиенорой в большом зале Вестминстерского дворца. Он расцеловал жену в обе щеки, а затем в губы. Муж был более приветлив, чем в Нормандии, улыбался довольно и добродушно. – Просто цветешь.

Его восторженные слова польстили Алиеноре, и она в ответ широко улыбнулась:

– Да, господин супруг мой, я чувствую себя очень хорошо.

Хотя Алиенора оставалась настороже, но все же у нее словно гора упала с плеч. Два месяца разлуки сгладили разногласия между супругами, к тому же изнурительная тошнота и раздражительность первого периода беременности сильно уменьшились. Вест о возвращении Генриха она получила заранее, и это дало ей возможность внутренне подготовиться к его прибытию.

Детей привели поздороваться с отцом. Ясноглазый маленький Генрих никак не мог устоять на месте. Румяная круглолицая Матильда, сидя на руках у няни, рассматривала отца и хмурилась. Король поцеловал дочь и сына и одобрительно кивнул Алиеноре в знак того, что он доволен: дети живы и здоровы. Алиенора не знала, радоваться или обижаться, и спряталась за ширмой гордой невозмутимости.

* * *

– Ты хорошо справилась, – сказал ей Генрих позже, когда все формальности были завершены, супруги отпустили слуг и остались вдвоем в комнате королевы. Он налил им обоим вина из кувшина, стоявшего на сундуке.

– Я отлично могу вести государственные дела, когда ты в отъезде, даже если беременна, – с раздражением в голосе произнесла Алиенора.

– Да я и не отрицаю этого, любимая, но ты должна заботиться о своем здоровье. Ты же не хочешь, чтобы твое чрево принялось бродить по всему телу. Вот что случается с женщинами, которые слишком обременяют себя, когда вынашивают ребенка, и подчас все плохо заканчивается. Я слышал, ты к этому предрасположена.

– Ты поручил матери править Нормандией. Чем же я хуже?

– Моя мать больше не рождает детей. – Генрих отпил вина. – Однако ты была регентом последние полтора месяца. Чем же ты недовольна?

– Тем, что твои советники надзирают за каждым моим шагом.

– Любой правитель имеет советников. Прибегай к их рекомендациям, когда нужно, и будь благодарна за помощь.

Алиенора сознавала, что, раздражаясь, играет ему на руку, и удержалась от ответного выпада.

– Иногда помощь очень походит на вмешательство, – сказала она.

– Это не намеренно.

– Неужели? – Алиенора удивленно вскинула брови.

– Разобраться в английских законах непросто, и вполне разумно иметь советников. – Он издал сердитый стон. – Не делай ты из мухи слона.

Генрих остановил дальнейшие возражения твердым взглядом, словно говорящим: я прав, а ты нет.

– Ну хорошо. – Алиенора не стала искушать судьбу и сменила тему. – Как прошли твои встречи с Людовиком?

Генрих пожал плечами:

– Как и ожидалось. Он признал мои права как графа Анжуйского в аббатстве Святого Юлиана и безропотно согласился с назначением моего брата графом Нантским. Мы достигли согласия, и теперь у меня есть возможность заняться делами в Англии. – Генрих покрутил кубок. – Людовик пребывал в необычайно приподнятом настроении, потому что его супруга наконец зачала и, полагаю, в конце осени ожидается наследник. Но жена его, я слышал, слаба здоровьем и узка в бедрах, так что неизвестно, будут ли роды удачными.

Алиенора насторожилась:

– Но если она выживет и родит сына, положение сразу же изменится.

– Изменится, но что мы можем поделать? – Генрих повел рукой, указывая на круглый живот Алиеноры. – Будем надеяться, что французская королева родит дочь, а ты – еще одного сына.

В дверь тихо постучали. Генрих открыл. На пороге стояли два пажа, а за ними капеллан Алиеноры отец Пьер с весьма серьезным выражением лица.

– Сир, – сказал он, глубоко поклонившись, – госпожа, простите, что беспокою вас в столь поздний час, но пришли вести из Аквитании.

Генрих жестом пригласил его войти, и священник ступил в комнату, высокий, мрачный, на шее его посверкивал в свете свечей крест. Алиенора затрепетала от дурного предчувствия. Новости явно не о войне и не об очередном бунте, потому что капеллан не уполномочен докладывать о таких событиях. Священник может извещать только о смерти кого-то из родственников.

– Госпожа. – Отец Пьер протянул королеве письмо с печатью Сентского аббатства. – Гонец ждет в зале. Если пожелаете, я могу позвать его.

Алиенора сломала печать и развернула свиток. Пергамент сохранил нечеткую рябь там, где ребра животного прилегали к коже, и был исписан изящным почерком темно-коричневыми чернилами.

– Петра умерла, – произнесла она, прижимая руку ко рту. – Моя бедная, бедная, милая сестрица. – Алиенора ошеломленно уставилась в письмо. – Я знала, что она больна, и чувствовала, что больше не увижу ее, но все же...

– Госпожа, примите мои соболезнования, я скорблю вместе с вами, – сказал отец Пьер. – Она была такой... хрупкой.

Генрих обнял жену, и она вцепилась в рукава его котты крепко, почти зло. Глаза ее горели, но в них не блеснуло ни слезинки.

– Да, – прошептала Алиенора.

Откуда-то из глубины души взмыла волна горя и полностью захлестнула ее. Петронилла. В детстве они были неразлучны: спали в одной кровати, вместе играли, попадали в одни и те же переделки и всюду ходили парой. После смерти матери Алиенора стала для Петрониллы заботливой старшей сестрой, почти заменила ей мать, а через некоторое время ей пришлось наблюдать, как сестра губит свою жизнь, столкнувшись с мужским криводушием и вероломством. Кроме Алиеноры, в живых уже не осталось никого, кто помнил бы эти печальные события.

– Ваша сестра долго хворала, – сказал отец Пьер. – Теперь ее мучения закончены, и Бог забрал ее к себе.

Алиенора закусила губу:

– Я потеряла ее много лет назад, но утешала себя тем, что она где-то есть на свете. – Королева высвободилась из объятий Генриха и прижала ладони к сердцу. – Для меня сестра всегда останется маленькой девочкой. По правде говоря, она так и не выросла и на взрослые поступки была не способна. – Королева обратилась к капеллану: – Прошу отслужить по ней мессу и заупокойную службу. Подробности обсудим позже.

– Начну готовиться немедленно. – Склонив голову, отец Пьер удалился.

Болезненная судорога сдавила Алиеноре горло.

– Надо написать тетушке.

– Напишешь завтра, – сказал Генрих. – Подумай о ребенке, ложись и отдохни.

Она покачала головой:

– Я не смогу заснуть.

– Не важно. – Он заставил жену лечь в постель и обложил ее подушками. – Послать за твоими дамами?

Она знала, что супруг заботится только о нерожденном ребенке, а до ее горя ему нет дела. Алиенора была одинока в своей скорби, но все же протянула к нему руку:

– Пожалуйста, останься со мной.

Генрих хотел было уйти, но, поколебавшись, со вздохом забрался на кровать, лег и обнял ее, устроив подбородок на ее плече. Она чувствовала, как шею покалывает его борода, ощущала тепло его дыхания, и это было хоть какое-то утешение. Лежа в его объятиях, она

вспоминала, как они с Петрониллой крепко прижимались друг к другу в их детской постели. Алиенора помнила запах свежего белья и ночных сорочек, нежной кожи, спутанных волос. Девочки хихикали под одеялом, засыпанным хлебными крошками и заляпанным липкими пятнами меда, который они потихоньку таскали со взрослого стола; однажды умыкнули даже кувшин с вином. Шепотом поверяли друг другу секреты, делились надеждами и мечтами. Давным-давно и далеко-далеко. Как они были наивны и невинны! Тесно прижавшись к сильному телу мужа, Алиенора не решалась заплакать, ибо знала, что, начав, остановиться не сможет.

Глава 9

Дворец Бомонт, Оксфорд, июль 1157 года

— Госпожа, я привела кормилицу. — Изабелла поманила рукой молодую женщину на сносях, которая ждала на пороге комнаты, смиренно опустив глаза и сцепив руки на огромном животе. — Это госпожа Годиерна из Сент-Олбанса, женщина достойная во всех отношениях. Ее рекомендуют многие, не только я. — Она сделала знак повитухе, что та тоже может войти.

Молодая женщина с трудом присела в реверансе. Ее волосы благочестиво скрывал вимпл из беленого полотна. У нее была светлая гладкая кожа и белые руки с коротко обрезанными чистыми ногтями. На пальце блестело простое обручальное кольцо, но других украшений она не носила.

— О тебе очень хорошо отзываются, — обратилась к ней Алиенора, улыбаясь Изабелле, которая, вместе с повитухой Алисой, взяла на себя труд найти подходящую кормилицу для королевского отпрыска. На эту роль предлагали себя многие женщины, но мало кто из них отвечал всем требованиям. — А кто твой муж?

— Я вдова, госпожа, — негромко, но с достоинством произнесла Годиерна. — Мой муж был сержантом и служил у епископа Сент-Олбанса. Он умер от подагры, прежде чем я узнала, что жду ребенка. Сейчас живу с матерью.

Хорошо. Значит, ей не нужно ублажать мужчину.

— Дай мне осмотреть тебя.

Годиерна неторопливо расстегнула платье и спустила его вместе с нижней рубашкой, обнажив тяжелую белую грудь с проступающими голубыми венами, бледно-коричневыми сосками и крупными ареолами. Женщина была в теле, но не толстуха, живот ее уже сильно выдавался вперед.

— Одевайся, — сказала Алиенора. — Я не вижу в тебе изъянов и возьму тебя кормилицей для малыша, когда придет время. Мой канцлер проследит, чтобы тебе заплатили.

Застегнув платье, Годиерна снова сделала реверанс, и повитуха тут же увела ее из комнаты. Алиенора повернулась к Изабелле:

— Мне она понравилась, спасибо.

— Рада, что вы ее одобрили. — Изабелла наморщила нос. — Так много женщин предлагали свои услуги. Я никогда не видела столько беременных, но ни одна из них не годилась. Годиерна оказалась единственным зерном среди плевел.

Алиенора усмехнулась:

— Осенью всегда рождается много детей. Рождественские гулянья и темные зимние дни способствуют появлению богатого урожая в пору жатвы.

Изабелла промолчала. Может, это и касалось других женщин, но не ее.

Они с Алиенорой отправились с шитьем в сад, чтобы заняться вышиванием при ярком свете летнего дня.

— Как вы думаете, король вернется к тому времени, когда вам рожать? — спросила Изабелла, как только они уселись.

Алиенора взяла из шкатулки для рукоделия моток шелковых ниток.

— Обещал, но у Генриха слова часто расходятся с делом.

Уладив пограничные разногласия с Шотландией, король двинулся покорять валлийского правителя Оуайна Гвинед и с этой целью повел войска к замку Рудлан. От него давно не приходило вестей, но Алиенора была уверена в успехе мужа. В этот раз они расстались довольно мирно. Перед его отъездом супруги снова сблизились, вместе посетили мессу в

бenedиктинском аббатстве Сент-Эдмендс с его роскошным алтарем из кованого серебра с драгоценными камнями. После этого Генрих отправился в Уэльс, а Алиенора поехала в Оксфорд, где коротала время до рождения их четвертого ребенка. Она уловила беспокойство в вопросе Изабеллы и почувствовала легкое раздражение.

– Нельзя так опекать мужа, ты же ему не мать. Он в состоянии сам позаботиться о себе.

Изабелла изумленно взглянула на нее и смущенно потупилась:

– Какое-то время я была ему почти матерью.

Лицо Алиеноры выразило удивление, но она ничего не сказала – в иные минуты лучше промолчать.

Изабелла вздохнула и расправила плат под напрестольный крест, который расшивала шелковыми нитками.

– Мой отец однажды уехал на войну и не вернулся. Я не хочу так же скорбеть по мужу.

– Такова участь мужчин, их жизнь сопряжена с риском, надо смириться с этим, – отрезала Алиенора.

– Я знаю и пытаюсь уговаривать себя, но все же волнуюсь. Когда нас поженили, он был еще мальчиком. Я тоже была очень молода, но уже созрела для брака, а он еще нет. Мне приходилось утешать его и утирать его детские слезы. Поэтому я всегда относилась к нему по-матерински.

Алиенора колебалась: выразить ли подруге сочувствие или намекнуть, что той пора оторвать мужа от своей юбки. В конце концов сочла за лучшее проявить деликатность и прикоснулась к рукаву Изабеллы:

– Я не могу сказать тебе, когда он вернется. Это зависит от короля. Подумай лучше о том, что Гильом привезет с собой мешок грязного белья в стирку, по ночам станет стягивать на себя одеяло, – есть о чем горевать.

Изабелла изобразила бодрую улыбку.

– Я буду вспоминать ваши слова каждый раз, когда во мне проснется наседка; особенно про грязное белье, – заверила она Алиенору, но ее грустные глаза несколько не повеселели.

* * *

Плечи Амлена зудели, как будто с внутренней стороны кольчугу покрывали мелкие шипы и пронзали стеганный подлатник. Удушливая августовская жара пропекала все тело под доспехами, но пуще жары Амлена терзала тревога. Генрих с конным отрядом двинулся короткой дорогой через лес Кеннадлог, а основные войска и обозы с припасами отправил по берегу. В результате такого маневра он намеревался вынырнуть в тылу у Оуайна Гвинеда около Басингверка, окружить его и вынудить сдаться.

Проводники-валлийцы, недоброжелатели Оуайна, вели англичан нехоженными тропами, узкими и извилистыми. Томительный зной обременял всадников, словно лишний груз. Там, где деревья были повалены, проглядывало небо, темная лесная зелень разбивалась золотыми солнечными заплатами, и воздух становился свежее. Казалось, они попали в потусторонний мир, и хотя Амлен часто охотился в густом лесу, этот пейзаж выглядел неведомым и опасным.

Впереди Амлена размахивал хвостом гнедой конь Генриха, чтобы отогнать тучу гнуса. Пот сочился из кожи животного и пенился у поводьев. Коннетабль Эташ Фицджон скакал слева от Генриха, крепко держа поводья своего норовистого вороного жеребца. Фицджон был слеп на один глаз и все время ерзал в седле, рассматривая дорогу. Возглавлял отряд Генрих Эссекский с королевским штандартом в руках.

Гильом Булонский рядом с Амленом наклонился в седле и потер поврежденную ногу.

– Валлийцы в лесу как дома. – Он поморщился от боли. – Не то что я.

– Ты уже встречался с ними в бою? – Амлен промокнул потный лоб рукавом.

– Нет, но бывалые вояки рассказывали о них у костра, а приграничные бароны нанимают валлийских лучников и солдат для кортежа. У них нет больших городов, живут в деревнях, разводят скот и питаются мясом и молоком. Они не рвутся воевать, потому у них нет сильной армии. Зато они незаметно передвигаются по лесу, словно призраки, и стрелы их коварны, как тать в ночи.

Амлен подивился тому, как высокопарно выражается Гильом.

– Зато мы отважно обнажаем мечи при свете дня, – напористо возразил он. – Мы – грозная сила с выносливыми конями и неприступными стенами замков.

– Не спорю, но я бы предпочел находиться под защитой этих стен, потому что мы здесь чужаки, а валлийцам каждая кочка помогает.

Внезапный треск сучьев заставил всадников схватиться за оружие, но Генрих вдруг расхохотался и указал на двух спаривающихся в листьях ясеня голубей. Рыцари вздохнули с облегчением, успокоились, стали посмеиваться и обмениваться неловкими взглядами. Они все еще улыбались, когда в воздухе со свистом пронеслась стрела, вонзилась прямо Эсташу Фицджону в лицо и рассекла скулу, из которой фонтаном брызнула кровь. Дозорный, шедший впереди отряда, вскрикнул и упал с лошади; в груди его качалось древко другой стрелы. Прямо над ухом Гильома Булонского просвистел дротик и с глухим звуком впился в дерево, отчего конь Гильома вскинул голову и рванулся вперед.

Амлен дотянулся до щита и прикрыл им левое плечо. Вытаскивая меч из ножен, он почувствовал, как что-то звонкое дважды воткнулось в обтянутую парусиной доску. Повсюду уже гудели, как сердитые шершни, стрелы, сея гибель и сумятицу. В стремительной атаке валлийцы выскочили из засады, вооруженные метательными дротиками и длинными ножами, стараясь покалечить коней и стащить рыцарей на землю. Все больше и больше воинов, выкрикивая боевые кличи, спрыгивали с деревьев прямо в седла английских лошадей, и вскоре они уже роились всюду, как осы.

Амлен пытался прорваться к Генриху, но дорогу ему заступил валлиец, вооруженный круглым щитом и утыканной гвоздями дубинкой. Брат короля развернул своего жеребца и рубанул мечом. Его щит принял удар дубинки, и противник с воплем повалился на землю. Один есть, мрачно подумал Амлен и прищипорил коня, по пути обезвредив еще одного голоногого рычащего врага. Слева уже приближался другой валлиец, и Амлен повернулся, чтобы нанести удар, но тут подоспел Гильом Булонский и сразил противника метким ударом сплеча.

Неподалеку три валлийца, вооруженные дротиками, стащили с коня Эсташа Фицджона и пронзили копьями его горло и грудь. Генриха Эссекского нигде не было видно, но один из нападавших со свирепым ликованием размахивал английским штандартом. Амлену удалось наконец добраться до брата, чей гнедой конь истекал кровью. В следующее мгновение ноги животного подкосились. Король выбрался из седла и чудом избежал удара подскочившего к нему недруга. С белым как полотно лицом, забрызганным кровью, с сияющими ужасом и яростью глазами, Генрих загородился щитом и высоко поднял меч. Валлийцы, которые добились Фицджона, двинулись к Генриху, направляя на него алчущие расправы копья. Амлен пустил коня прямо на них, сбил одного с ног и растоптал; из-под копыт лошади в нос ударил тошнотворный запах свежей крови и раздавленных внутренностей. В это время Гильом Булонский расправился с другим нападавшим, а Генрих отразил удар третьего, вонзив меч ему под ребра. Амлен схватил поводья принадлежавшего Фицджону вороного и сунул их в руки Генриху. Король мгновенно вскочил в седло. Роджер де Клер отбил у врага штандарт и зычным голосом отдал приказ рыцарям сплотиться вокруг предводителя и стоять насмерть.

Завязалась еще более ожесточенная схватка, но вскоре израненные и уже порядком измотанные битвой англичане, действуя сообща, получили перевес и двинулись на валлийцев. Неприятель отступил к лесу и постепенно растаял в густой зелени.

– Стой! – проревел Генрих, когда один из рыцарей пустился за ними в погоню.

Гильом Булонский отвязал от седла охотничий рог и трижды коротко протрубил сигнал к прекращению боя. Они не станут преследовать противника. Нужно как можно скорее вернуться к основной армии. План внезапного нападения с тыла полетел ко всем чертям.

Тела мертвых товарищей быстро перебросили через спины оставшихся без всадников лошадей, и отряд двинулся по лесной дороге в обратном направлении. Амлен вел коня так близко к Генриху, как позволяла тропа, защищая короля щитом и своим телом. Не приведи Бог валлийцы снова соберутся с силами и последуют за ними в надежде уничтожить побольше непрошенных гостей, а чтобы попасть в цель, достаточно и одной стрелы.

Наконец всадники, щадя лошадей, замедлили шаг. Проводники первыми погибли при нападении, но дорогу указывали сломанные ветки и следы подкованных копыт на мягкой земле. Через час отряд въехал в подлесок, и запах влажной листвы смешался с морским воздухом. Внезапное движение где-то впереди между деревьями снова заставило путников положить руки на оружие – все опасались, что Оуайн Гвинед, в свою очередь, предпримет обходной маневр и возьмет англичан в кольцо. Но охотничий рог протрубил знакомые условные сигналы, и рыцари расслабленно откинулись в седлах. Гильом Булонский тремя зычными сигналами ответил на приветствие.

Мгновение спустя на тропе появились бойцы из отряда прикрытия, сопровождаемые Генрихом Эссекским со смешанным выражением ужаса, стыда и облегчения на лице.

– Благодарение Богу, вы живы, сир! – хрипло сказал он. – Я думал, вас убили. Я отправился за помощью!

– Как видишь, я действительно жив, несмотря на то что кое-кто бросил меня в бою, – холодно, сдерживая ярость, процедил Генрих. – Фицджон, и де Курси, и еще многие достойные рыцари погибли.

– Изменник! – сплюнул Роджер де Клер. – Ты спасал собственную шкуру, пока мы отражали нападение!

Кровь бросилась в лицо Генриха Эссекского.

– Это клевета! Я вернулся, чтобы поднять тревогу. Не смей называть меня изменником!

– Я буду называть тебя так, как сочту нужным! – Де Клер потянулся за мечом.

– Замолчите оба! – прогремел голос короля. – Не время препираться. Мы все еще в опасности. Надо скорее добраться до войск. Там разберемся.

Когда они выехали из леса на равнину и двинулись по ровной дороге, Амлен глубоко вздохнул, освобождаясь от напряжения. Позади него Гильом Булонский свесился в седле, и его стошнило.

– Простите, – виновато произнес он, вытирая рот. – Со мной всегда это происходит, когда опасность минует.

Амлен внимательно оглядел его, затем окинул взглядом остальных – как они?

– Но ты не сбежал, а сражался вместе с нами.

Гильом достал флягу с вином, чтобы прополоскать рот.

– Было и правда очень страшно. Но тот, кто бросает товарищей в беде, не мужчина.

Амлен одобительно кивнул:

– Ты прав. – Он никогда не горел желанием водить дружбу с младшим сыном короля Стефана, но уважал Гильома за то, что тот был честным малым и в трудных обстоятельствах сохранял присутствие духа. Не беда, что после сражения его трясет и выворачивает наизнанку, как молокососа.

Отряд помчался галопом, чтобы присоединиться к армии. Слева лес, справа море. В послеполуденной духоте не чувствовалось ни малейшего дуновения ветра, и Амлен никак не мог отделаться от запаха крови и смерти.

Глава 10

Дворец Бомонт, Оксфорд, сентябрь 1157 года

Приглушенный свет сентябрьского солнца проникал сквозь ставни в комнату и падал на кровать, где лежала роженица. Адская августовская жара спала, уступив место приятной теплой свежести; небо было голубым, как мантия Богоматери. Алиенора стойко переносила родовые муки, уповая на лучшее будущее. Все шло хорошо, и она заставила себя поверить, что трудности позади и появление на свет этого ребенка предвещает начало новой, счастливой жизни.

Показалась головка младенца, и после очередных интенсивных, но осторожных потуг за ней плавно вышло и все тельце. Повитуха положила розовенькое, с мокрыми золотыми волосиками дитя на живот матери, и новорожденный тут же закричал.

— Мальчик, — сказала повитуха, — прекрасный, здоровый мальчик.

Она взяла его на руки и вытерла полотенцем, а потом, улыбаясь, дала поддержать матери. Глядя в маленькое сморщенное личико, Алиенора почувствовала что-то вроде узнавания. Это чадо было знаком того, что Бог все-таки не покинул ее. В мир пришел наследник аквитанского престола, и теперь Алиенора может начать собственную игру.

— Ричард, — тихо произнесла она, ощущая поддержку и прилив сил. — Мой дорогой Ричард.

Младенец смотрел на мать так, будто уже знал свое имя, и сжимал и разжимал крошечные кулачки. Какой молодец, едва вылутился, а уже пытается что-нибудь ухватить!

Пока Ричарда омывали в медном тазу у очага, повитуха занялась Алиенорой. Потом ее вымыли и удобно уложили, а ребенка завернули в мягкие полотняные пеленки и голубое одеяльце. Алиенора была изнурена родами, но противилась сну. Она жаждала держать на руках новорожденного сына, потому что он был не только воплощенной надеждой на будущее, но и счастливым даром, способным исцелить прошлое.

* * *

Приехав вечером с охоты, Генрих узнал, что, пока он выслеживал со своим белым кречетом цапель и журавлей вдоль берега Темзы, у Алиеноры начались роды.

Он вернулся из Уэльса всего неделю назад — кампания заняла больше времени и потребовала больше денег и людских жертв, чем он предполагал. Однако понесенные в начале похода потери заставили его пересмотреть план вторжения. В итоге король предпринял новое наступление на валлийские земли и вынудил Оуайна Гвинеда принять его условия и присягнуть на верность. Пока между Англией и Уэльсом воцарился мир, хотя и непрочный.

— Как твой конь? — поинтересовался Генрих у Амлена, когда его брат вошел в зал, выдергивая репей из котты.

— Неплохо, — ответил Амлен. — Всего лишь растянул ногу, но не сильно. Как там дела?

— Пока неизвестно, — сказал Генрих с кислой улыбкой и покачал головой. — Разве ты не знаешь, что по неписаному закону мужчине всегда приходится ждать женщину?

Амлен налил себе кубок вина и сел на скамью, вытягивая ноги.

— А я считал, что этого требуют правила учтивости, а не закон.

— погоди, вот женишься, тогда узнаешь, закон это или просто учтивость. — Король оглянулся по сторонам. — А куда делся Томас?

– Возится со своей соколихой, – объяснил Амлен. – Она вспорхнула на дерево и чуть не улетела. Сказал, сейчас придет.

Генрих фыркнул:

– Я говорил ему, что птица еще не готова к охоте, но он и слушать не стал. Собирался сегодня запустить ее.

Открылась дверь, и вошла Эмма, лицо ее счастливо сияло.

– Сир, – сказала она, присев в реверансе, – у вас еще один сын, крепенький и рыже-волосый.

– Ха! – Генрих оторвал сестру от пола и запечатлел на ее губах звонкий поцелуй. – Отличная новость! – Его переполняла радость, гордость и облегчение. Рождение еще одного сына означало, что шрам, оставленный смертью Вилла, станет постепенно затягиваться. – А королева? Как она себя чувствует?

– Хорошо, – ответила Эмма. – Утомлена родами, но счастлива, что родился сын. И передает вам поздравления.

Генрих, широко улыбаясь, обернулся к придворным, собравшимся вокруг очага:

– Приготовьте к моему возвращению вина, будем праздновать!

На пороге появился припозднившийся канцлер.

– Томас, у меня родился еще один сын! Что ты на это скажешь?

Бекет просиял:

– Поздравляю, сир, это превосходная новость. Я подарю ему на крестины серебряный кубок. Как вы его наречете?

– Скажу, когда вернусь. – Генрих хлопнул канцлера по плечу. – Что там с твоей соколихой?

Бекет приуныл:

– Ее еще нужно приучать к охоте, сир.

– Ха, а я ведь предупреждал тебя: рано ее запускать.

– Впредь я буду прислушиваться к вашим советам, сир.

– Мужчина должен уважать того, кто лучше осведомлен, – и своего короля, – самодовольно улыбаясь, произнес Генрих. – Томас, тебе еще многому надо учиться. – Он снова покровительственно похлопал канцлера и направился в родильную комнату.

Алиенора сидела в кровати, великолепные золотые волосы рассыпались по плечам. Она выглядела усталой, как и сказала Эмма. В свете ясного сентябрьского дня у ее глаз были заметны легкие морщины, но королева все равно оставалась пленительна. Она смотрела на завернутого в мягкое голубое одеяльце ребенка с такой безмерной любовью и нежностью, что на Генриха нахлынул водопад чувств, в которых он не смог бы разобраться, но ему захотелось плакать. Он наклонился и поцеловал жену в губы, потом передал младенца повитухе, чтобы она развернула пеленки и показала ему сына во всей красе.

У малыша были рыжие, с бронзовым отливом волосы, совсем как у Генриха, и тончайшие золотые бровки. Крохотные кулачки напоминали нераскрывшиеся бутоны. Тельце его было соразмерным, не пухлым и не щупленьким.

– Что за чудо! – воскликнул Генрих и взял ребенка на руки, чтобы все находящиеся в комнате увидели, что сына он признал и очень счастлив.

– Я назову его Ричардом, – сообщила Алиенора тоном, не предполагающим возражений.

Генрих, услышав такую дерзость, нахмурил чело:

– Но почему?

– Он наследник Аквитании, потому это мое право выбрать ему имя. Он сам прославит его и озарит немеркнущим светом.

На мгновение Генрих задумался, но решил, что не стоит перечить жене.

– Раз ты так хочешь, пусть будет Ричард. Но следующего назовем Жоффруа – в честь моего отца.

– Следующего? – Ее глаза сверкнули негодованием. – Полагаю, детей у нас уже достаточно.

Генрих тихо засмеялся:

– Но ты изумительно справляешься с этим, любимая. Благодаря мне ты не просто королева, а основоположница династии, влиятельная дама. Я держу обещание, которое дал в день нашей свадьбы. – Он отдал Ричарда повитухе, чтобы та спеленала его. – Скоро вернусь. Сейчас я должен поднять тост за моего сына.

Генрих снова поцеловал жену и решительным шагом вышел из комнаты, как будто он владеет всем миром. И ведь пока именно так и есть. Алиенора была слегка раздосадована, но лукаво улыбалась. Волшебным образом ее семя смешалось с семенем Генриха, чтобы произвести на свет это замечательное маленькое существо, которое однажды станет превосходным сильным воином, принцем Аквитании.

* * *

Годиерна устроилась перед очагом на скамье со спинкой, подложила подушки под локти и принялась кормить двух малышей – одного с пушистыми медно-рыжими волосами, другого с мягкими каштановыми. Ричард присосался к правой груди, ее сын Александр – к левой. Комната наполнилась почмокиванием младенцев, что чрезвычайно веселило Алиенору.

– Храни Боже наши погреба, когда они примутся за вино, – пошутила она.

– По крайней мере, у меня есть оправдание, почему я так много ем, госпожа.

Алиенора засмеялась. Ричард был уже гораздо крупнее, чем его молочный брат, хотя и другой мальчик хорошо развивался. Будущий аквитанский герцог обещал вырасти высоким и статным мужчиной, сильным воителем, как отец Алиеноры и ее дядя Раймунд, князь Антиохии.

Алиенора повернулась к своей портнихе. Ей шили новое платье к рождественскому празднику, который в этом году решено было проводить в Линкольне. Алиенора и Генрих, с коронами на голове, будут сидеть во главе стола на празднестве, где соберутся все бароны и высшее духовенство. Она намеревалась выглядеть неподражаемо в элегантном шелковом платье, отороченном мехом и украшенном драгоценными камнями и золотыми подвесками. Королева мощной державы, простирающейся от границ Шотландии до подножия укрытых снегами Пиренеев.

После рождения Ричарда отношения между ней и Генрихом весьма улучшились. Алиенора прошла обряд воцерковления месяц назад, и супруги, к взаимному удовольствию, воссоединились в постели. Когда они оба были в Англии, она не особенно злилась на Генриха. Все же трон достался ему по праву рождения, и его главенство в управлении государством не сильно ее уязвляло. Сама Алиенора играла важную роль во взаимоотношениях с папской курией как дипломат и миротворец, а на континенте у нее свои обширные владения. За детьми ухаживали няньки и кормилицы, но ей приходилось приглядывать за этими женщинами, и даже когда обязанности отрывали ее от отпрысков, она часто навещала в детскую, внимательно наблюдая за тем, как растут сыновья и дочь.

Маленький Генрих, обаятельный добродушный мальчуган с густыми темно-золотистыми волосами и светлыми серо-голубыми глазами, недавно взял манеру, тыча пальцем себе в грудь, называться Гарри – так именovala его английская прислуга на своем языке. Это был шустрый, смывленный и невероятно любознательный ребенок. Он болтал без умолку, ежеминутно задавая тысячу вопросов. Куда деваается солнце ночью? Почему собаки виляют

хвостом? Как так, у его маленького братишки нет зубов? У него сложилось удивительное взаимопонимание с Изабеллой, которая чрезвычайно терпеливо относилась к его почему-кам, играла с ним, а когда он уставал, рассказывала сказки.

Гарри любил брата и сестру и все время порывался целовать их. Алиенора полагала, что с возрастом это пройдет, но пока в детской царил полнейший идилизм, конечно, если только Гарри не тормозил спящего Ричарда и не будил его. Алиенора была счастлива, что бастард Джеффри остался в Нормандии с бабушкой, но с ужасом ждала, как бы у нее в гнезде не появился какой-нибудь другой кукушонок. Сексуальный аппетит ее мужа ненасытен – Генрих удовлетворял его так же часто, как принимал пищу.

Алиенора рассматривала отрез ярко-красной шелковой материи, когда Генрих как ветер ворвался в комнату, подхватил на руки старшего наследника и принялся раскачивать его:

– Так-так, малыш, что у нас тут?

Гарри захихикал, обнажая два ряда прекрасных молочных зубов, и потянулся ручками наверх:

– Хочу твою шляпу!

Генрих снял свой голубой суконный боннет и шуточно напялил его на голову сына:

– На вот, теперь ты выглядишь просто чудесно, мой мальчик. Королевская мантия превосходно тебе подойдет. – Повернувшись к Алиеноре, он взглянул на переливающуюся красную ткань, небрежно брошенную на козлы. – Эта материя достойна королевы Англии!

С очаровательной улыбкой он схватил Алиенору за талию и провел ее в танце вокруг комнаты, держа на руках Гарри, чья голова скрылась под шляпой до самого носа. Алиенора счастливо рассмеялась:

– Что тебя так обрадовало?

Генрих поставил сына на пол и взял на руки маленькую Матильду. Покружившись вместе с ней, он поцеловал дочь и отдал ее няне.

– Я только что узнал, что жена Людовика родила девочку, – сказал он, осклабившись. – Судя по всему, мать выжила и ребенок здоров, но это подтверждает, что Людовик не в состоянии родить сына. Даже имея безропотную и покорную жену, он не может выполнить свое мужское предназначение.

Алиеноре стало жаль Людовика. Тот, должно быть, сходит с ума от беспокойства за судьбу короны. Эта весть заставила ее вспомнить о двух дочерях, которых ее принудили оставить во Франции, когда первый брак был расторгнут. Так получилось, что она их почти не знает, но ведь девочки – плоть от плоти ее. Каждую она вынашивала в своем чреве девять месяцев. Мария и Алиса росли в монастыре в ожидании возраста замужества. С детства они были обручены с Генрихом и Тибо, двумя братьями из могущественного дома графов Блуа и Шампани. Алиенора давно приучила себя не думать о дочерях, но неожиданно воспоминания вырвались из глубины души и застали ее врасплох.

– А как называли ребенка?

– Маргарита, – ответил Генрих, пожав плечами: какая разница?

– К святой Маргарите часто взывают женщины во время трудных родов, – задумчиво произнесла Алиенора. – Должно быть, это имя девочке дали в благодарность за благополучное разрешение от бремени.

– В таком случае несчастный Людовик вынужден выбирать из двух зол. То ли ему возлечь с женой, как только она будет воцерковлена, и попытаться зачать наследника, то ли дать ей время окрепнуть. Да и черт с ним. У Людовика нет ни одного сына, а у нас целых два. – Он обратил к ней похотливый взгляд. – А после вчерашней ночи, возможно, что и три.

С невеселой полуулыбкой повернулась Алиенора к отрезку красной материи. Она бы тоже не удивилась новой беременности. Муж не дал ей возможности прийти в себя после

родов и с тех пор, как несколько недель назад они возобновили любовные утехы, был просто неутомим.

Генрих забрал у сына шляпу, заткнул ее за пояс и отправился по своим делам. Алиенора со вздохом провела рукой по обвисшему животу. Никогда ей уже не быть такой стройной, как в юности. Временами она завидовала незамужним девушкам с узкой талией и высокой упругой грудью. Однако многократное материнство имеет свои преимущества – в лесу лучше быть опытной оленихой, чем доверчивой ланью, которая легко попадает в расставленные самцами ловушки и позволяет себя подстрелить.

Глава 11

Вустер, Пасха 1158 года

Генрих ненадолго вырвался из бешеного вихря своей жизни, чтобы побыть с Алиенорой в их покоях. Назавтра им предстояло принять участие в пасхальной службе в Вустерском соборе, а затем – в пиршестве. Мероприятия официальные, и они оба обязаны предстать в коронах.

Надежда Генриха на то, что Алиенора снова понесла, в ноябре не оправдалась, но она забеременела после рождественских праздников и накануне уже почувствовала, как шевелится во чреве ребенок. Когда родится новый малыш, Ричарду исполнится только год и Годиерна еще будет его кормить.

– Я тут подумал о традиции носить корону, – сказал Генрих. – Четыре раза в год. Церемонии утомляют, требуют расходов, а сколько эта штука весит... К чему все это – все и так знают, что я король.

Алиеноре очень нравились торжественные события, когда она надевала корону, но Генрих всегда был нетерпелив, скучал и проявлял беспокойство, притопывал ногами, барабанил пальцами.

– И что же ты предлагаешь?

– Чтобы мы оставили наши короны в алтаре собора на постоянное хранение и надевали их только по особым случаям. Надоело всякий раз возиться с ними. Корона для меня, а не я для короны.

По его тону Алиенора поняла, что супруг осуществит задуманное, не слушая никаких возражений. Он был твердо убежден в прочности своей власти, и монархические регалии для ее подтверждения ему не требовались, но ведь подданные хотели видеть его во всем блеске королевского величия.

– А что на это скажет твоя мать? Ты же знаешь, как она крепка в своих убеждениях. Вряд ли ей понравится, что ты пренебрегаешь торжественными мероприятиями и ношением короны, учитывая, сколько сил она положила на то, чтобы эта корона досталась тебе. Для нее это символ победы.

– Моя мать далеко от Англии, – пренебрежительно проронил Генрих, – и хотя я ценю ее советы, я не всегда следую им. Она правит по-своему, а я по-своему. И не нуждаюсь в побрякушках. Пускай другие красуются в шелках и мехах. Вот мой канцлер в этом мастак, он-то обожает подобные зрелища. И зачем лаять самому, если есть пес?

Алиенора промолчала. Генрих, очевидно, уже все решил, а значит возражать бессмысленно. Что же до Бекета, то тут он прав. Многие с недоумением взирали на канцлера, трагившего немислимые суммы на пышные туалеты, развлечения, охотничьих ястребов и борзых собак. А вот Генрих только забавлялся и всячески потакал его слабостям, как богатый покровитель, наблюдающий за изголодавшимся ребенком, который набивает рот за господским столом. Иногда король поддразнивал Бекета: то, едва вернувшись с охоты, весь мокрый от пота, ворвется в его столовую и бросит потрошеного зайца прямо ему в тарелку; то заставит канцлера подарить свой роскошный плащ уличному попрошайке. Однако при этом Генрих щедро вознаграждал Бекета, ибо весьма ценил его незаурядные идеи и изощренный ум, способствующий поступлению доходов в казну. И в конце концов, чего ради Генриху самому терпеть всю эту суету с церемониями, коли ему они досаждают, а его канцлеру доставляют удовольствие? Человек, способный быть снисходительным к слабостям своего подданного, воистину обладает величием.

* * *

Во время торжественной службы в Пасхальное воскресенье Генрих и Алиенора возложили свои церемониальные короны к высокому алтарю Вустерского собора. Желто-красные отблески свечей отражались в золоте и драгоценных камнях, как будто диадемы излучали силу монаршей власти. Король и королева стояли рука об руку. Трехлетний Гарри протянул руку к позолоченному серебряному венцу на своей голове; нижняя его губа дрожала, в глазах собрались слезы.

– Что случилось, малыш? – склонилась к нему Алиенора.

Мальчик гордо стоял рядом с родителями, олицетворяя их плодovitость и надежную преемственность династии, и вел себя идеально, но Алиенора знала, что маленькие дети непредсказуемы и могут в любой момент разразиться рыданиями. Королева бросала взгляды по сторонам, отыскивая глазами Годиерну.

– Я не хочу класть свою корону на алтарь, – отчетливо и настойчиво проговорил Гарри. – Она моя.

Алиенора слегка улыбнулась:

– Что ж, хорошо. Тебе и не придется. Лишь король и королева могут сделать это, а ты пока что только принц. – Она украдкой взглянула на Генриха, и оба едва заметно улыбнулись.

– Это хорошо, что ты понимаешь, что значит владеть чем-то, – отметил Генрих. – Но запомни мои слова, сынок: пройдет много времени, прежде чем ты станешь носить большую корону и узнаешь, как она тяжела.

* * *

Генрих вместе со своим канцлером уселись перед очагом, цедя вино и трепля уши дремлющей борзой. Они только что закончили играть в шахматы, оба удовлетворенные тем, что каждый из них выиграл и проиграл по одной партии, а значит ни один не обошел другого. Теперь, в конце этого весьма удачного дня, они обсуждали государственные дела и опустошали кувшин вина.

– Сегодня, когда я смотрел на вашего наследника с венцом на челе, ко мне пришла мысль, – проговорил Томас.

– Правда? – Генрих заинтересовался.

Канцлер сдвинул повыше рукава, как будто собирался приняться за дело. Рукава были оторочены черным соболем и расшиты жемчужинами и драгоценными камнями. Будь Бекет королем, он ни за что бы не положил корону на алтарь. Он бы брал ее с собой в постель, спал бы с ней, спрятав под подушкой, и демонстрировал при каждом удобном случае.

– Что теперь у тебя на уме?

– Я размышлял о малолетней принцессе Франции Маргарите. Что, если нам обручить детишек?

Генрих оживился и вскочил с места. Ему нравились их с Томасом полуночные беседы. Никогда не знаешь, что он выдаст в следующий момент. В искусстве строить хитроумные планы и проводить их в жизнь ему не сыскать равных.

– Ты говоришь о брачных узах между моим сыном и французской принцессой?

Томас отхлебнул вина из серебряного кубка:

– С помощью этой п-помолвки вы могли бы уладить разногласия относительно Вексена и поддерживать мир с Францией. Если Людовик так и не родит сына, то в свое время муж Маргариты станет чрезвычайно важной фигурой. Вы ничего не теряете, сир, в любом случае т-только выигрываете.

Генрих погрыз костяшку большого пальца и принялся в раздумьях мерить шагами комнату. Он представил, как его повзрослевший старший сын торжественно выезжает со свитой, а знаменосцы держат в руках штандарты Франции и Англии на длинных древках. Неожиданно тот случай в соборе, когда ребенок пожелал сохранить корону при себе, показался ему предвестием будущего величия.

– Затея в самом деле дальновидная, – кивнул он. – Но вот согласится ли Людовик?

– Сир, я не решился бы волновать вас пустой надеждой, не будь уверен в успехе. Если мы должным образом представим это предложение королю Франции, он увидит, что оно сулит взаимную выгоду. Его дочь будет королевой Англии, а внук сам сможет взойти на английский трон, так же как ваш – на французский.

Генрих удивленно поднял бровь, но рассмеялся:

– Нам придется взять Маргариту на воспитание при дворе и возвращать в наших традициях, чтобы из нее вышла настоящая англичанка.

– Сир, это само собой разумеется. Если мы успешно провернем это дело, то французскому королю не удастся выдать дочь за другого принца, который может в будущем навредить нашим интересам.

– Томас, я не глупец, – сердито оборвал канцлера Генрих. – План хорош. Приступай, полагаюсь на твой дар убеждения, но держи меня в курсе.

Бекет поклонился:

– Будет сделано, сир.

Король снова прошелся по комнате, потом повернулся к канцлеру:

– Но держи язык за зубами. Пока мы не будем уверены, что дело выгорит, нет необходимости ставить в известность королеву и интересоваться ее мнением.

Бекет ответил плутоватым взглядом:

– Прекрасно понимаю, сир. – Он поклонился.

– Другого я от тебя и не ждал.

Король похлопал Бекета по плечу, и тот удалился.

Потирая руки, Генрих послал одного из пажей привести новую девицу, которую он присмотрел недавно среди обретающихся при дворе потаскух. Когда она проплывала мимо, волосы ее колыхались, как поле зрелой пшеницы, и король приберег ее для себя в качестве вознаграждения за труды. Нынче ночью он сполна насладится сбором сладкого урожая с этого поля.

* * *

Алиенора стояла у окна с открытыми ставнями, подставляя лицо приятному ветру, проникающему с улицы в комнату. Был конец мая, но солнце палило, как в середине лета. Алиенора, на седьмом месяце беременности, вся промокла от пота и изнемогала от жары, хотя одета была только в льняную шемизу и легкое шелковое платье. До разрешения от родов оставалось еще два месяца. Думать об этом было невыносимо.

Вошел Варен, управляющий ее двором, поклонился и сообщил, что канцлер просит об аудиенции. Не отворачиваясь от окна, Алиенора прикрыла глаза и издала тяжелый вздох.

– Пригласи его, – помолчав, сказала она, собрала с силами и обернулась к Томасу Бекету, который появился на пороге.

Наряд его, как обычно, был безукоризненным – блио из превосходной материи с широкими рукавами, так что канцлер занимал вдвое больше места, чем требовалось его щуплому телу. Из-под рукавов и над воротом верхнего платья выглядывала белая льняная котта. На среднем пальце правой руки сверкал перстень с зеленым бериллом.

– Госпожа, – Бекет поклонился, – простите, что докучаю вам в такой жаркий день.

– Уверена, вы прибыли не для того, чтобы просто посплетничать, милорд канцлер. Чем могу помочь вам в отсутствие мужа?

Всем было известно, что Генриха нет в замке. На этот день намечалась королевская охота, но оказалось слишком жарко, и Алиенора подозревала, что супруг загонял в силки какую-нибудь смазливую дичь в женском обличье. Недавно Алиенора просила Томаса, чтобы в ее комнату принесли побольше ламп, но такие обыденные поручения всегда выполнялись слугами и личного присутствия канцлера не требовали.

– Госпожа, я здесь по очень щепетильному вопросу, который касается внешней политики и будущего королевства. – Бекет вынул из-за манжеты и протянул ей письмо: оно было открыто, но печать короля Франции все еще раскачивалась на шнурке.

– Что это такое?

Томас сцепил тонкие длинные пальцы:

– Госпожа, мы решили, что настал момент посвятить вас в это дело. Мы не поставили вас в известность прежде, потому что не были уверены в благополучном исходе предприятия.

Алиенора прочитала письмо раз, другой, но никак не могла взять в толк, что за нелепый вздор в нем содержится. Будто бы обсуждается предложение о браке между ее старшим сыном и полугодовалой дочерью Людовика Маргаритой. Людовик выражает желание обсудить сие предложение подробно и приглашает Генриха в Париж сговориться о помолвке и разрешить другие дипломатические вопросы.

Алиенору затрясло мелкой дрожью, и, ударив рукой по пергаменту, она воскликнула:

– Кому такое пришло в голову?! – (Мыслимо ли, чтобы дело подобного свойства было устроено без ее участия и зашло так далеко!) – Вы с королем обсуждали это, не посоветовавшись со мной, несмотря на то что речь идет о судьбе моего сына?

– Госпожа, вам нездоровилось в первые месяцы беременности, и было бы неосмотрительно беспокоить вас, тогда как французский король мог и отвергнуть наше предложение, – ровным голосом отвечивал Бекет.

– А вы полагаете, что теперь я нисколько не беспокоюсь? – Она снова ударила по пергаменту. – И легко смирюсь с тем, что вы действовали за моей спиной и поставили перед фактом, когда молчать уже невозможно?

Бекет умиротворяюще развел руками:

– Госпожа, мы сочли это за лучшее. У нас и в мыслях не было обманывать вас.

Глаза королевы сверкнули: она презирала его за этот угодливый тон. Алиенора знала, что это его идея. Канцлер всегда представлял Генриху каверзные планы, как драгоценные камни для ожерелья, и тот с восторгом хватал их и немедленно нанизывал на шнурок.

– Вы, видно, держите меня за слабоумную, милорд канцлер? Вы намеревались меня обмануть.

– Госпожа, уверяю вас, что это не так.

Нужно время, чтобы подумать, собраться с мыслями и понять, что делать. Алиенора сложила пергамент неисписанной стороной наружу.

– Я сообщу о своем решении позже, – произнесла она с королевским достоинством. – Можете идти.

Бекет прочистил горло и очертил носком башмака круг на полу.

– Госпожа, ответ уже отправлен. Я еду в Париж, чтобы начать переговоры, – с бесстрастной учтивостью произнес он. – Остальное вам расскажет король, когда вернется.

У Алиеноры потемнело в глазах. Ее оттеснили; ей намеренно ничего не говорили, потому что знали: она не согласится.

– Убирайтесь! – задыхаясь, процедила королева.

Повернувшись к канцлеру спиной, она подошла к оконной нише и села на скамью, обмахиваясь злополучным пергаментом. Бекет не попросил ее вернуть письмо. Он наверняка сделал копию.

Тот факт, что решение принято без согласования с ней, привел Алиенору в полное замешательство. Она словно отупела и ничего не воспринимала. И обратиться за помощью было не к кому.

Бекет между тем не спешил покинуть покои королевы. Канцлер переговаривался с писцом и собирал всяческие письма, на которые нужно ответить, словно ждал, что она смягчится и позовет его подойти, но она и не думала делать этого – его медоточивые речи вызывали у нее отвращение. Наконец все-таки удалился, бормоча, что скоро вернется, и она с блаженным облегчением закрыла глаза.

После пережитого потрясения Алиенора пала духом и пребывала в полном изнеможении. Она призвала своих дам. Королеве расчесали волосы и принесли лохань тепловатой воды – смыть обиду и отвращение от полученной новости, – помогли надеть свежее платье. Она не отрываясь смотрела на скомканный кусок пергамента. Ей ничего не стоило поднести его к пламени свечи и спалить дотла, но это письмо представляло собой веское доказательство вероломства и пренебрежения мужа.

– Убери это в мой ларец для драгоценностей, – подавив рвотные позывы, сказала Алиенора Изабелле и передала ей письмо.

– Я могу чем-нибудь помочь вам, госпожа? – заботливо осведомилась та.

Было бы легче разрыдаться, но все это не стоило ее слез.

– Нет, с этим я должна справиться сама. – Алиенора видела, как Изабелла аккуратно сложила пергамент и убрала в шкатулку, не запирая ее. Изабелла была надежна, как золото, – она даже украдкой не бросила взгляда на содержимое ларца. И все же Алиенора не могла рассказать ей, что произошло. – Но спасибо, что спросила.

Ароматная вода и смена платья освежили Алиенору и вернули ее в чувство, но она была все еще обескуражена и подавлена. Потягивая из кубка вино, королева расхаживала туда-сюда по комнате, обдумывая стратегию поведения и стараясь совладать с нарастающим горьким чувством: как мог Генрих так жестоко предать ее?

Ее размышления прервало появление короля – дверь широко распахнулась, и он решительным шагом вошел в комнату. Котта его запылилась, нос и щеки покраснели от солнца. Настороженный блеск в глазах свидетельствовал о том, что он уже знает о разговоре Алиеноры и Бекета.

Алиенора отпустила своих дам и подождала, когда последняя из них выйдет и упадет засов. Нарочитая непринужденность и беззаботность, с которой Генрих подошел и налил себе вина, распалила ярость Алиеноры.

– Что за дикая затея – поженить нашего сына и дочь Людовика? – без предисловий приступила она к мужу. – Ты даже не нашел нужным сообщить мне об этом, а предоставил эту честь своему канцлеру! Что за немыслимая трусость! – Она со злостью бросала слова ему в лицо. – Ты предал меня, пренебрег моим доверием. Как ты мог, Генрих, как ты мог?!

Он оторвал указательный палец от кубка в предупреждающем жесте:

– Тебе не следует злиться, это плохо для ребенка. Я молчал ради твоего же блага. Зачем было тебя волновать прежде времени? Лекари говорят, что неблагоприятно женщине, когда она тяжелая, заниматься политикой, иначе чрево ее начнет блуждать и она выкинет.

Алиенора почти захлебнулась гневом:

– Ты говорил, что не используешь меня, но ты всегда именно это и делаешь. Я для тебя всего лишь штрих в генеалогическом древе, а не человек. Свиноматка!

– Вот потому-то я и не посвящал тебя в свой замысел, – удовлетворенно приговорил он. – У тебя просто ум за разум заходит, когда ты носишь дитя.

– И ты хочешь, чтобы я примирилась с тем, что мой сын породнится с этим семейством? Женится на дочери моего бывшего мужа? Боже, Генрих, это не мне отказывает разум, а тебе!

Глаза ее горели исступлением.

– Этот союз – прекрасный способ достичь согласия с Францией. Породнившись с Людовиком, Англия сделается сильнее, проложит дорогу к миру и процветанию. Оставь прошлое позади и смотри в будущее. У Людовика нет возражений против брака наших детей. Ваше бывшее родство его, очевидно, не смущает.

– Кто знает, какой станет эта девочка? Она всего лишь младенец в колыбели.

Генрих бросил на нее язвительный взгляд:

– Кто вообще знает, каким станет будущий супруг? Брак – это всегда рискованное предприятие.

– Она приходится единокровной сестрой тем девочкам, которых я родила от Людовика. Боже милосердный, это же почти кровосмешение! – Тошнота подступила к ее горлу. Она рванулась в нужник, и там ее обильно вырвало.

– Я позову твоих дам, – без всякого участия произнес Генрих. – Предупреждал же: тебе станет плохо. И я был прав. Поверь, этот брак – хорошая идея, и я продолжу переговоры с Людовиком. Просто смиритесь с этим, госпожа королева, потому что у вас нет другого выбора.

Вот от чего ей было тошно: от сознания того, что она попала в ловушку, откуда не выбраться. Шесть лет назад по собственному желанию она вышла замуж за Генриха, сына императрицы, с надеждой на счастливое будущее, но все, что она получила, были осколки невыполненных обещаний, мишура с острыми краями.

Придворные дамы в тревоге обступили королеву. Алиенора отмахнулась от них и упала на кровать, приказав задержать полог, чтобы она могла подумать в одиночестве.

Совершенно очевидно, что повлиять на Генриха она никак не может. Он считает идею превосходной и мнения своего не изменит. Король заодно с Бекетом, а двор, конечно, примет их сторону, а не ее.

И все же именно она производит на свет наследников и следит за их воспитанием. Дети полностью в ее власти. Женщина, если она умна и прозорлива, может обрести силу с помощью своих сыновей и дочерей. Даже после того, как Гарри обручат с французской принцессой, он целиком останется под влиянием матери. Как терпеливый военачальник, она станет дожидаться благоприятного момента.

Глава 12

Вестминстер, весна 1158 года

– Мама, мама, смотри!

Весь сияя, Гарри вихрем ворвался в комнату. За ним не столь резво следовали отец и Томас Бекет. На плече Генриха сидела маленькая бурая обезьянка с цепью на шее. В ловкой кожистой руке она сжимала финик и деловито грызла заморский фрукт, поглядывая вокруг умными черными глазами из-под мохнатого лба.

Алиенора изумленно уставилась на животное, не зная, рассмеяться или разозлиться. Только обезьяны ей и не хватало. Придворные дамы принялись сюсюкать и глупо причмокивать.

– Как думаешь, подходящий подарок для Людовика? – спросил Генрих, весело усмехаясь. – Будет сидеть у него на плече и давать советы – обезьяны славятся своей мудростью.

– Его зовут Роберт! – с воодушевлением выкрикнул Гарри. – Я хочу оставить его себе!

– Ах нет, сын. – Генрих покачал указательным пальцем. – Это подарок королю Франции. Когда подрастешь, может, и тебе купим такого зверя.

Алиенора удивленно вскинула брови.

– В самом деле, великолепная идея, – процедила она. – А своих советчиков не хочешь заменить обезьянами? Они-то стоят всего несколько мешков миндаля и фиников. Существенная экономия.

Генрих осклабился:

– Томас, что скажешь? Что, если я заменю тебя обезьяной?

Бекет неприятно улыбнулся:

– Уверен, вы нашли бы это очень поучительным, сир.

Обезьянка уселась поудобнее на плече Генриха, обвила его шею хвостом и принялась старательно искать вшей в его волосах.

Алиенора расхохоталась:

– Да она еще более расторопна, чем вы, милорд канцлер. В это просто трудно поверить!

Генрих оторвал обезьяну от важного занятия, чем вызвал ее пронзительный визг, и отдал животное Бекету.

– У милорда Томаса очень-очень много обезьян! – возбужденно прокричал Гарри. Он наморщил лобик, подсчитывая. – Двенадцать! Пойдем посмотрим на них, мама, ну пойдем! – Сын дергал Алиенору за руку.

– Зачем же двенадцать? – Алиенора издевательски воззрилась на Томаса. – А одной что же, недостаточно?

Томас переглянулся с Генрихом и улыбнулся:

– По одной на каждую выючную лошадь с гостинцами для торжественного въезда в Париж, – объяснил он. – А потом их подарят избранным членам французского двора.

– Все это – чтобы показать Людовику, как много власти и богатства в моем распоряжении, – подхватил Генрих, – ну и позабавить французов. – Король одобрительно хлопнул канцлера по плечу таким же жестом, каким поощрил бы коня, успешно выполнившего трюки в манеже. – Томас необыкновенно изобретателен. У него есть не только мудрые обезьяны, но и попугай, читающий «Отче наш» на латыни, и два беркута. – Его глаза засияли весельем и гордостью. – Не говоря уже о своре отборных гончих, сторожевых собаках, а уж мехов, материи и мебели достаточно для убранства дворца.

– В казне что-нибудь осталось или ты все отдаешь французам? – язвительно поинтересовалась Алиенора.

Стыдно было представить, как Людовик, с его безупречным вкусом, отнесется к этому чрезвычайно помпезному и столь же вульгарному фарсу, но, возможно, вкусам обычных парижан это зрелище польстит. Сколько денег и стараний тратится на то, чтобы добиться союза, который она не одобряет. Эта мысль Алиенору угнетала.

Томас затейливо поклонился:

– Не беспокойтесь, госпожа, я не трачу больше, чем королевская казна может себе позволить.

– Отрадно слышать, – презрительно ответила Алиенора, но, чтобы повеселить Гарри и удовлетворить собственное любопытство, набросила плащ и отправилась вместе с сыном смотреть на плоды трудов Бекета.

Со стороны устроенного Томасом зверинца доносился оглушительный шум и немилосердный запах. Алиеноре пришлось прикрыть нос краем вимпла. Как и сказал Генрих, псарня кишела собаками. Черные и рыжевато-коричневые ищейки с грустными мордами, висячими ушами и низким глухим лаем. Длинношерстные гончие, привезенные с уэльских границ. Неугомонные, беспрерывно лающие терьеры, златошерстные мастифы, крупные и мускулистые, как львы, призванные охранять многочисленные повозки с горами подарков и всякой всячины. Гарри шел от загона к загону, от клетки к клетке, широко раскрывал глаза и на каждом шагу восхищенно вскрикивал.

Генрих взял руку Алиеноры:

– Все наши усилия окупятся, я обещаю.

– Как говорится, чем больше платишь, тем выше цена.

Он сердито взглянул на жену:

– Да забудь ты хоть на минуту о своей гордыне и подумай о будущем. Этот союз принесет нам земли Вексена, когда Гарри и Маргарита поженятся. Мир с Людовиком позволит отправить армию в Тулузу и вернуть область во владения Аквитании. Этот брак только средство для достижения цели.

Алиенора в отчаянии сомкнула губы. Слепому видно, что на самом деле цель всей этой показухи – удовлетворить страсть Томаса Бекета к шику и жажду Генриха перещеголять Людовика, раздавить его пышной демонстрацией своего богатства, которого француз лишен. Все равно что один кобель показывает свое превосходство, пуская струю выше, чем соперник. Однако, если в конце концов удастся подчинить Аквитании давно желанную Тулузу, что ж, может быть, игра и стоит свеч.

– Верь мне. – Генрих улыбнулся своей открытой улыбкой, которой, она знала, верить нельзя.

Взяв Гарри на руки, муж пошел в конюшню смотреть на лошадей, приготовленных Бекетом для парада.

Братья Генриха, Амлен и Вильгельм, были уже там и вместе с Джоном Фицгилбертом, одним из маршалов Генриха, оценивали животных. Фицгилберт был искусным наездником и по поручению Генриха помогал Бекету подобрать лошадей требуемой масти и качества. С ним были два его сына: серьезный сероглазый паренек лет шестнадцати и темноволосый отрок чуть помоложе. Младший уверенно оседлал гнедого иноходца, а Амлен в это время изучал зубы коня, определяя его возраст.

– Превосходное животное, – произнесла Алиенора, присоединяясь к собравшимся.

Мужчины почтительно поклонились.

– Это чтобы тянуть повозки, – объяснил королеве Амлен. – Канцлер требует пять упряжек из двух коней и чтобы все лошади были одной масти и размера.

– Он не просит невозможного, всего лишь чуда, – язвительно заметил Джон Фицгилберт.

– Ты знаком с барышниками и знаешь, где искать, милорд маршал, – вступился за Томаса Генрих. – Я верю в тебя. Ты поставлял моей матери лошадей и в более сложных обстоятельствах, когда она воевала за корону.

Фицгилберт поклонился.

– Я все еще могу быть вам полезен, сир, – сказал он с едкой улыбкой.

Алиенора была лишь поверхностно знакома с Джоном Фицгилбертом. В былые дни в его обязанности входило снабжать войска лошадьми, но теперь он служил по налоговому ведомству, преимущественно в Вестминстерском казначействе. Иногда он бывал при дворе, но видной роли при новом правлении не играл. Левую половину его лица покрывали плотные рубцы от ожога, глазница была пустой – память о том страшном дне во время войны между императрицей Матильдой и королем Стефаном, когда Фицгилберт оказался запертым в горящем аббатстве. Правая сторона свидетельствовала, что до увечья он был весьма привлекательным мужчиной с волевым и выразительным лицом. Теперь ему под пятьдесят, в светлых волосах серебрилась седина, но он был все еще высок и статен и всем своим видом внушал людям уважение и, несмотря на изуродованную щеку, вызывал неизменный интерес у женщин. Генрих относился к нему как к старому боевому коню, которого следует держать в узде, но тем не менее высоко ценил его деловые качества.

Гарри указал пальцем на гнедого жеребца:

– Хочу покататься!

– Оп-па! – Сидящий на коне юноша наклонился и протянул руку. – Вы можете сесть вместе со мной, сир.

Амлен посадил Гарри, и сын Фицгилберта бодро и уверенно подхватил принца и заботливо устроил его перед собой в седле.

– У Уильяма есть два младших брата, – пояснил маршал.

Пока взрослые беседовали, Уильям прокатил Гарри вокруг двора, пустив лошадь медленным шагом, затем передал ребенка няне и ловко спрыгнул с гнедого. Он нашел горбушку черствого хлеба, покормил коня с ладони, похлопывая его по шее. Алиеноре понравился отпрыск маршала: озорной и резвый мальчуган, но держится в рамках приличия.

Вдруг обезьянка, которую перед этим взял подержать Гарри, вскарабкалась по телу Уильяма вверх, вырвала у него из рук корку хлеба и уже собралась было улизнуть со своей добычей, но сын маршала оказался проворнее и схватил ее за цепь, удерживая воришку, хотя животное уже сунуло хлеб в рот.

– Нет. – Фицгилберт-старший нахмурился. – Предваряя твой вопрос: мы не заведем такую же у нас дома. Бог свидетель: мне хватает и ваших шалостей. Потом еще и ваша мать привяжется к ней, и тогда покоя мне не будет даже в собственной опочивальне.

Уильям приуныл и отдал обезьянку одному из слуг канцлера.

Королева и дамы собрали детей и вернулись на женскую половину замка, предоставив мужчин их делам. Бекетовский балаган, презрительно подумала Алиенора. Она взглянула на Гарри, который вприпрыжку шел рядом. Трудно представить, что он будет обручен в таком нежном возрасте с малюткой, еще лежащей в колыбели. Пока они повзрослеют, много воды утечет, но все же ей придется мириться с присутствием при дворе французской невестки, дочери ее бывшего мужа, единокровной сестры девочек, которых она родила от Людовика. Разве можно к этому притерпеться?

* * *

В назначенный день Томас Бекет выдвинулся из лондонского Тауэра со своей пышной кавалькадой и направился к Саутгемптонскому порту, где ждали шестьдесят шесть кораблей, готовых пересечь пролив.

Процессия была вдвое длиннее той, что сопровождала Генриха и Алиенору во время коронации. То событие произошло в середине зимы, теперь же стоял яркий солнечный апрель, природа нарядилась в свежее зеленое одеяние, легкий теплый ветер приподнимал края плащей и оборки вимплов. Телеги стучали и громыхали на дороге, увлекаемые совершенно одинаковыми гнедыми конями и нагруженные щедрыми дарами анжуйской империи.

Алиенора смотрела, как кавалькада проезжает мимо, и голова ее шла кругом, ибо она не в силах была постичь, к чему все это нарочитое великолепие. Конный поезд сопровождали толпы челяди, облаченной в наряды из дорогих тканей и мехов, которые обычно носит знать. Тут и там сверкали золото и серебро, драгоценные камни, складки шелка. Каким-то непостижимым образом Бекету удалось вышколить обезьян, и они важно восседали на спинах выючных лошадей, как маленькие жокеи на Смитфилдской конной ярмарке.

– Боже ты мой, да он же разорил Англию, – сказала Алиенора мужу. – Выжал из королевства все мало-мальски ценное до последней капли.

– Но дело-то стоящее. – Генрих довольно фыркнул. – Да и вообще, к чему нам все эти побрякушки?

Алиенора поджала губы. Она бы не отказалась от драгоценностей и хороших материй, не говоря уже о паре грациозных скакунов.

– Это послужит Людовику доказательством моей искренности. Я бы не ввязался в сию авантюру, не будь настроен серьезно относительно предложенного брака. Все продумано: как только Томас произведет на французов нужное впечатление, тут же появлюсь я.

– Ну, тебе с ним не сравниться, – ехидно процедила Алиенора.

– А я и не собираюсь... Это как съесть павлина на праздник. Сначала ты выставляешь напоказ яркие перья, привлекаешь к ним внимание и вызываешь всеобщее восхищение, а потом отбрасываешь их и лакомишься мясом, то есть приступаешь к сути дела. Томас и я – мы оба превосходные игроки.

«Да, ты определенно хороший игрок, – подумала Алиенора. – Возможно, даже слишком хороший, чтобы это пошло на благо тебе или кому-то еще».

* * *

Прошло три недели. Алиенора сидела в своей комнате с шитьем. Срок родов приближался; она поправляла подушки за спиной и так и этак, но никак не могла усесться удобно.

Генрих получил из Франции многообещающие новости. Бекета приняли с огромным воодушевлением. Люди выстроились по сторонам дороги и приветствовали процессию, выкрикивая восторженные слова и воздавая хвалу королю Англии, поскольку обильные дары в виде денег и снеди лились на них дождем.

– Надеюсь, брату Людовика понравился его хвостатый тезка, – с ухмылкой произнес Генрих.

Он играл с Гарри, который, как моллюск, прилип к его ноге, а отец пытался стряхнуть его без помощи рук. Но тщетно: наследник намертво вцепился в его ногу.

Даже Алиенора рассмеялась, когда представила Роберта де Дрё с обезьянкой на плече.

– Думаю, он сумеет переучить обезьяну и использовать ее в своих интересах.

– Томас подслушал разговор придворных: как, должно быть, велик король Англии, если снарядил посольство с такой роскошью.

– Видели бы они тебя сейчас, – насмешливо заметила Алиенора.

Генрих прыснул:

– Оседланным собственным сыном? Сдаюсь, ты выиграл! – Схватив Гарри за руки, он немного покачал его на ноге, чем вызвал восторженный визг ребенка, а потом посадил себе на плечи. – Победитель! – прокричал он и рысью промчался по комнате. – Томас пишет,

Людовик очень расположен к тому, чтобы устроить союз наших детей, и можно приступать к официальным переговорам. Теперь надо столкнуться об условиях, то есть чтобы область Вексен перешла к Англии как приданое невесты сразу после свадьбы. – Он перекувырнул Гарри и поставил его на пол.

Годовалый Ричард убежал от няни и бодро поковылял к папе: я тоже хочу играть. Генрих взял его на руки, и мальчик, привлеченный блеском золота и драгоценных камней, схватился за цепочку с распятием на шее отца. Генрих с трудом разжал маленькие пальчики и поставил сына на пол:

– Я ужасно люблю этого постреленка, но буду любить его еще больше, когда он подрастет.

Продолжая делать смотр своим отпрыскам, король внимательно взглянул на двухлетнюю Матильду, которая тихо и серьезно играла с соломенной куклой.

– Надеюсь, ты не собираешься обручить ее прямо сейчас? – насмешливо произнесла Алиенора.

– Нет, по крайней мере, пока не поступит выгодное предложение, – ответил Генрих с лукавым блеском в глазах. – Я...

Король обернулся: в комнату вошел капеллан Алиеноры, а за ним появился другой священник, явно с дороги – ряса его была забрызгана грязью, а глаза ввалились от усталости. Алиенора с тревогой узнала Робера, капеллана своего деверя.

– Сир, печальные вести из Бретани. – Робер упал на колено. – Я весьма сожалею, граф Нантский скончался от малярии. – Он протянул королю запечатанное письмо. – Ничего нельзя было поделать. Я находился у изголовья графа, когда душа его отлетела к Богу. Примите мои глубочайшие соболезнования.

Алиенора позвала няnek и велела им увести детей. Она очень удивилась, но не приняла эту новость близко к сердцу. Деверь ее всегда раздражал. После того как он был назначен в Нант и уехал от двора, она вздохнула спокойно, но такого поворота событий никак не ожидала. Жоффруа отличался отменным здоровьем.

– Мне очень жаль, Генрих, – лишь проронила она.

Рот короля искривился.

– Что еще можно было от него ожидать? Я нашел ему подходящее поприще, где он мог принести пользу семье, а ему вздумалось умирать. Брат вставлял мне палки в колеса до самой смерти, упокой Господи его душу. – Он дал знак капеллану подняться с колен. – Ты прибыл напрямик ко мне?

– Да, сир. – Небратские чувства Генриха привели Робера в крайнее замешательство. Он тяжело поднялся, морщась и с трудом разгибая суставы.

– А что сейчас происходит в Нанте?

– Не знаю, сир. Я отбыл немедленно, чтобы доставить вам весть.

– Ступай. – Генрих повел рукой, отпуская его. – Но далеко не уходи. Ты можешь мне понадобиться.

Когда капелланы вышли, король стал метаться по комнате, как лев в клетке.

– Знаешь, что теперь будет? – восклицал он. – Конан не преминет воспользоваться случаем и захватит Нант, а я не могу этого допустить. Придется обсудить положение с Людовиком, когда я буду во Франции, и подготовить план действий. – Он раздраженно зарычал. – Какого черта этот идиот решил сыграть в ящик, когда все шло так хорошо?! Я даже склонен думать, что он сделал это мне назло.

Алиенора внимательно взглянула на него. Своим безудержным возмущением супруг, как щитом, оборонялся от создавшегося опасного положения.

– Я все же думаю, он предпочел бы остаться в живых, – сказала она. – Ты злишься, потому что больше не можешь рассчитывать на него и политический ландшафт опять изменился.

Генрих бросил на супругу злобный взгляд, и Алиенора поняла, что задела мужа за живое.

– Я должен узнать обо всем в подробностях. Что происходит в Бретани и чем нам это грозит – вот единственное, что меня волнует. А печаль и рыдания ему все равно уже не помогут.

– Нет, но они могут помочь тебе.

– Брось ты эти бабьи сказки! – окрысился Генрих. – Что заставляет меня скорбеть, так это то, что мой брат уже не держит бразды правления в Бретани. Надеюсь, скоро придут гонцы с полезными сведениями, а не с соболезнованиями.

Алиенора сдержала раздражение и продолжала гнуть свою линию:

– Надо сообщить твоей матери.

Генрих ссутулился, как будто взвалил на плечи тяжелый груз.

– Я заеду к ней по пути во Францию.

– Матери больно терять сына, в каком бы возрасте он ни был, даже если они давно не поддерживали отношения, – мягко сказала Алиенора. – Он все равно плоть от плоти ее, и она носила его в чреве девять месяцев. – Она замолчала, пытаясь справиться с волнением, потому что, говоря это, вспомнила Вилла, так мало пожившего на свете. Генрих не поощрял упоминаний об этой потере. Она подошла и положила руки ему на плечи. – Даже если для тебя это не великое горе, я все равно тебе сочувствую.

Муж не ответил, однако посмотрел на ее руки и взял их в свои. Но вдруг прочистил горло, отпрянул и оставил ее, бормоча, что после такого известия ему необходимо заняться некоторыми делами.

Алиенора позвала писаря, глубоко вздохнула и начала сочинять письмо с соболезнованиями своей свекрови.

Глава 13

Сарум, Уилтшир, ноябрь 1158 года

Проливной дождь, не прекращавшийся два дня, превратил дороги в грязное месиво. Погода была промозглая, и Алиенора, закутанная в подбитую мехом накидку, продрогла до костей. Вместе со свитой она верхом ехала по слякотной тропе к королевскому дворцу в Саруме, расположенному на возвышенности, с которой в ясный день открывается вид на известковые холмы Уилтшира. Сейчас же все вокруг затянула серая хмарь, холодные капли дождя больно били в лицо, и всадникам приходилось разглядывать изрытую колеями дорогу через полуприкрытые веки.

Родившийся в сентябре сын Алиеноры Жоффруа путешествовал, лежа в прикрепленной к спине лошади корзине, заботливо завернутый в одеяла и овечьи шкуры. Его маленькое личико, с румяными, как наливные яблоки, щечками, было укрыто козырьком из вощенной парусины, и младенец с большим интересом глазел вокруг. Третьего сына, чье появление на свет внесло свой вклад в укрепление династии, назвали в честь отца Генриха, Жоффруа Красивого, графа Анжуйского. Он был тихим ребенком, и, хотя ему было всего два месяца от роду, Алиенора уже догадывалась, что сын вырастет мудрым, проницательным и склонным к раздумьям человеком.

Гонцы из Нормандии сообщали, что переговоры Генриха продвигаются благополучно. Они с Людовиком официально условились о помолвке Гарри и малолетней принцессы Маргариты. Людовик согласился передать Англии область Вексен вместе с тремя стратегическими крепостями в тот день, когда дети поженятся, а до того времени эти замки будут находиться в распоряжении тамплиеров.

Размышляя об этом в пути, Алиенора морщилась не только из-за докучавшего ей дождя. Людовик настаивал на том, чтобы Алиенора не принимала участия в воспитании Маргариты и девочка росла где-нибудь подальше от нее. Интересно, какое пагубное влияние, по его мнению, она могла оказать на малышку? Объяснить ей, что мужчины – бессовестные обманщики, которым ничего не стоит предать тебя не моргнув глазом? Генрих без возражений согласился на это условие, что Алиенору, конечно же, ничуть не удивило. Погоди, дорогой, еще не вечер. У меня есть Гарри, Ричард, а теперь еще и Жоффруа, и их-то пестовать мне никто не запретит. Если она справится со своей задачей, доверие между ней и детьми будет только укрепляться. А когда Гарри и Маргарита поженятся, Людовик уже не сможет оградить дочь от ее, Алиеноры, влияния, вот тогда посмотрим, кто кого обыграет.

Еще гонцы принесли весть, что все перипетии в Бретани разрешились наилучшим образом. Герцог Конан, претендовавший на нантский престол после смерти Жоффруа, отказался от всех притязаний, как только узнал, что Генрих при поддержке французского короля ведет против него войско. Конан присягнул Генриху на верность и стал его вассалом, сохранив свои земли.

Судя по письму, которое получила Алиенора, Генрих и Людовик крепко сдружились за время переговоров – настолько, что даже посетили вместе аббатство Мон-Сен-Мишель и провели ночь в молитвах. Таким образом, дипломатические отношения двух стран сделались лучше некуда. Однако, хотя мир между Англией и Францией представлялся очень важным для дальнейших политических устремлений Генриха, Алиенора почему-то с большим сомнением относилась к этому подозрительному согласию между ее нынешним мужем и бывшим. Не было ли все это очередной уловкой со стороны Генриха? Чутье подсказывало, что всей правды ей не говорят и что оба короля задумали какой-то хитроумный маневр.

Впереди во мраке проступили беленые стены и башни Солсбери, и до королевской свиты донесся запах дыма из зажженных очагов. Алиенора возблагодарила Бога: скоро они окажутся в теплом и сухом месте. Уже несколько миль вокруг не было видно ничего, кроме сырой травы, промокших овец и стены дождя, и ей казалось, что она едет куда-то на край света.

Порывы ветра усилились, когда они стали подниматься по пологому склону к укрепленному дворцу. Наверху дождь перемежался со снегом. Младенец, который до этого вел себя тише воды ниже травы, начал похныкивать в своей корзинке, за ним заплакал Ричард, и Годиерна принялась успокаивать его. Алиенора совсем озябла. Ей послышалось, как кто-то сказал: «Забывшее Богом место». Но почему? Белостенный замок светился в ноябрьских сумерках, колокола собора звонили к вечерне. Лошади процокали под въездными воротами. Во внутреннем дворе слуги уже ждали, чтобы принять коня королевы и проводить ее в покои. Яркий пылающий в очаге огонь создавал уют и хорошо обогревал зал. На покрытом чистой белой скатертью столе уже ждали кувшины с горячим, сдобренным пряностями вином, деревянные миски с дымящейся мясной похлебкой и свежий хлеб, чтобы путешественники могли утолить голод. Кормилица Жоффруа Эдит устроилась на скамье и дала ребенку грудь, Годиерна принялась кормить Ричарда; мальчик уже не нуждался в грудном молоке, но Годиерна все еще баловала его.

Завернувшись в меховую шубу, прихлебывая вино со специями, Алиенора протягивала руки к огню и чувствовала, как блаженное тепло проникает в каждую клеточку ее тела. Кипа требующих рассмотрения бумаг дожидалась на столе, но она займется ими позже, когда переведет дух.

Ткани, за которыми королева посылала в Винчестер, уже доставили, и из них предстояло сшить зимние наряды для рождественского приема в Шербуре. Здесь были отрезки красной шерсти, плотной и тяжелой, узорчатый дамаст из Италии и белое полотно для нижних сорочек из города Камбре. Алиенора с удовольствием щупала материю – ей нравились глубокие цвета и гладкая фактура. Хорошо хоть ткани можно получить, просто щелкнув пальцами. Она богата, у нее есть слуги, которые выполняют ее распоряжения и заботятся о ее комфорте.

Алиенора приказала позвать музыкантов, чтобы те развлекли ее приятными мелодиями и пением. Ладан ароматными серебристыми струями поднимался от небольших жаровен, и от горячего воздуха, исходившего от очага, пальцы ее покалывало.

Она сама как эта крепость на одиноком, продуваемом всеми ветрами холме. Внутри одна действительность, снаружи – другая. Завывающий за окном ветер словно отгораживает от внешнего мира, и она выброшена на обочину жизни, за тридевять земель от Аквитании.

* * *

Сидя у другого очага, в Руане, Генрих вытянул ноги к догорающим углям и с любопытством воззрелся на короля Франции. Людовик заинтриговал его. На первый взгляд он казался кротким и легко шел на уступки; однако было в его поведении нечто странное, что-то, чего Генрих никак не мог ухватить: при всей его внешней податливости создавалось впечатление, что в глубине его натуры таится тончайшее, острое как игла жало. Они опустошили кувшин вина за игрой в шахматы, где каждый выиграл по одной партии. Третью по взаимному согласию начинать не стали – это было бы недипломатично. Говорили о женщинах, и разговор волей-неволей то и дело возвращался к Алиеноре, которая пятнадцать лет прожила в браке с Людовиком. За это время она подарила ему лишь двух дочерей, меж тем как за шесть лет брака с Генрихом родила уже четверых сыновей и дочь. Ни один из себе-

седников сего факта не упоминал, но оба об этом думали, что вносило в общение некоторую неловкость.

– Алиенора всегда была себе на уме. – Людовик опер подбородок на сложенные домиком кисти с длинными бледными пальцами. – У нее не было доверенных лиц при дворе. Ей следовало бы хоть иногда делиться со мной своими мыслями, но женщины вечно так делают: шепчутся по углам, а главное оставляют при себе. Алиенора никогда не была откровенна со мной, и напрасно. – Людовик постучал по стенке кубка. – Она всегда казалась чересчур своенравной, и потому я не доверял ей.

Генрих не ответил. Он внимательно выслушал все, что сказал француз, но не собирався выражать согласие и изливать душу; французскому королю не обязательно знать лишнее; несмотря на их нынешние дружеские отношения, они все же остаются соперниками. К тому же Людовик, возможно, слегка преувеличивает, чтобы посеять между супругами рознь. Будь Генрих на его месте, он поступил бы именно так. Он-то знает, как укротить Алиенору; в отличие от Людовика, он не дурак и не клюет на женские уловки.

– Думаю, мы друг друга понимаем, – туманно произнес он.

– Вот и замечательно, – с удовлетворением кивнул Людовик. – Я просто хотел вас предостеречь.

* * *

В конце декабря анжуйский двор собрался в Шербуре, чтобы отпраздновать Рождество. В канун дня солнцеворота выпал снег, и земля укрылась ослепительно-белым одеялом, серебристо посверкивающим на солнце. Небо сияло чистой зимней голубизной, стоял мороз. Вода в бочках замерзла; длинные острые сосульки свисали с карнизов и сточных желобов; по большим дорогам и маленьким тропинкам разбросали солому и рассыпали золу. Краснощекие ребятишки весело катались с обледенелых горок и играли в снежки, а те, кто постарше, прикрепляли кости волов к подошвам башмаков и катались по замерзшему пруду. Старики же осторожно ступали по скользкой дороге, держа в каждой руке по палке, и устало вздыхали: скорей бы оттепель.

Генрих был счастлив, когда за два дня до Рождества приехала из Англии Алиенора с детьми. Новорожденный сын совершенно его очаровал.

– Что за чудесный малыш! – Генрих пощекотал ребенка под подбородком и одобрительно улыбнулся жене. – Вы просто прелесть, госпожа супруга. Произвели на свет еще одного продолжателя династии.

Алиенора склонила голову, с достоинством принимая похвалу, ибо находилась на людях. В пути она заоченела от холода и мечтала о теплой комнате и горячей пище. Но пренебречь правилами этикета и надлежащими ритуалами было невозможно.

Генрих повернулся к Гарри, закутанному в теплые меха, с пунцовыми от мороза щеками.

– А вот и наш женишок! – Отец погладил мальчика по голове. – Покажись-ка, как ты вырос. Ого! Да ты скоро будешь мне по пояс!

Гарри надулся от важности. При упоминании брака Алиенора недовольно скривила губы.

Генрих подхватил и поцеловал Матильду, затем вертящегося на руках у Годиерны Ричарда. Потом снова обернулся к жене.

– Ты, должно быть, смертельно устала и продрогла, – участливо произнес он. – Я пекусь о тебе, хотя ты так и не думаешь. Приказал приготовить покои и принести что-нибудь поесть.

Алиенора удивленно взглянула на него и чуть было не спросила: и что от меня за это потребуется? Но решила верить ему на слово. Разве он не может просто проявить заботу? Они не виделись почти год, и, если супруг желает освежить их отношения, не стоит противиться.

– Спасибо. – Она одарила его искренней улыбкой, и муж ответил тем же.

Покои и правда оказались уютными: ставни занавешены плотными шторами, пылающий очаг и свечи озаряют комнату теплым мерцающим светом, воздух наполнен ее любимым чувственным ароматом лампадного масла. Она заметила на сундуке две новые книги и, прежде чем подойти и посмотреть их, с благодарностью взглянула на Генриха. Одна была в переплете, украшенном пластинами слоновой кости и мелкими драгоценными камнями.

– Я подумал, тебе захочется что-нибудь почитать, – сказал Генрих. – Мне очень понравились сочинения Гальфрида Монмутского, а другая книга – песнопения на окситанском языке. Потом расскажешь, угодил ли я тебе.

Алиенора была польщена, но подозрения все еще не покидали ее. Что, если он просто хочет умиловить ее, памятуя, как она возражала против брака Гарри? Раз так, то ничего не выйдет, но хотя бы можно насладиться плодами его усилий. Однако она хорошо знает Генриха: у него наверняка есть какой-то хитрый умысел.

Еду и питье слуги расставили на столе перед очагом. Здесь был хлеб, сыр разных сортов, финики и ореховые печенья, посыпанные сахаром, ватрушки и похлебка с крошеным хлебом для детей.

Генрих сел отобедать с ними. Для Алиеноры это был блаженный момент семейного согласия, выхваченный из тревожных и хлопотных будней королевы, обремененной государственными делами, тем более ценный, что это так не похоже на Генриха. Обычно заставить его спокойно посидеть с семьей за столом было задачей непосильной.

Наконец, насытившись и согревшись, она задремала у очага, время от времени просыпаясь и прихлебывая сладкого пряного вина. Меж тем Генрих рассказывал детям о короле Вацлаве и о могущественных и благочестивых владыках древности. Матильда забралась к отцу на колени и свернулась калачиком, как котенок, положив ручки под щеку. Улыбаясь, Генрих погладил ее по спине и взглянул на Алиенору поверх пламени очага.

Пришли няньки и увели детей, оставив родителей одних. Алиенора была утомлена путешествием, но сквозь дремоту подалась к Генриху, когда он подсел рядом и приобнял ее.

– Ты простила меня? – Супруг уткнулся носом в ее шею.

Она развернулась к нему лицом и ощутила его мужскую силу.

– Почему ты думаешь, что я прощу тебя за то, что ты действовал у меня за спиной и обручил нашего сына с дочерью моего бывшего мужа? – строго спросила Алиенора.

Генрих ущипнул ее за мочку уха и обвинил рукой ее бедра:

– Что, если на следующее Рождество я подарю тебе Тулузу? Тогда ты простишь меня?

От слова «Тулуза» она загорелась, как стог сена от случайной искры, и, чрезвычайно оживившись, выпрямилась в его руках.

– Да-да, – произнес он, широко улыбаясь. – С тех пор как я заключил мир с Людовиком, у меня появилась возможность вернуть Тулузу и вставить ее, как драгоценный камень, в нашу корону. К лету я соберу войско. Томас уже получил распоряжения. Это будет величайшая армия, не хуже той, что Людовик повел на Антиохию, когда я еще был ребенком.

При этих словах Алиенора затрепетала. Она тоже участвовала в том походе, со всей его жестокостью, всем его тщеславием и понесенным в конце концов горьким поражением. И возненавидела своего первого мужа именно во время этой бесславной кампании.

– Будем надеяться, что ты преуспеешь больше, чем он.

– Ах, ну почему надо обязательно ехидничать? – запротестовал Генрих. – Дареному коню в зубы не смотрят. Так ты не ответила на мой вопрос.

Алиенора обвила руками его шею и приблизила свои губы вплотную к его рту.

– За Тулузу я бы простила тебе почти все на свете, – прошептала она.

– Почти? – Он взял ее на руки и понес на кровать.

– Я много раз говорила, Генрих, не смей пренебрегать мной и не обещай мне Тулузу, когда ты не собираешься выполнять обещание.

– Верь мне, – отвечал он, снимая котту и нижнюю рубашку и обнажая мускулистый торс. Золотисто-каштановые волосы крестообразно покрывали грудь и струились вниз, переходя в паху в густые заросли. – Я тебя не разочарую.

Алиенора страстно устремилась ему навстречу и с наслаждением отдалась его жарким ласкам. После долгой разлуки вожеление разгорелось в ней с невероятной силой, но, даже пылко отвечая на его любовь, она не верила ему ни на йоту.

Глава 14

Пуатье, середина лета 1159 года

Ранний утренний свет лился через открытые ставни и достигал изножья кровати, ярко освещая часть расшитого полотняного покрывала. Повернувшись к Алиеноре, Генрих поцеловал ее в шею и провел рукой по ее нагим бедрам и боку. Она пробудилась и сонно взглянула на мужа. Его веснушчатая кожа загорела на лице и на руках там, где они были открыты солнцу, – свидетельство долгого пребывания в седле, – но остальное тело было цвета парного молока. Ее волосы роскошным каскадом упали ему на руку. С недавних пор она стала замечать среди золота случайные жесткие нити серебра и безжалостно вырывала их, чтобы они не нарушали янтарного великолепия.

Генрих сжал ладонью ее грудь и поцеловал в губы, обведя их языком, но это была не любовная прелюдия, а поцелуй на прощание. Затем он со вздохом сел на кровати:

– Я так же сильно хочу остаться с тобой, как и завоевать город в твою честь, и войско ожидает моей команды. Держу пари, что мой канцлер уже мечется по комнате, протирая подошвы своих сапог. – Он ухмыльнулся. – Кажется, идея стать солдатом захватила воображение Томаса.

Алиенора зевнула и потянулась:

– Бекет в чем-то похож на тебя.

– Ха! Почему ты так говоришь?

– Он наслаждается властью; ему нравится возвышаться над людьми, повелевать ими.

– Томас не повелевает мной, – резко сказал Генрих. – Он мой канцлер и делает, что ему приказано. Я наделил его высокими полномочиями, но король – я, и я один правлю миром.

Алиенора спохватилась, что задела болезненное место.

– Бекет мнит себя королем по доверенности, – ответила она. – Подчеркивает свою значимость, швыряясь деньгами и окружая себя роскошью. Закатывает шикарные пиры; даже его повседневная котта отделана серебром. Полагает, что именно так и поступают короли. Надеется, если укроет позолоченным покровом низкое происхождение, люди забудут, откуда он вылез в канцлеры. Но все, конечно, об этом помнят, потому что своей безудержной расточительностью Бекет постоянно об этом напоминает.

– Но на меня это не похоже, – не согласился Генрих. Встав с кровати, он натянул брэ и прикрепил пояс для чулок. – Никогда не любил всякую мишуру. Я даже положил свою корону на алтарь Вустерского собора, чтобы не таскать эту тяжелую штуку на голове четыре раза в год. Сделай одолжение, оставь Томаса в покое, пусть себе носит свои шелка в мою честь, потому что мне на это наплевать. Если он и стремится подчеркнуть свою значимость, что из того? – Он упер руки в боки. – Я все равно король, хоть здесь без шосссов, хоть на приеме в горностаевой мантии. А он все равно мой слуга.

Алиенора собрала волосы и откинула их назад.

– Все так, но иногда ты очень уж рьяно претворяешь его затеи в жизнь.

– Но заметь, только я решаю, делать это или нет. – Генрих снова поцеловал жену и с задумчивым выражением лица вышел из комнаты.

* * *

Армия, двинувшаяся на Тулузу, по размерам была сравнима с теми, что отправлялись в Крестовый поход. Под началом Томаса Бекета собрали семь тысяч рыцарей. Он сменил

сутану на кольчугу, у левого бедра висели вычурные ножны, из которых гордо выступала отделанная красной кожей рукоять изящного меча. С тем же воодушевлением, с которым в прошлом году он устроил парад в Париже по случаю обручения наследников двух престолов, он взимал налоги с Англии и Нормандии, чтобы покрыть военные расходы.

Алиенора, хотя и предостерегала Генриха насчет канцлера, успехами его на государственном поприще была весьма довольна. Тщеславие ее разыгралось, как никогда, после того как Томас собрал огромную сумму – девять тысяч фунтов стерлингов – на нужды кампании, и предчувствие успеха вскружило ей голову. Тулуза не устоит против такого грандиозного натиска. Если Алиенора, подобно своим предкам, торжественно воссядет на троне в большом зале Нарбоннского замка и станет вершить правосудие как хозяйка этих земель, вот тогда можно будет сказать, что превратности судьбы были не напрасны, и все в мире наконец встанет на свои места.

* * *

В других покоях замка Изабелла де Варенн прощалась с мужем, уезжавшим на войну. Армия, направлявшаяся на осаду Тулузы, в полном снаряжении ратным строем покидала Пуатье, к великому облегчению горожан и их жен. Изабелла редко видела Гильома в доспехах – он предпочитал надевать их только на поле битвы – и почувствовала одновременно и страх, и гордость за мужа, красовавшегося в кольчуге и шелковом сюрко в желто-голубую клетку, с мечом на поясе. Недавно они провели ночь как супруги, и она молилась о том, чтобы на этот раз ей удалось зачать.

– Выглядишь внушительно, – сказала Изабелла и коснулась его руки, покрытой жесткими стальными кольцами.

Он принужденно, тревожно улыбнулся ей:

– Я сопрею. Надеюсь, скоро все это можно будет снять. Мы еще даже не тронулись, а я уже мечтаю только о том, чтобы эта кампания как можно быстрее закончилась.

Изабелла вздрогнула:

– Я тоже.

– Конечно. – Он опустил глаза, опущенные густыми темными ресницами.

У Изабеллы занялось сердце. Она бы так хотела разгладить хмурую складку между его бровями и избавить супруга от участия в этом походе.

– Я буду скучать. Береги себя. А когда вы одержите победу, я приеду к тебе в Тулузу.

– Сегодня мне приснился странный сон. – Указательным пальцем он слегка ослабил тесьму на капюшоне кольчуги. – Я знал, что ты рядом, прикасался к тебе, чувствовал запах твоей кожи, хотя не видел тебя и не мог нигде найти. А когда проснулся, оказалось, что ты склонилась надо мной и твои волосы щекожут мне щеку.

– Я с тобой, – успокаивала она его. – Я всегда буду с тобой.

Он обнял ее и снова поцеловал, крепко, почти отчаянно. Когда же отпустил ее, она нетвердо встала на ноги, тронутая и ошеломленная его страстностью. Изабелла все еще не пришла в себя, когда он двинулся к двери, приостановился на пороге, бросил на нее прощальный взгляд через плечо и устремился по лестнице во двор.

Изабелла подошла к оконной арке, его поцелуй все еще пылал на ее губах, живот свело судорогой. Она ненавидела минуту разлуки, поскольку хорошо помнила, как отец садился на коня, чтобы присоединиться к королю Людовику в походе на Святую землю. И не вернулся. У него даже нет могилы. Кости его лежат где-то, брошенные гнить на склоне высокого холма в Анталии, где его настигла турецкая сабля. Он тоже был вооружен до зубов и так же бросил на прощание взгляд через плечо. Мужчины всегда уходят на войну. Будь она проклята!

* * *

Летним утром Генрих выдвинулся в Тулузу в составе бравого отряда, возглавлявшего длинную колонну рыцарей в доспехах; знаменосцы торжественно несли развевающиеся стяги. Горожане провожали войско на ратные подвиги: люди столпились вдоль дороги, свешивались с балконов и галерей под крышами. Они бросали уходившим цветы и выкрикивали ободряющие возгласы. Другие раздавали воинам еду – хлеб, головы сыра, копченые колбаски. Алиенора с гордостью смотрела на Генриха: величественно восседая на гарцующем белом жеребце, он выглядел героем-победителем, хотя еще даже не покинул стен Пуатье.

Гарри стоял рядом с матерью, с короной на голове, и просто сиял, наблюдая за величественным военным парадом. Двухгодовалого Ричарда держала Годиерна, и мальчик энергично махал отцу руками и громко кричал.

– Когда ты снова увидишь папу, Тулуза будет нашей, – сказала Алиенора сыну.

– А когда? – поинтересовался Гарри.

– Скоро, дорогой, – ответила Алиенора, глубоко вздохнув. Ею владело сильное воодушевление и столь же сильная тревога. – Очень скоро.

* * *

Ближе к вечеру воцарилось безветрие, и от душного зноя некуда было деваться. Зарницы окрашивали облака в неестественный белесовато-лиловый цвет. Еще с полудня слышались раскаты грома, но дождь прошел стороной и не дал отдохновения от жары. Воины Генриха разбивали лагерь вблизи стен Тулузы, над которой тоже сверкали жутковатые вспышки.

Перед грозой воздух сделался тяжелым, и у Амлена адски болела голова. Он провел долгий изнурительный день в седле под палящим солнцем, рубашка и котта насквозь пропитались потом. Комары атаковали его влажную кожу, и он прихлопывал их тыльной стороной ладони.

Генрих, широко расставив ноги и заложив руки за ремень, глядел на город. Его загорелое лицо было неподвижным и решительным. Рядом стоял Бекет, изучая крепостные стены острым взглядом ястреба, нацелившегося на добычу.

Пока все шло благополучно, хотя и не совсем по плану. Надежды на то, что Раймунд Тулузский устрашится надвигающейся на его владения несметной армии и сдастся, не оправдались. Вместо этого он заартачился и игнорировал все угрозы, требования и дипломатические предложения. Генрих не отступал. В назидание упрямому графу был разграблен и сожжен город Каор, но Раймунд лишь укрепил стены Тулузы и пополнил запасы продовольствия.

Людовик выразил готовность посредничать, но Генрих отверг его помощь, зная, что единственное желание французского короля – не допустить нападения на Тулузу. Сестра Людовика Констанция была женой Раймунда, и у него имелся в этом графстве свой законный интерес. Людовик и сам двадцать лет назад, когда женился на Алиеноре, безуспешно пытался захватить Тулузу и, таким образом, нынче находился в весьма двусмысленном положении.

– Что же, милорды, – сказал Генрих, – это крепкий орешек.

Поморщившись, Амлен вытер шею влажной тряпицей. Припасы доставлялись в Тулузу по реке, стены растянулись на много миль, а значит, чтобы окружить город, потребуются масштабные действия. Хотя у Генриха и имелась внушительная армия, он был ограничен во времени. Несмотря на всю собранную провизию и прочее снабжение, денег хватало

только на то, чтобы заплатить наемникам за три месяца. Когда деньги закончатся, закончится и кампания.

– Но расколоть его можно, – молодцевато ответил Бекет. – Мы п-пришли сюда в надежде, что граф Раймунд п-пойдет на уступки, но и к б-битве б-были готовы.

Амлен с любопытством взглянул на Томаса. Всю кампанию от начала до конца организовал канцлер, и теперь его репутация зависела от успеха предприятия. Генрих требовал невозможного, и до сей поры Бекет угодливо преподносил ему желаемое. Но Амлен засомневался, что на этот раз дело у Томаса выгорит. Сегодня он заикался особенно сильно, а это было дурным знаком.

– Завтра я предъявлю Раймунду Тулузскому ультиматум, – заявил Генрих. – И если он не ответит к полудню, пусть пеняет на себя. – Король повернулся, чтобы дать указания одному из оружейников, ведавших осадными машинами, уже собранных из нескольких частей и установленных на телеги. – Подкатите их поближе, так чтобы Раймунд увидел их утром, как только проснется.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.